
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2409-2118
2020. 11(1). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Krinko Evgeny – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Larionova Marina – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Grevtsova Tatyana – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dobrovolskaya Varvara – V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Moscow, Russian Federation

Shadrina Alla – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Borkovski Andrzej – University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dimitrov Lyudmil – Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Goretity József – University of Debrecen, Debrecen, Hungary

Zubarev Vera – University of Pennsylvania, Philadelphia, United States of America

Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04

Release date 22.06.2020
Format 21 × 29,7.

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru

Typeface Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 27

Russkaya Starina

2020

Is. 1

Русская старина

Издается с 2010 г.
E-ISSN 2409-2118
2020. 11(1). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Ларионова Марина – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Гревцова Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Москва, Российская Федерация
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Борковски Анджей – Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша
Горетить Йожеф – Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Димитров Людмил – Софийский университет имени святого Климента Охридского, София, Болгария
Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Зубарева Вера – Пенсильванский университет, Филадельфия, Соединенные Штаты Америки
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 1367/4, ул. Стара
Вайнорска, г. Братислава – Нове Место,
Словакия, 831 04

Дата выпуска 22.06.2020.
Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing
House Researcher s.r.o.

Заказ № 27

CONTENTS

**To the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War:
History and Memory**

The Great Patriotic War in the Historical and Anthropological Researches E.F. Krinko	4
Southern Front Offensive of July 17 – August 2, 1943: Successes and Failures of the Operation M.V. Medvedev	14
The Feat of the Medical Staff of the Evacuation Hospitals No. 3062 and No. 3070 in Kanash Town of the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War A.B. Staseva, I.G. Kirillova, B.I. Maksimov, N.V. Zolotova, A.N. Pchelkina, N.K. Shmonina, R.R. Gareeva	26

Articles

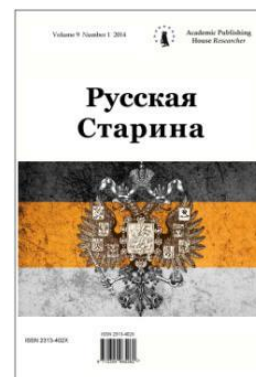
The Everyday Life of the Sotnik I.D. Popko in Ekaterinodar in the middle of the XIX century I.G. Ivantsov, I.V. Dubinin	41
The Pride and Joy of the Revolution: Sevastopol Sailors in Rostov-on-Don in 1917 O.M. Morozova	50
Problems of Demographic Development of Russian Ethnic Groups in the 1920s S.A. Kropachev	59
Identification of Motorboats Projects of the Izhevsk Operational Office N.W. Mitiukov, S.L. Bautina	71

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 4-13

DOI: 10.13187/rs.2020.1.4
www.ejournal15.com



To the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: History and Memory

The Great Patriotic War in the Historical and Anthropological Researches

Evgeny F. Krinko ^{a, *}

^a Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The recent historiography is characterized by increased attention to a human. The purpose of the article is to reveal new directions and approaches in the study of the history of the Great Patriotic War, which took shape mainly in the 1990–2000s, allowing one to “return” the “human dimension” to its events. The article is based on historiographic sources – modern studies of Russian and foreign authors. These works examine various problems of the Great Patriotic War in the framework of historical anthropology and related areas: the history of mentalities, the history of everyday life, microhistory, and gender history. All these areas are distinguished by the shift of attention from the state institutions to the human world in all its diversity and interaction with other people, behavioral strategies and conditions for the survival of individuals and groups, wartime symbols and rituals. The article was written on the basis of a systematic approach, the author used the problem-chronological method, the methods of mainstreaming and logical analysis.

Keywords: Great Patriotic War, Russian historiography, historical anthropology, mentality, everyday life, microhistory, gender history.

1. Введение

75-летие Победы в Великой Отечественной войне представляет собой хороший повод для переосмысления накопленного опыта ее изучения. В данной связи надо отметить, что историография Великой Отечественной войны прошла большой и противоречивый путь, став одним из ведущих исследовательских направлений в советской исторической науке, и сохраняет этот статус во многих постсоветских государствах. В то же время она на протяжении всего периода своего существования подвергалась значительному политическому и идеологическому воздействию, а в настоящее время превратилась, вероятно, в главный полигон «боев за историю», в которых принимают активное участие не только и не столько сами историки, сколько политики разного уровня и ранга. Не случайно М.С. Плетушков и А.С. Якушевский, подводя итоги развития историографии Великой Отечественной войны еще в середине 1990-х гг., отмечали, что вплоть до распада СССР она «на протяжении всего своего существования контролировалась сверху, Центральным Комитетом КПСС, и фактически являлась отраслью партийной пропаганды. После распада

* Corresponding author
 E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko)

СССР, хотя и исчез прежний тотальный контроль, история войны продолжает писаться по политическим меркам» (Плетушков, Якушевский, 1995: 8). Резкие оценки развития и состояния советской историографии Великой Отечественной войны были даны в первой половине 1990-х гг. и другими исследователями (Мерцалов, Мерцалова, 1992, Кулиш, 1996 и др.). С другой стороны, немало историков в это время сохраняло приверженность прежним взглядам (см.: Золотарев, 2000). Но огульное отрицание достижений предшественников, без учета имевшихся у историков возможностей, как и, напротив, их апология с отказом от признания самой необходимости обновления науки, не могут являться позитивными методами историографического анализа.

Отрицательную роль в развитии советской историографии сыграло утверждение в ней методологического монизма в форме вульгаризованного марксизма. Отход от навязывавшихся историкам идеологических стереотипов, даже в условиях второй половины 1950–1980-х гг., нередко сопровождался негативными последствиями, что продемонстрировал, в частности, разгром «нового направления» (Поликарпов, 1996 и др.). В историографии Великой Отечественной войны примером подобного вмешательства со стороны партийных органов может служить ситуация с книгой А.М. Некрича, «22 июня 1941 г.» (Некрич, 1965), обсуждение которой привело к изъятию ее тиража в 1967 г. и исключению автора из КПСС с последующей его эмиграцией за рубеж. Противоречивую роль играло и превращение истории Великой Отечественной войны в основу патриотического воспитания: утверждение формализованных подходов в сочетании с замалчиванием многих «белых пятен» способствовало нарастанию отчуждения к данной теме со стороны части общества.

Современная историография Великой Отечественной войны не только попыталась иначе, чем прежде, взглянуть на ранее сложившиеся сюжеты, но поставить и решить новые исследовательские проблемы. Цель данной статьи – раскрыть новые направления и подходы в изучении истории Великой Отечественной войны, сложившиеся в основном в 1990–2000-х гг., позволяющие «вернуть» ее событиям «человеческое измерение».

2. Материалы и методы

Цель статьи предопределила выбор соответствующих источников и исследовательской методологии. В качестве историографических источников выступают современные исследования российских и зарубежных авторов, рассматривающих различные проблемы Великой Отечественной войны в рамках исторической антропологии и близких ей направлений. Статья написана на основе системного подхода, позволившего рассматривать изучение истории Великой Отечественной войны как совокупности нескольких взаимосвязанных проблем и вопросов. При анализе историографических источников использовались проблемно-хронологический метод, а также методы актуализации и логического анализа.

3. Обсуждение и результаты

Ведущим исследовательским направлением, отражающим усиление внимания в историографии к человеку, в последние десятилетия выступает историческая антропология. Как особое научное направление историческая антропология сформировалась в трудах основоположников французской Школы «Анналов» М. Блока и Л. Февра, хотя ее истоки имеют более глубокое происхождение. По словам Ж. Ле Гоффа, историческая антропология представляет собой «общую глобальную концепцию истории. Она объемлет все достижения новой исторической науки, объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропология» (Гуревич, 1993: 297). Выступая результатом тесного междисциплинарного взаимодействия с представителями смежных исследовательских направлений – этнологами, психологами и лингвистами, историческая антропология способствовала существенному расширению «территории историка». В проблематику исследований оказались включены восприятие жизни и смерти, болезней и телесности, возрастных периодов (включая детство и старость), социальные практики, системы питания и манеры поведения, праздники и будни, социальные страхи и ожидания, слухи и другие темы, находившиеся прежде за пределами внимания профессиональных историков. Отличительной особенностью данного подхода являлось стремление понять

социальные процессы с позиций их непосредственных участников, а также повышенный интерес к языку и понятиям изучаемой эпохи, ее символам и ритуалам.

Отечественные специалисты, прежде всего А.Я. Гуревич, разрабатывали проблемы истории и культуры с позиций, достаточно близких школе «Анналов». Но только в 1990-х гг. в российской историографии начался существенный прорыв в формировании и последующем развитии историко-антропологического направления, в чем немаловажную роль сыграли публикации на русском языке работ ведущих зарубежных исследователей, а также семинары А.Я. Гуревича и издание с 1989 г. под его редакцией альманаха «Одиссей». В последующие три десятилетия историко-антропологический подход нашел отражение не только в целом ряде публикаций, но и в появлении специального учебного пособия, несколько раз переизданного (Кром, 2010).

Особенно значительное внимание российские исследователи в 1990-е – начале 2000-х гг. уделяли менталитету и его проявлениям в условиях военного времени. Данной теме был посвящен ряд специальных конференций (*Русская история, 1994, Менталитет и политическое развитие, 1996* и др.). Разработка проблемы породила ряд вопросов о том, кого следует считать носителем определенного типа ментальности: индивида, социальную группу или народ в целом, как соотносятся в этом понятии элементы сознательного и бессознательного, «другими словами, что в человеческом сознании и поведении соответствует термину “менталитет”, а для чего требуются какие-то иные термины?» (Кром, 2003: 181).

К сожалению, ответы исследователей, обращавшихся к данной проблеме на материалах Великой Отечественной войны, не всегда можно признать удовлетворительными. Так, В.Ф. Зима в специальной работе, посвященной менталитету народов России в годы Великой Отечественной войны, определяет его как «высшую субстанцию человеческого интеллекта, которая содержит необходимую информацию на все чрезвычайные ситуации жизни. Менталитет выражает национальный характер. Основа менталитета – подсознание» (Зима, 2000: 16). В то же время в дальнейшем в работе рассматривается «влияние войны на демографическую ментальность народа», под которой понимает отражение жертв войны в памяти людей, характеризуется «солдатская ментальность», «партизанская ментальность» и даже «ментальность советского генерала». Другой автор одну из глав своей монографии назвал «Советский человек на фронте и в тылу: повседневный быт и ментальности (на примере Северного Кавказа)» (Азашиков, 1993: 75). Однако предметом его изучения выступают общественные настроения и их эволюция, формирование образа «врага» в представлениях советских граждан. Очевидно, что в данном случае происходит смешение понятий «менталитета» и «ментальности» с массовым общественным сознанием. По мнению М.М. Крома, «расширительное толкование и чересчур частое использование термина “менталитет” снижает эффективность его применения в качестве инструмента исследования» (Кром, 2003: 185).

Возрастание количества работ, посвященных «человеческому измерению» войн и вооруженных конфликтов, в первую очередь, Великой Отечественной войны, позволило заговорить о формировании нового исследовательского направления – военно-исторической антропологии как комплексной междисциплинарной отрасли исторической науки на стыке психологии, социологии, культурологии, военной науки и некоторых других дисциплин. В ее становлении значительную роль сыграла Е.С. Сенявская, по инициативе которой в 2002 г. была создана Ассоциация военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война», проведены три круглых стола, призванные способствовать институционализации данного направления. Изданные по итогам их работы материалы стали важнейшими историографическими фактами в изучении военной истории в целом и истории Великой Отечественной войны в особенности в рамках антропологического подхода (Военно-историческая антропология, 2002, 2005, 2006).

Ключевыми задачами конкретно-исторических исследований в рамках нового направления считается: определение того общего и особенного, что влияет на психологию социума и армии в конкретной войне; изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе механизмов формирования героических символов, а также диалектики соотношения образа войны в массовом сознании и сознании ее участников; анализ психологии боя и солдатского фатализма, проявлений религиозности и

атеизма, особенностей самоощущения человека в боевой обстановке и других проблем (Сенявская, 2002).

Собственные исследования Е.С. Сенявской посвящены формированию в годы Великой Отечественной войны особого типа личности, который она определила как комбатанта – человека воюющего. Отмечая индивидуальный характер восприятия мира человеком, Е.С. Сенявская подчеркивает, что война порождала новые общие стереотипы поведения. При этом свое влияние на сознание людей оказывали как социально-демографические факторы, так и внешние условия – конкретная боевая обстановка, характер физических и нервных нагрузок, наиболее вероятный вид опасности, специфика контактов с противником, взаимодействие с техникой, особенности военного быта (Сенявская, 1995). Эти исследования были продолжены на материалах и других войн, которые вела Россия в XX в. В качестве самостоятельных проблем Е.С. Сенявская рассмотрела роль религии и атеизма на войне, проанализировав солдатские суеверия как форму бытовой религиозности, солдатский фатализм и отношение к смерти на войне, формирование образа врага, а также впервые в историографии поставила вопросы о сложностях «выхода» из войны поколения фронтовиков (Сенявская, 1997, 1999 и др.).

Следует согласиться с М.М. Кромом в том, что сфера применения антропологического подхода все более расширяется в последнее время. Постепенно в нее включаются история повседневности и частной жизни, семьи и детства, другие сюжеты, ранее не являвшиеся предметом специального изучения (Кром, 2010: 170). Предметом специального изучения стала советская военная повседневность, характеризующаяся усилением чрезвычайности во всех сферах жизни общества (Кринко и др., 2011). Война вызвала массовую социальную мобильность: миллионы советских граждан меняли место и образ жизни, занятия и основные предпочтения. В военное время трансформировалась социальная структура, менялась система ценностей. Исследователи обратились к практикам выживания советских военнослужащих в годы Великой Отечественной войны с учетом разных родов и видов войск (Ларионов, 2015а, 2015b и др.) и сложностям адаптации к мирной жизни вернувшихся с войны фронтовиков (Зубкова, 2000). В историографии находят свое отражение вопросы повседневной жизни в тылу, в том числе в эвакуации (Потемкина, 2008), в партизанских отрядах и на оккупированной территории (Павлова, 2005; Ковалев, 2011 и др.), а также частная жизнь в условиях военного времени (Кринко и др., 2013).

Обращает на себя внимание то, что в качестве источниковой основы в указанных исследованиях, наряду с традиционными для историографии Великой Отечественной войны официальными документами, статистикой и периодической печатью, все чаще используются источники личного происхождения – воспоминания, письма и дневники. Многие авторы и сами записывают интервью с участниками и очевидцами военных лет, которых становится все меньше и меньше. Постепенно уходящим поколением, непосредственно видевшим и помнящим войну, становятся уже и дети военного времени. В данной связи в полной мере оправданным представляется обращение многих исследователей к влиянию войны на детские судьбы, в том числе по результатам проведенных с ними интервью. В частности, судьбы детей Сталинграда стали предметом изучения в крупном исследовательском проекте, реализованном под руководством М.А. Рыбловой, в ходе реализации которого в течение двух лет, в 2014–2015 гг. были записаны 264 интервью (Детство и война, 2015). Отражению войны в памяти очевидцев, переживших ее в детском возрасте, ее влиянию на детские судьбы был посвящен и ряд других исследований (Вторая мировая война, 2010 и др.).

Новый взгляд на повседневную жизнь и систему ценностей в блокадном Ленинграде предложили С.В. Яров и другие исследователи (Женщина и война, 2006, Яров, 2012 и др.). Предметом специального исследования стали слухи и их роль в коммуникативном пространстве военного общества (Кринко, 2009, Пянкевич, 2014). Широко разрабатываемым сюжетом стало изучение представлений о себе и другом в советском обществе военного времени, формирование образов врагов и союзников (Кринко, 2010; Голубев, Поршнева, 2011 и др.).

К истории женщин в годы Великой Отечественной войны не раз обращались советские историки. Но, пожалуй, первой специфически женский взгляд на Великую Отечественную войну представила белорусская писательница С.А. Алексиевич в

документально-очерковой книге, написанной на основе собранных ею лично интервью. Она отмечала: «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания. Если мужчину война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны» (Алексиевич, 1988: 10-11).

Разработка «женской темы» на материалах Второй мировой войны получила новое звучание в 1990-е гг., в первую очередь, в связи с использованием гендерных и феминистических подходов, сторонники которых акцентируют внимание на трагизме женского военного опыта, связанного с сексуальным и другими видами насилия. Несмотря на всю неоднозначность выводов авторов данных исследований, они ставят ряд важных вопросов о проблеме интерпретации и интериоризации травмы, дискурсивной природы и идеологической детерминации исторической памяти. В последние годы появились профессиональные исследования, посвященные проблемам адаптации женщин к службе в рядах Красной армии и связанным с этим трудностям, включая и проблемы взаимоотношений полов (Никонова, 2005 и др.). Среди них выделяется фундаментальностью поставленных задач и аргументированностью выводов монография двух австралийских историков Р. Марквика и Э. Шарон Кардоне (Markwick, Charon Cardona, 2012).

Острую полемику в последнее время вызвал вопрос о массовых изнасилованиях, совершенных бойцами и командирами Красной армией в Германии и других европейских странах, поднятый книгой английского историка Э. Бивора. Он полагает, что только в Берлине советские военнослужащие совершили 100 тыс. изнасилований, а всего были изнасилованы 2 млн немецких женщин, многие по несколько раз (Beevor, 2002). Эти цифры вызвали резкую критику его оппонентов, справедливо указывающих на необоснованность использования для данных выводов статистики аборт в отдельных госпиталях, тем более ее экстраполяции на остальную Германию. В современной российской историографии признаются факты мародерства и насилия со стороны отдельных военнослужащих РККА, но отмечается, что советское командование стремилось строго пресечь данные действия, во многом вызванные мстостью и ненавистью к врагу, а подавляющее большинство солдат и офицеров сумело преодолеть эти чувства и проявить гуманность к гражданскому населению Германии (Сенявская, 1999: 270-275).

М. Гебхардт убедительно показывает, что в изнасилованиях участвовали далеко не только советские солдаты. По ее подсчетам, в послевоенное время «были изнасилованы, по меньшей мере, 860 000 женщин (и некоторое количество мужчин). По крайней мере, 190 000 женщины были изнасилованы американскими, остальные – британскими, бельгийскими или французскими солдатами». В связи с этим автор отмечает, что эти жертвы долго замалчивались по политическим причинам еще в условиях «холодной войны»: «Изнасилование женщин солдатами Красной армии было признано, хотя это делалось по идеологическим соображениям – пострадавшие стали свидетелями обвинения в конфликте Восток – Запад. Женщины, попавшие в руки американцев, британцев или французов, напротив, были наказаны презрением» (Гебхардт, 2015: 8).

Монография швейцарской исследовательницы Б. Бек, раскрывающая масштаб сексуальных преступлений в вермахте в годы Второй мировой войны и уголовной ответственности за них в различных оккупированных странах. Она также указывает на значительное количество интимных контактов немецких военнослужащих с русскими и украинскими женщинами без применения насилия, распространение так называемых «незарегистрированных супружеских пар» (Beck, 2004). Появились и в России первые работы, рассказывающие о прежде табуированных вопросах вступления советских женщин в добровольные интимные отношения с военнослужащими вермахта и других стран-союзниц Третьего рейха в период оккупации и позже, когда они находились в советском плену (Кузьминых, 2008; Ковалев, 2009).

4. Заключение

Разумеется, кругом указанных сюжетов не ограничивается в настоящее время опыт разработки истории Великой Отечественной войны в рамках исторической антропологии и

близких ей исследовательских направлений. Тем не менее, даже проведенный краткий анализ позволяет считать, что современные исследования российских и зарубежных историков создают все более разнообразные образы войны, в которых находят свое отражение судьбы, ценности, идеалы, массовые представления и практики выживания ее участников.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Литература

- Алексиевич, 1988** – Алексиевич С. У войны не женское лицо... М.: Советский писатель, 1988. 367 с.
- Азашиков, 1998** – Азашиков Г.Х. Адыгея в годы войны. Майкоп: Издательство Майкопского технологического института, 1998. 113 с.
- Военно-историческая антропология, 2002** – Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / ред. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с.
- Военно-историческая антропология, 2005** – Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / ред. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с.
- Военно-историческая антропология, 2006** – Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения / ред. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.
- Вторая мировая война, 2010** – Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей / ред. А.Ю. Рожков. Краснодар: Экоинвест, 2010. 377 с.
- Голубев, Поршнева, 2011** – Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.
- Гуревич, 1993** – Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа Анналов. М.: Индрик, 1993. 327 с.
- Детство и война, 2015** – Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 335 с.
- Женщина и война, 2006** – Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1945 гг. Сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 314 с.
- Зима, 2000** – Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 277 с.
- Золотарев, 2000** – Золотарев В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // *Новая и новейшая история*. 2000. № 2. С. 4-11.
- Зубкова, 2000** – Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 230 с.
- Ковалев, 2009** – Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.
- Ковалев, 2011** – Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 619 с.
- Кринко, 2009** – Кринко Е.Ф. Неформальная коммуникация в закрытом обществе: слухи военного времени (1941 – 1945 гг.) // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 12 (100). С. 494-508.
- Кринко, 2010** – Кринко Е.Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 годах // *Российская история*. 2010. № 5. С. 74-89.
- Кринко и др., 2011** – Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.

Кринко и др., 2013 – *Кринко Е.Ф., Тажидинова Т.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

Кром, 2003 – *Кром М.* Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО–XX, 2003. 559 с.

Кром, 2010 – *Кром М.М.* Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. Изд. 3-е. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Квадрига, 2010. 216 с.

Кузьминых, 2008 – *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2. С. 114–119.

Кулиш, 1996 – *Кулиш В.М.* Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 214–315.

Ларионов, 2015а – *Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 295 с.

Ларионов, 2015б – *Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: управление, организация и материальные условия жизни РККА в 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 303 с.

Менталитет и политическое развитие, 1996 – Менталитет и политическое развитие России: Тезисы докладов научной конференции, Москва, 29–31 октября 1996 г. / ред. А.А. Горский. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 149 с.

Мерцалов А., Мерцалова Л., 1992 – *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Довольно о войне? Воронеж: [Б.и.], 1992. 100 с.

Некрич, 1965 – *Некрич А.М.* 22 июня 1941 г. М.: Наука, 1965. 165 с.

Никонова, 2005 – *Никонова О.* Женщины, война и «фигуры умолчания» // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 563–576.

Павлова, 2005 – *Павлова Т.А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.

Плетушков, Якушевский, 1995 – *Плетушков М.С., Якушевский А.С.* Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная войны (историография). Сборник обзоров. М.: ИНИОН, 1995. С. 7–40.

Поликарпов, 1996 – *Поликарпов В.В.* Новое направление – последняя дискуссия советских историков // Советская историография М.: РГГУ, 1996. С. 349–400.

Потемкина, 2008 – *Потемкина М.Н.* Эвакуация населения в Уральском тылу (1941–1948 гг.). Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2008. 264 с.

Пянкевич, 2014 – *Пянкевич В.Л.* Люди жили слухами: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. 478 с.

Русская история, 1994 – Русская история: проблемы менталитета: Тезисы докладов научной конференции, Москва, 4–6 октября 1994 г. / ред. А.А. Горский. М.: Институт российской истории РАН, 1994. 153 с.

Сенявская, 1995 – *Сенявская Е.С.* 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995. 218 с.

Сенявская, 1997 – *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

Сенявская, 1999 – *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Сенявская, 2002 – *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002, № 4. С. 135–145.

Яров, 2012 – *Яров С.В.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М. – СПб.: Центрполиграф, 2012. 603 с.

Beck, 2004 – *Beck V.* Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–45 / Krieg in der Geschichte. Band 18. Paderborn: Schöningh 2004, 368 p.

[Beevor, 2002](#) – *Beevor A.* Berlin. The Downfall 1945. London: Viking, 2002. 528 p.

[Markwick, Charon Cardona, 2012](#) – *Markwick R.D., Charon Cardona E.* Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Basingstoke – New York: Palgrave Macmillan, 2012. 305 p.

References

[Aleksievich, 1988](#) – *Aleksievich S.* (1988). U vojny ne zhenskoe lico... [The war does not have a female face...]. M.: Sovetskij pisatel', 367 p. [in Russian]

[Azashikov, 1998](#) – *Azashikov G.H.* (1998). Adygeja v gody vojny [Adygea in the war's years]. Maikop: Izdatel'stvo Maikopskogo tekhnologicheskogo instituta, 113 p. [in Russian]

[Beck, 2004](#) – *Beck B.* (2004). Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–45 [Wehrmacht and sexual violence: Sex crimes before German military courts, 1939–45]. Krieg in der Geschichte [War in History]. Vol. 18. Paderborn: Schöningh, 368 p.

[Beevor, 2002](#) – *Beevor A.* (2002). Berlin. The Downfall 1945. London: Viking, 528 p.

[Detstvo i vojna, 2015](#) – *Detstvo i vojna: kul'tura povsednevnosti, mehanizmy adaptacii i praktiki vyzhivaniya detej v uslovijah Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingradskoj bitvy)* [Childhood and War: the culture of Everyday life, Adaptation mechanisms and Survival practices of children in the Great Patriotic War (based on the Stalingrad Battle)]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo filiala FGBOU VO RANKhiGS, 2015. 335 p. [in Russian]

[Golubev, Porshneva, 2011](#) – *Golubev A.V., Porshneva O.S.* (2011). Obraz sojuznika v soznanii rossijskogo obshhestva v kontekste mirovyh vojn [The image of an Ally in the minds of Russian society in the context of World wars]. M.: Novyi khronograf, 392 p. [in Russian]

[Gurevich, 1993](#) – *Gurevich A.Ja.* (1993). Istoricheskij sintez i shkola Annalov [Historical synthesis and the School of the Annals]. M.: Indrik, 327 p. [in Russian]

[Jarov, 2012](#) – *Jarov S.V.* (2012). Blokadnaja jetika. Predstavlenija o morali v Leningrade v 1941–1942 gg. [Blockade Ethics. Representations of morality in Leningrad in 1941–1942]. M. – SPb.: Tsentrpoligraf, 603 p. [in Russian]

[Kovalev, 2009](#) – *Kovalev B.N.* (2009). Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy [Collaborationism in Russia in 1941–1945: types and forms]. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 372 p. [in Russian]

[Kovalev, 2011](#) – *Kovalev B.N.* (2011). Povsednevnoj zhizn' naselenija Rossii v period nacistskoj okkupacii [Everyday life of the Russian population during the Nazi occupation]. M.: Molodaya gvardiya, 619 p. [in Russian]

[Krinko, 2009](#) – *Krinko E.F.* (2009). Neformal'naja kommunikacija v zakrytom obshhestve: sluhi voennogo vremeni (1941–1945 gg.) [Informal communication in a closed society: rumors of wartime (1941–1945)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 12 (100), pp. 494–508. [in Russian]

[Krinko, 2010](#) – *Krinko E.F.* (2010). Obrazy protivnika v massovom soznanii sovetskogo obshhestva v 1941–1945 godah [The enemy's images in the mass consciousness of Soviet society in 1941–1945]. *Rossijskaja istorija*. № 5, pp. 74–89. [in Russian]

[Krinko i dr., 2011](#) – *Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P.* (2011). Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940h gg.: zhizn' v uslovijah social'nyh transformacij [The Everyday world of Soviet man of the 1920–1940s: Life in the conditions of Social transformations]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 360 p. [in Russian]

[Krinko i dr., 2013](#) – *Krinko E.F., Tazhidinova T.G., Khlynina T.P.* (2013). Chastnaja zhizn' sovetskogo cheloveka v uslovijah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945) [The Private life of Soviet people in Wartime conditions: Space, Borders and Implementation mechanisms (1941–1945)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 362 p. [in Russian]

[Krom, 2003](#) – *Krom M.* (2003). Otechestvennaja istorija v antropologicheskoj perspektive [National history in an anthropological perspective]. *Istoricheskie issledovaniya v Rossii – II. Sem' let spustya*. Pod red. G. Bordyugova. 555 p. [in Russian]

[Krom, 2010](#) – *Krom M.M.* (2010). Istoricheskaja antropologija [Historical anthropology]. Izd. 3-e. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Kvadruga, 216 p. [in Russian]

[Kulish, 1996](#) – *Kulish V.M.* (1996). Sovetskaja istoriografija Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet historiography of the Great Patriotic War]. *Sovetskaya istoriografiya*. M.: RGGU, pp. 214–315. [in Russian]

Kuz'minyh, 2008 – *Kuz'minyh A.L.* (2008). Inostrannye voennoplennye i sovetskie zhenshhiny [Foreign prisoners of war and Soviet women]. *Otechestvennaja istorija*. № 2. pp. 114-119. [in Russian]

Larionov, 2015a – *Larionov A.E.* (2015). Frontovaja povsednevnost' Velikoj Otechestvennoj vojny: social'nye kommunikacii i duhovnaja zhizn' RSKA 1941–1945 gg. [Front-line daily routine of the Great Patriotic War: social communications and the spiritual life of the Red Army 1941–1945]. Moscow: Zolotoe sechenie, 295 p. [in Russian]

Larionov, 2015b – *Larionov A.E.* (2015). Frontovaja povsednevnost' Velikoj Otechestvennoj vojny: upravlenie, organizacija i material'nye uslovija zhizni RSKA v 1941–1945 gg. [Front-line daily routine of the Great Patriotic War: Management, Organization and Material conditions of life of the Red Army in 1941–1945]. M.: Zolotoe sechenie, 303 p. [in Russian]

Markwick, Charon Cardona, 2012 – *Markwick R.D., Charon Cardona E.* (2012). Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Basingstoke – New York: Palgrave Macmillan, 305 p.

Mentalitet i politicheskoe razvitie, 1996 – *Mentalitet i politicheskoe razvitie Rossii* [Mentality and Political Development of Russia]: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, Moskva, 29-31 oktyabrya 1996 g. Red. A.A. Gorskii. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1996. 149 p. [in Russian]

Mercalov, Mercalova, 1992 – *Mercalov A.N., Mercalova L.A.* (1992). Dovol'no o vojne? [Enough about the war?]. Voronezh: [B.i.], 100 p. [in Russian]

Nekrich, 1965 – *Nekrich A.M.* (1965) 22 ijunja 1941 g. [June 22, 1941]. M.: Nauka, 165 p. [in Russian]

Nikonova, 2005 – *Nikonova O.* (2005). Zhenshhiny, vojna i “figury umolchanija” [Women, the war and the “figures of silence”]. Pamyat' o vojne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 563-576. [in Russian]

Pavlova, 2005 – *Pavlova T.A.* (2005). Zasekrechennaja tragedija: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoj bitve [Secret tragedy: the civilian population in the Battle of Stalingrad]. Volgograd: Peremena, 593 p. [in Russian]

Pletushkov, Yakushevskii, 1995 – *Pletushkov M.S., Yakushevskii A.S.* (1995). Osobennosti otechestvennoj istoriografii Velikoj Otechestvennoj vojny [Features of domestic historiography of the Great Patriotic War]. Velikaya Otechestvennaya vojny (istoriografiya). Sbornik obzorov. M.: INION, pp. 7-40. [in Russian]

Polikarpov, 1996 – *Polikarpov V.V.* (1996) Novoe napravlenie – poslednjaja diskussija sovetskikh istorikov [A new direction – the Last discussion of Soviet historians]. Sovetskaya istoriografiya M.: RGGU, pp. 349-400. [in Russian]

Potemkina, 2008 – *Potemkina M.N.* (2008). Evakonaselenie v Ural'skom tylu (1941–1948 gg.) [Evacuation in the Ural rear (1941–1948)]. Magnitogorsk: Magnitogorskii gosudarstvennyi universitet, 264 p. [in Russian]

Pyankevich, 2014 – *Pyankevich V.L.* (2014). Lyudi zhili slukhami: neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada [People lived by Rumors: the Informal communication space of the besieged Leningrad. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 478 p. [in Russian]

Russkaja istorija, 1994 – *Russkaja istorija: problemy mentaliteta* [Russian history: problems of mentality]: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, Moskva, 4-6 oktyabrya 1994 g. Red. A.A. Gorskii. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 153 p. [in Russian]

Senjavsckaja, 1995 – *Senjavsckaja E.S.* (1995) 1941–1945: Frontovoe pokolenie: Istoriko-psihologicheskoe issledovanie [1941–1945: Front generation: Historical and psychological research]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 218 p. [in Russian]

Senjavsckaja, 1997 – *Senjavsckaja E.S.* (1997) Chelovek na vojne. Istoriko-psihologicheskie ocherki [The man in the war. Historical and psychological essays]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 232 p. [in Russian]

Senjavsckaja, 1999 – *Senjavsckaja E.S.* (1999) Psihologija vojny v XX veke: Istoricheskij opyt Rossii [Psychology of War in the XX century: the Historical experience of Russia]. M.: ROSSPEN, 383 p. [in Russian]

Senjavsckaja, 2002 – *Senjavsckaja E.S.* (2002). Voенно-istoricheskaja antropologija – novaja otrasl' istoricheskoi nauki [Military historical anthropology – a new branch of historical science]. *Otechestvennaja istorija*. № 4. pp. 135-145. [in Russian]

Voenno-istoricheskaja antropologija, 2002 – Voenno-istoricheskaja antropologija [Military historical anthropology]. Yearbook, 2002. Predmet, zadachi, perspektivy razvitija [Subject, tasks, development prospects]. Red. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 2002. 400 p. [in Russian]

Voenno-istoricheskaja antropologija, 2005 – Voenno-istoricheskaja antropologija [Military historical anthropology]. Yearbook 2003/2004. Novye nauchnye napravlenija [New scientific directions]. Red. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 2005. 446 p. [in Russian]

Voenno-istoricheskaja antropologija, 2006 – Voenno-istoricheskaja antropologija [Military historical anthropology]. Ezhegodnik, 2005/2006. Aktual'nye problemy izucheniya. Red. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 416 p. [in Russian]

Vtoraja mirovaja vojna, 2010 – Vtoraja mirovaja vojna v detskih “ramkah pamjati” [World War II in the children's “memory framework”]: sbornik nauchnykh statei. Red. A.Yu. Rozhkov. Krasnodar: Ekoinvest, 337 p. [in Russian]

Zhenshhina i vojna, 2006 – Zhenshhina i vojna. O roli zhenshhin v oborone Leningrada [1941–1945 gg.]. [Woman and War. On the role of women in the defense of Leningrad. 1941–1945]. Digest of articles (2006). Sbornik statei. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 314 p. [in Russian]

Zima, 2000 – *Zima V.F.* (2000). Mentalitet narodov Rossii v vojne 1941–1945 godov [The mentality of the peoples of Russia in the war of 1941–1945]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 267 p. [in Russian]

Zolotarev, 2000 – *Zolotarev V.A.* (2000). Problemy izucheniya istorii Velikoj Otechestvennoj vojny [Problems of studying the History of the Great Patriotic War]. Novaya i noveishaya istoriya, № 2. pp. 4-11. [in Russian]

Zubkova, 2000 – *Zubkova E.Ju.* (2000). Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 [Post-war Soviet society: Politics and Everyday life. 1945–1953]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 230 p. [in Russian]

Великая Отечественная война в историко-антропологических исследованиях

Евгений Федорович Кринко ^{а,*}

^а Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – раскрыть новые направления и подходы в изучении истории Великой Отечественной войны, сложившиеся в основном в 1990–2000-х гг., позволяющие «вернуть» ее событиям «человеческое измерение». Статья основана на историографических источниках – современных исследованиях российских и зарубежных авторов. Данные работы рассматривают различные проблемы Великой Отечественной войны в рамках исторической антропологии и близких ей направлений: истории ментальностей, истории повседневности, микроистории, гендерной истории. Все эти направления отличает перенос внимания с государственных институтов на мир человека во всем его многообразии и взаимодействии с другими людьми, стратегии поведения и условия выживания индивидов и групп, символы и ритуалы военного времени. Статья написана на основе системного подхода, автор использовал проблемно-хронологический метод, методы актуализации и логического анализа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, российская историография, историческая антропология, менталитет, повседневная жизнь, микроистория, гендерная история.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 14-25

DOI: 10.13187/rs.2020.1.14
www.ejournal15.com



Southern Front Offensive of July 17 – August 2, 1943: Successes and Failures of the Operation

Maxim V. Medvedev ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
 Russian Federation

Abstract

The article discusses the Mius offensive operation of the Southern Front, carried out from July 17 to August 2, 1943, with the aim of liberating the western parts of the Rostov region and Donbass. From October 1941 until the end of the summer of 1943, the border along the Mius river remained the site of the most fierce and bloody battles in the Don. The line of German defense along the Mius river received in the enemy's propaganda the name of Mius Front. It was here that in July – August 1943 the key battles of the Red Army forces over the crushing of the Mius Front began, which remained in the shadow of the Battle of Kursk. The author draws attention to the fact that this operation, despite its incompleteness, played an important strategic role. It turned out that the enemy had thrown large tank formations from near Kharkov and from the Kursk Bulge, weakening its group on the main direction of the Soviet-German front at that time. However, despite the advantage of the Soviet troops in the number of personnel and armored vehicles, it was still not possible to achieve a victorious result.

Keywords: Great Patriotic War, Southern Front, Red Army, breakthrough, Rostov Region, Donbass, Mius Front.

1. Введение

Среди малоизученных страниц истории боевых действий на юге СССР в годы Великой Отечественной войны остаются и сражения на рубежах р. Миус в Ростовской области и на Донбассе, проводившиеся войсками Южного фронта, как первого формирования в 1941–1942 гг., так и второго формирования зимой-летом 1943 г. В рамках этих событий наибольшее освещение в отечественной историографии получил период прорыва Миус-фронта войсками Южного фронта 18–30 августа 1943 г., так как он имел победный и бесповоротный результат, поставивший точку в освобождении Ростовской области. Однако окончательный прорыв мог случиться несколькими неделями ранее – в июле-начале августа 1943 г., когда Южный фронт предпринял новую попытку сокрушения вражеской обороны на р. Миус после неудачной попытки это сделать в феврале-марте 1943 г. По разным обстоятельствам наступательная операция закончилась оставлением занятых у противника позиций.

Причины трагического исхода советского наступления долгое время замалчивались в отечественной историографии, но только в последние годы эта картина событий постепенно проясняется благодаря новым исследовательским работам. Среди первых работ,

* Corresponding author

E-mail addresses: m1max@mail.ru (M.V. Medvedev)

касающихся некоторых вопросов данной проблематики, были очерки А.Ф. Корольченко (Корольченко, 1971; Корольченко, 1978) и опубликованные воспоминания ветеранов Южного фронта, таких, как В.Т. Непрокин (Непрокин, 1980) и И.И. Полищук (Полищук, 1990). В ключе современных работ по боям на Миусе в 1943 г. должного внимания заслуживает краеведческий труд Г.К. Пужаева (Пужаев, 2008), а также исследования А.В. Исаева (Исаев, 2006), Г.Г. Матишова, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко (Матишов и др., 2010; Afanasenko, 2017) и М.А. Жирохова (Жирохов, 2011), где с документальной точностью рассматриваются главные моменты наступления Южного фронта летом 1943 г. Однако имеющиеся пробелы в предыдущих анализах трагического провала советского наступления на Миусе в июле-начале августа 1943 г. требуют дополнительного исследования проблемы, чем и призвана стать данная статья.

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи послужили документы, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), а также опубликованные историографические источники. Использовались сведения из журналов боевых действий и боевых донесений войск Южного фронта в июле–августе 1943 г. Методологическую основу работы составил принцип историзма, позволяющий рассматривать исторические события в контексте определенных исторических условий при соблюдении ценностного и системного подходов. Использовались методы анализа и синтеза изучения конкретной исторической информации.

3. Обсуждение и результаты

Весной 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования разрабатывала новые задачи для фронтов с целью изгнания противника за линию Смоленск – р. Сож – среднее и нижнее течение Днепра и ликвидации немецкого плацдарма на Кубани уже к лету и осени 1943 г. Главный удар предполагалось нанести на юго-западном направлении, тем самым полностью освободить Ростовскую область и Донбасс – регион, имеющий важное промышленное и оборонное значение. Используя выгодные особенности рельефа правого берега р. Миус, немецкие войска создали мощный укрепрайон.

В начале 1943 г. здесь оборонялись немецкие соединения армейской группы «Холлидт» и 4-й танковой армии. После выхода 17 февраля 1943 г. войск Южного фронта на рубеж рек Миус и Самбек им удалось освободить от немецкой оккупации значительную часть Ростовской области, но главный рубеж по р. Миус по-прежнему оставался в руках противника. Продолжавшиеся до 10 марта попытки его прорыва не увенчались успехом для Южного фронта. Командующим Южным фронтом с марта 1943 г. был назначен генерал-полковник Ф.И. Толбухин. В этом же месяце по приказу Гитлера на базе группы «Холлидт» была сформирована новая 6-я полевая армия – «армия мстителей», созданная взамен уничтоженной в Сталинграде армии Паулюса. Вместе с 1-й танковой армией она составляла донбасскую группировку противника (Огненные рубежи, 1976: 147–149). С марта по июль 1943 г. советско-германский фронт на Миусе стабилизировался.

5 июля 1943 г. началось немецкое наступление на курском направлении. После весеннего затишья 7 июля командование Южного фронта начало подготовку к штурму немецкой обороны на Миусе. Этим наступлением предполагалось отвлечь немецкие силы с центральных фронтов, а при успехе – развить наступление на Донбасс. Трем армиям предстояло прорвать оборону противника в полосе Дмитриевка (в настоящее время – с. Дмитровка) – Куйбышево – Ново-Ясиновский и освободить Таганрог. Основу ударной группировки составляли 2-я гвардейская, 5-я ударная и 28-я армии – всего 2 механизированных корпуса, 19 стрелковых дивизий, 3 отдельные танковые бригады и 3 отдельных танковых полка. Фланги ударной группировки на фронте в 80 км прикрывали 51-я и 44-я армии, состоявшие из 11 стрелковых дивизий и танковой бригады (Матишов и др., 2010: 139).

10 июля началось сосредоточение ударной группировки в полосе обороны 29-го и 17-го немецких армейских корпусов. С 11 по 14 июля плохие погодные условия помешали противнику провести авиаразведку расположения советских частей. Тем не менее, немцы

сумели собрать достаточное количество информации о планах советского командования. Путем перехвата связи они определили расположение некоторых советских штабов. Противник узнал о намерении 5-й ударной и 28-й армий провести наступление на участке восточнее Куйбышево – Дмитриевка. Вскрыты были и схемы расположения 2-го гвардейского механизированного корпуса, 34-й гвардейской стрелковой дивизии и 13-й гвардейской минометной бригады около Дмитриевки, Дьяково и Нижнего Нагольчика.

Противник предпринял действия по укреплению своей обороны. 16-я танково-гренадерская дивизия была выведена из резерва и в ночь с 15 на 16 июля подчинена 6-й армии. 17-й армейский корпус был усилен тяжелыми армейскими противотанковыми ротами, артиллерийскими батальонами и дивизионами штурмовых орудий, которые были переброшены из других корпусов.

До восхода солнца 17 июля, располагаясь в полосе от села Дьяково и на восток по реке Нагольная, 5-я ударная армия начала мощную артиллерийскую подготовку и перешла в наступление. С юга соединения 28-й армии, в 6 часов утра, форсировав р. Миус, с боем заняли балку Холодную, хутор Скелянский и село Берестово. К 10 часам 5-я ударная армия заняла высоты 121,7, 191,3, 194,3. Завязались столкновения с противником северо-восточнее колонии Густафельд, и вскоре соединения 28-й армии заняли хутор Ново-Бахмутский (Полищук, 1990: 6–7). Продвигаясь к высоте 213,9, части 34-й гвардейской стрелковой дивизии были контратакованы батальоном пехоты при поддержке 17 танков. Уже в 14 часов начальник штаба Южного фронта генерал-майор С.С. Бирюзов сообщил о взятии высоты 213,9. Заняв стратегическую высоту, балку Ольховчик и дорогу к Мариновке, соединения 5-й ударной армии закрепились на этом участке. Севернее от 5-й ударной армии содействие наступлению оказывал 54-й стрелковый корпус 51-й армии (ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 108. Л. 48–53). Советские войска по численности превосходили немецкие в шесть раз, преимущество в боевой технике также оставалось за Красной армией.

Шквальный огонь обрушился на передовые линии немецких 294, 304, 306 и 336-й пехотных дивизий на рубеже Петрополье – Дмитриевка. Первоначально наибольшую глубину прорыва в несколько километров на фронте шириной в 6–7 км совершила 5-я ударная армия. В балке Холодной, на подступах к Ново-Бахмутскому и высоте 164,3, 33-я гвардейская танковая бригада наткнулась на мощное вражеское сопротивление. Здесь противником было подбито 4 средних танка Т-34 и один легкий Т-60. К тому же еще 2 танка Т-34 и один танк Т-60 утонули в Миусе при переправе. Слева наступал 1-й гвардейский танковый полк прорыва. Пройдя село Русское, полк с ходу попытался пробить вражеский заслон из мотопехоты и танков северо-восточнее колонии Густафельд, но, наткнувшись на минное поле, потерял 6 тяжелых танков КВ-1, еще 2 танка было сожжено огнем противотанковых орудий противника (ЦАМО РФ. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 58. Л. 20). Продвижение советских войск на этом участке застопорилось.

На исходе дня 17 июля командование фронта приняло решение о введении в наступление 1-го и 13-го гвардейских стрелковых корпусов 2-й гвардейской армии с целью поддержки действий 2-го гвардейского механизированного корпуса. Густые облака пыли и наступление сумерек затрудняли переправу советских войск через Миус у южной окраины Дмитриевки. При этом саперные части заранее не построили мост. Вследствие этих факторов было замедлено передвижение соединений из второго эшелона. На месте переправы образовался хаос: колонны автомашин, бронетехники, стрелковых частей и обозов растянулись на 3 км (ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 19–20).



Рис. 1. Карта наступления Южного фронта 17 июля – 2 августа 1943 г. (Исаев, 2006: 42)

На второй день наступления, 18 июля, продолжилось ожесточенное противостояние в районах колонии Густафельд, сел Степановка, Мариновка и хутора Елизаветинского. Утром 5-я гвардейская механизированная бригада вошла на северо-восточную окраину Степановки, где находилось до 10 танков противника. Сразу же завязался ожесточенный бой. Тем временем на помощь 5-й мехбригаде подошли танки 4-й гвардейской

механизированной бригады, после чего противник, потеряв 5 танков, днем оставил Степановку. На участке 28-й армии стрелковые соединения, сражаясь восточнее Ново-Бахмутского, не смогли развить успеха. К тому же советские танки 1-го гвардейского танкового полка прорыва и 33-й гвардейской танковой бригады при повторной попытке прорыва на подступах к Густафельду и окраине Ново-Бахмутского понесли еще большие потери на минном поле (Медведев, 2014: 242–247). За день бригада потеряла 11 танков, а в 1-м гвардейском танковом полку прорыва на ходу оставался всего лишь один танк, остальные 20 подорвались на минах. Многие поврежденные советские танки удалось отбуксировать для ремонта (ЦАМО РФ. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 58. Л. 23). Наибольшую глубину прорыва развила только 5-я ударная армия.

Утром 19 июля механизированные бригады 2-го гвардейского механизированного корпуса продолжили наступление. Противник пытался силами авиации предотвратить продвижение советских войск. Не получив ожидаемого результата, части 23-й танковой и 16-й танково-гренадерской дивизий, решая вернуть утраченные позиции, начали из нескольких направлений контратаки. В 10 часов утра со стороны балки Ольховчик на высоту 214,0 и курган Грушевка выдвинулась группа мотопехоты противника. От высоты 230,9 на западную окраину Степановки также направлялась немецкая колонна из пехоты и танков. Правее, со стороны высоты 202,0 двигалась еще одна колонна противника, нацеливая свой удар на Мариновку (ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 28–30).

В полдень командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер приказал командиру 2-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанту К.В. Свиридову активизировать силы механизированных бригад. Одновременно было приказано командиру 13-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору П.Г. Чанчибадзе перейти в наступление в полосе механизированного корпуса. Завязался многочасовой танковый бой. В итоге советские танкисты подбили 20 танков, не дав врагу пройти этот рубеж. Мотопехота противника, обходя Степановку с севера и северо-запада, направляясь к Первомайску и Лиману, также вклинилась в прочную противотанковую оборону 3-й гвардейской стрелковой дивизии. В ходе продолжительного боя немцы потеряли 5 танков и понесли большие потери в живой силе. Только воинами 3-й гвардейской стрелковой дивизии за весь день было отражено 6 контратак противника и подбито 22 немецких танка (ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 28–30).

Вблизи Ремовских рудников противник силами до батальона пехоты, при поддержке 24 танков, контратаковал соединения 5-й ударной армии. К 19 часам 96-я гвардейская стрелковая дивизия овладела хутором Саур-Могильским (в настоящее время – с. Сауровка) и пыталась занять высоту Саур-Могила. Одновременно частям 96-й гвардейской стрелковой дивизии удалось закрепиться на скалах высот 230,9 и 223,7 (ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 108. Л. 69). Южнее 315-я стрелковая дивизия 5-й ударной армии совместно с 37-й гвардейской танковой бригадой 2-й гвардейской армии к вечеру заняли позиции немецкого инженерного батальона, оборонявшегося на высотах 223,7 и 202,9 к юго-западу от Степановки, и подошли к населенному пункту Гараны (в настоящее время – х. Тараны). За первые три дня наступления, с 17 по 19 июля, войска Южного фронта потеряли убитыми и ранеными 12 798 человек, а также 140 танков (ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 172. Л. 78–80). Цена первых дней Миусской фронтальной наступательной операции для правого крыла Южного фронта была высока.

В ночь на 20 июля сражение продолжилось. Противник не желал переходить за рубеж реки Крынки и по-прежнему наносил ответные удары. Подошедшие к 20 июля основные силы 23-й танковой, 16-й танково-гренадерской и остатки 294-й и 306-й пехотных дивизий противника остановили продвижение советских соединений к высоте с отметкой 277,9 (Саур-Могила). Части 2-го гвардейского механизированного корпуса и 3-й гвардейской стрелковой дивизии, закрепившись в хуторах Саур-Могильском и Гараны, продолжили наступление в юго-западном направлении. В 10 часов противник с направления высоты 110,8 контратакой попытался выбить полки 4-й гвардейской механизированной бригады с юго-западной окраины хутора Саур-Могильского. Благодаря поддержке танкового батальона 37-й гвардейской танковой бригады вражеская атака была отбита. В 19 часов до 15 танков и полк мотопехоты противника от высоты Саур-Могила пошли в контратаку. После ожесточенного боя полки 4-й и 5-й гвардейских механизированных бригад оставили

Саур-Могильский. Уже в 23 часа механизированные бригады отбили хутор обратно, обе стороны понесли большие потери (ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 33 об.–34). Вечером гвардейцы 96-й гвардейской стрелковой дивизии в результате схватки с противником на северо-восточных скатах высоты Саур-Могила захватили знамя 126-го танково-гренадерского полка 23-й танковой дивизии, при этом взяли в плен 4 солдата противника (ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 108. Л. 73).

Ввиду сложной обстановки в районе Калиновки в бой был введен 4-й гвардейский механизированный корпус. Немцы прочно удерживали высоту 196,0, не желая больше отступать. Военный совет Южного фронта был недоволен действиями войск, т.к. их превосходство над противником по многим показателям было кратным. Уже к 10 часам 13-й гвардейский стрелковый корпус, взаимодействуя с 4-м гвардейским механизированным корпусом, занял Калиновку, Малопетровский (в настоящее время – с. Новопетровское) и Семеновский (в настоящее время – с. Семеновское). Вскоре соединения приблизились к высоте 188,4 (ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 37–40). Наиболее сильные вражеские контрудары пришлось в полосу бригад 2-го и 4-го гвардейских механизированных корпусов. Наступление обходилось большой кровью для Южного фронта: за 20 и 21 июля убитыми и ранеными было потеряно еще 12 118 человек (ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 172. Л. 89).

На следующий день командир 13-го гвардейского стрелкового корпуса с целью прорыва рубежа противника южнее Калиновки, стремясь не допустить его отхода в юго-западном направлении, решил ударом 49-й и 87-й гвардейских стрелковых дивизий овладеть данным населенным пунктом. Во второй половине дня Калиновка перешла под контроль советских соединений. Наступая, 5-я гвардейская механизированная бригада достигла западной окраины населенного пункта Криничка (в настоящее время – п. Кринички) и северного подножья высоты 110,8. Соседняя 4-я гвардейская механизированная бригада пыталась овладеть восточной окраиной Кринички и восточными скатами высоты 110,8. Совместными действиями 6-й гвардейской механизированной и 37-й танковой бригад танкисты пытались пробиться к восточной окраине Кринички и к высоте 172,3. Однако из-за плотного противотанкового огня немецких орудий танкисты-гвардейцы не смогли приблизиться к этим точкам ближе 1 км (ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 44).

К утру 23 июля противник был выбит из Семеновского, с высоты 172,3 и окраин Кринички. Командир 13-го гвардейского стрелкового корпуса решил продолжить блокировку Кринички. Только на южных и западных скатах высоты 175,5 и восточнее Алексеевки (в настоящее время – с. Алексеевское) к тому моменту сосредоточилось 30 танков и до двух рот пехоты противника. Продвижение советских войск в этом направлении застопорилось. Противник группой до двух рот пехоты с направления высоты 179,4 и батальоном из оврага северо-восточнее высоты 175,5 нанес удар по позициям 49-й гвардейской стрелковой дивизии. 33-я гвардейская стрелковая дивизия, атакуя, ворвалась на восточную окраину Кринички, но, встретив там немецкую контратаку из 7 танков, вынуждена была отойти на 200 м обратно. Во второй половине дня противник из районов высоты Саур-Могила и Кринички открыл артиллерийский огонь. Правее 5-я ударная армия смогла занять только Перадриево и еще один хутор, на остальных участках соединения оставались на прежних позициях. Противник двумя ротами пехоты при поддержке 4 танков Т-6 «Тигр» прорвался на западную окраину Семеновского (ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 108. Л. 78).

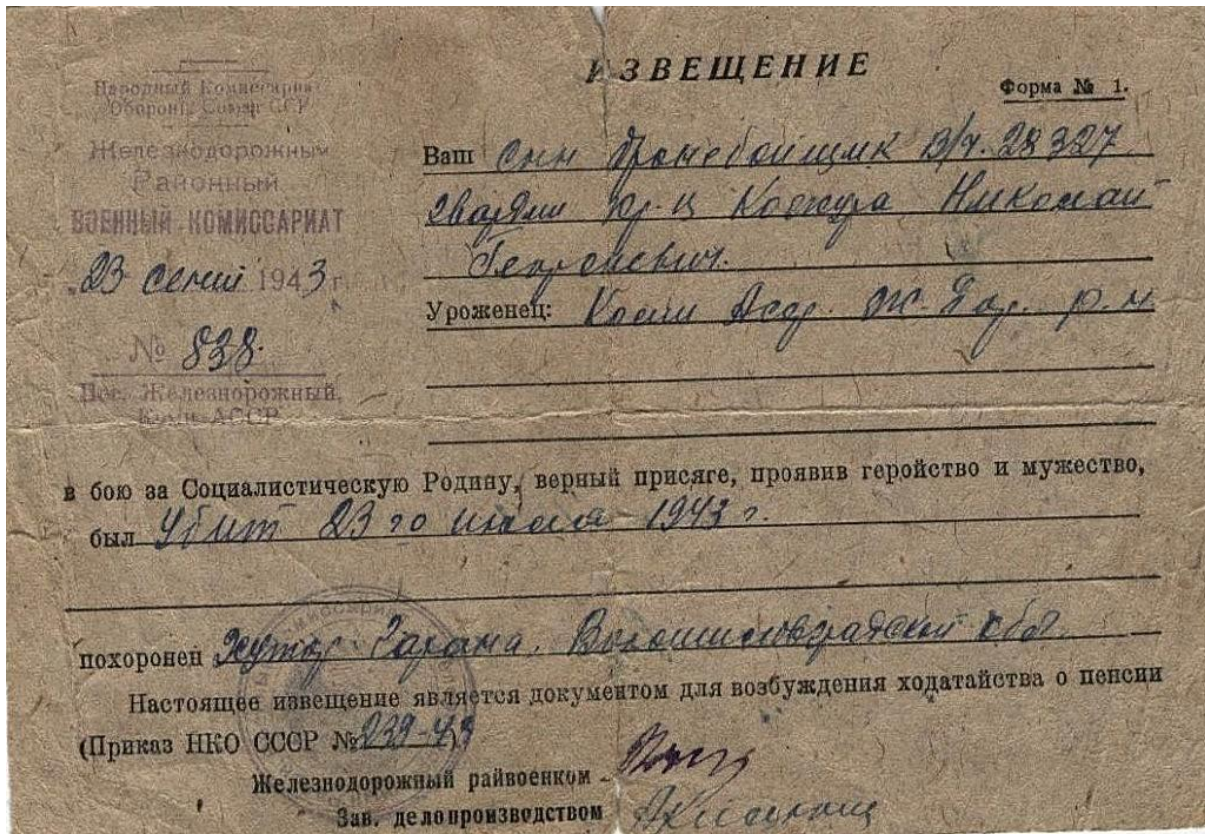


Рис. 2. Извещение о гибели красноармейца 33-й гвардейской стрелковой дивизии Н.Г. Кожура в районе населенных пунктов Криничка и Гараны Сталинской (в настоящее время – Донецкой) области 23 июля 1943 г. при отражении танковой атаки противника. В документе ошибочно указана принадлежность хутора Гараны к Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области (Личный архив Л.А. Васькив)

Наибольший урон был нанесен 15-й гвардейской механизированной бригаде 4-го гвардейского механизированного корпуса, которая при отражении контратак 4 танков Т-6 «Тигр» и противотанкового огня противника у высоты 188,4 потеряла 11 танков Т-34. К этому времени 2-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса понесли огромные потери в живой силе и технике, утратили свою боеспособность. К исходу дня в 4-м гвардейском механизированном корпусе оставалось всего 33 исправных танка (ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 49–50).

В связи с этим в ночь на 24 июля начался отвод мехкорпусов во второй эшелон. На позиции танкистов пришли дивизии 1-го и 13-го гвардейских стрелковых корпусов. Однако сводная танковая бригада, а также противотанковая артиллерия мехкорпусов оставались для усиления левого фланга 1-го гвардейского стрелкового корпуса. 23 и 24 июля прошли сильные грозовые дожди. Данный климатический фактор вследствие ухудшения проходимости дорог замедлил перегруппировку советских войск на передовой линии. Заметного продвижения войск Южного фронта с 24 июля больше не отмечалось. Произошел переход к оборонительной стратегии. Стрелковые соединения всеми силами пытались удержать занятые позиции, так как механизированные и танковые части уже были не способны вести активное наступление. В течение 24 июля любые попытки войск Южного фронта взять реванш в полосе наступления отражались мощным артиллерийским и минометным огнем противника. Также усиленно работала и авиация люфтваффе. Всего за первую неделю наступления, с 17 по 24 июля, в войсках Южного фронта общие потери составили 43726 человек. Так же было потеряно и выведено из строя противником 263 танка и 72 самолета (ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 172. Л. 95–99).

Попыткой сдержать натиск танков противника стала организация советскими войсками противотанковой обороны. Основные противотанковые силы сосредоточились на танкоопасных направлениях. В землю зарывались танки и орудия, становясь малозаметными для немцев. Маскировочными средствами укрывались позиции от вражеского наблюдения с земли и воздуха (Непрокин, 1980: 147–148). В ожидании танкового контрудара противника советские саперы минировали наиболее вероятные участки немецкого прорыва, а также готовились саперные группы для мобильного минирования угрожающих направлений. В этот момент в каждом взводе активно комплектовались группы истребителей танков, которых обеспечивали противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. При всех предпринятых усилиях приближающиеся дивизии 2-го танкового корпуса СС оставляли мало надежд советским войскам на сохранение занятых позиций (ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 52).

В течение 25 июля противник стягивал свежие силы из Дебальцево, Артемовска и Чернухино. Из этих мест в район Снежного и Чистяково (в настоящее время – г. Торез) направлялись многочисленные немецкие танковые колонны. Днем 26 июля оставшиеся боеспособные танки 2-го и 4-го гвардейских механизированных корпусов, при поддержке авиации, были задействованы в ударе по стыку 111-й и 294-й пехотных дивизий (Исаев, 2006: 39–40). Однако в ходе этой попытки противнику удалось подбить несколько советских танков. Удар из хутора Гараны на запад и проникновение в районе Кринички тоже привели к неудаче. Соединения 5-й ударной армии раз за разом пытались занять господствующую высоту Саур-Могила, но эти попытки не принесли успеха (ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 108. Л. 84–85).

Во 2-й гвардейской армии образовался некомплект в личном составе, но не только из-за больших потерь. Тылы, подразделения и части обслуживания находились на разных участках. Многие командиры различных уровней не вели точного учета потерь личного состава и техники. Это приводило к отсутствию информации о местонахождении бойцов. Поэтому, оторвавшись от своих подразделений, некоторые солдаты автоматически оказывались в тылу. Причинами такой ситуации могло послужить незнание боевой задачи или намеренное уклонение от участия в бою. Основным решением этой проблемы стали проверка и контроль тылов для пополнения людских ресурсов в боевых частях (ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. Л. 59 об.).

27 июля соединения 2-й гвардейской армии пытались закрепиться на восточной окраине Кринички и соседних высотах, но в результате нескольких контратак противника продвинуться гвардейцам не удалось. В течение дня 96-я гвардейская стрелковая дивизия 5-й ударной армии штурмовала высоту Саур-Могила, но, попав под удары противника, отошла на исходные позиции. Уже стало ясно, что немцы к этому времени подтянули усиление. Из Курского выступа в район Макеевки, Орджоникидзе (в настоящее время – г. Енакиев) и Красной Звезды (в прошлом – район г. Чистяково) прибыл 2-й танковый корпус СС под командованием П. Хауссера в составе 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх», 3-й танково-гренадерской дивизии СС «Мертвая голова» и 3-й танковой дивизии (Хаупт, 2006: 308–309). В течение 28 и 29 июля войска Южного фронта не вели активных боевых действий, проводилась перегруппировка соединений. Советским командованием было решено сгруппировать оставшиеся силы в районе Дмитриевки для попытки нового удара.

30 июля с новой силой вспыхнули бои на фронте 2-й гвардейской, 5-й ударной и 28-й армий. Теперь пехота и танки противника атаковали со стороны Кринички, Саур-Могилы, высоты 214,0. В это время 37-я гвардейская танковая бригада и два полка 33-й гвардейской стрелковой дивизии контратаковали противника западнее хутора Гараны. Основные силы 13-го гвардейского стрелкового корпуса сражались с группой из 115 немецких танков. В начале своего штурма 2-я танково-гренадерская дивизия СС «Райх» заняла высоту 230,9 и вошла в Степановку. Танки противника прорвались в хутора Гараны, Степановку, Саур-Могильский, Семеновский, Калиновку, на высоту 202,0. Немцам не удалось сходу занять высоту 213,9 вследствие заранее подготовленной советской обороны. В полях кукурузы и подсолнечника замаскированные советские огневые точки и минные заграждения стали неожиданностью для 3-й танково-гренадерской дивизии СС «Мертвая голова». В ее танковом полку в тот день было выведено из строя 48 из 89 танков (Ньютон, 2006: 424–425).

Одновременно в воздухе происходили ожесточенные сражения 8-й воздушной армии Южного фронта и 4-го воздушного флота люфтваффе. В результате 23 воздушных боев за день было потеряно 18 советских самолетов, но и противник потерял 27 самолетов. За сутки людские потери Южного фронта, без учета потерь 28-й и 2-й гвардейской армии, убитыми и ранеными составили 2007 человек (ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 172. Л. 121–123). Большое число советских солдат и офицеров попали в плен. Данный маневр противника поставил правое крыло Южного фронта в тупик. Наступать уже было невозможно, но и отойти на безопасный рубеж советским войскам тоже было непросто. Нужно было хотя бы немного ослабить ударную группу противника.

31 июля немецкие танки со стороны станции Успенской направились на Семеновский и Калиновку. В полдень 13 танков начали движение из Калиновки на Малопетровский. К юго-восточной окраине Елизаветинского подошло еще 17 танков с двумя батальонами пехоты противника, тем самым создавая угрозу окружения 87-й гвардейской стрелковой дивизии. Ситуация усугублялась еще и тем, что по соседству – слева 347-я, а справа 86-я гвардейская стрелковые дивизии начали беспорядочный отход, оголив фланги 87-й гвардейской стрелковой дивизии. Дивизионная артиллерия пыталась воспрепятствовать продвижению немцев, но противник все-таки сумел прорваться в Малопетровский и занять южную окраину Елизаветинского (ЦАМО РФ. Ф. 1247. Оп. 1. Д. 26. Л. 79).

Тяжелое положение сложилось у 3-й гвардейской стрелковой дивизии: два ее полка, 5-й и 9-й гвардейские стрелковые, находились в окружении юго-западнее Саур-Могильского. Одновременно юго-западнее хутора Гараны в окружение попали 84-й и 91-й гвардейские стрелковые полки 33-й гвардейской стрелковой дивизии. Выйдя на следующий день из окружения, полки двух гвардейских дивизий ушли в балку в районе Мариновки. Случившиеся казусы в боевых порядках советских войск указывали на то, что ситуация выходила из-под контроля командующих армиями Южного фронта.

К 1 августа дивизии 2-го танкового корпуса СС, отесняя советские соединения с занятых участков, прорвали фронт севернее Степановки. Решающим сражением советских войск была попытка удержать за собой высоту 213,9. Но во второй половине дня 3-я танково-гренадерская дивизия СС «Мертвая голова» прорвала советскую линию обороны перед высотой 213,9, и после двух с половиной часов боя эсэсовцы заняли вершину. Дальнейшее продвижение противника у высоты ненадолго смогли приостановить оставшиеся танки механизированных бригад (ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 185. Л. 1–2).

Уже 2 августа войска Южного фронта отошли на исходный рубеж к восточному берегу Миуса. Южный фронт в ходе Миусской операции понес большие потери – 106 185 воинов убитыми, ранеными и пропавшими без вести (Матишов и др., 2010: 143). Общие потери 6-й полевой армии противника за этот период составили 21 369 человек (Ньютон, 2006: 432–433). Несмотря на численное превосходство советских войск, потери Южного фронта в операции превалировали над убылью людских сил противника (Krinko, Medvedev, 2013: 36). Однако здесь стоит учитывать и намеренное сокрытие цифр реальных потерь с обеих сторон.

Неудачи прорыва были отмечены начальником Генерального штаба А.М. Василевским, проводившим после операции совещание в штабе 2-й гвардейской армии. Тогда маршал указал на несколько причин неудачного наступления. Во-первых – небольшая плотность войск в полосе наступления. Во-вторых – потеря внезапности удара. И, в конечном итоге, за передовой линией немецкой обороны у противника оказались дополнительные силы, наличие которых советское командование не предвидело. По мнению маршала А.М. Василевского, окончательного поражения армии не случилось благодаря отличной подготовке личного состава (Непрокин, 1980: 152).

4. Заключение

Таким образом, наступление Южного фронта 17 июля – 2 августа 1943 г. завершилось неудачей. Отсутствие опыта прорыва такого мощного оборонительного рубежа, каким был немецкий Миус-фронт, стало одной из основных причин поражения, хотя попытки прорыва ранее уже проводились. Совершивший контрудар по советским частям 2-й танковый корпус СС полностью парализовал наступление правого фланга Южного фронта. Большим

просчетом советского командования было допущение слабой плотности войск на стыке флангов 2-й гвардейской и 5-й ударной армий, из-за чего полки 3-й и 33-й гвардейских стрелковых дивизий оказались в окружении.

Следующей причиной стал недостаток боеприпасов (мин, снарядов) в советских соединениях и запоздалый приказ на отвод войск к рубежам обороны. Парадокс в том, что в этом немалую роль сыграл климатический фактор, так же, как и в феврале 1943 г. Оперативная поставка арсенала боепитания была крайне затруднена по причине сильного бездорожья после дождей в конце июля. Несмотря на то что, это было лето, в тот момент стало достаточно одного сильного ливня, чтобы на несколько дней заблокировать движение всего колесного транспорта, сильно нарушив обеспечение войск Южного фронта.

Тем не менее, советское наступление на Миусе отвлекло значительные силы противника из-под Харькова и с Курской дуги. Впечатляющим результатом боевого мастерства советских войск в последние дни операции, 30–31 июля 1943 г., стало отражение натиска немецких танков. В боях у сел Мариновка, Степановка и высоты 213,9 дивизии 2-го танкового корпуса СС потеряли 239 единиц бронетехники (Матишов и др., 2010: 129). Потери немецкого корпуса в эти дни вдвое превысили потери эсэсовских танков в битве под Прохоровкой. Однако на Миусе заслуга в столь ярком боевом успехе принадлежала в основном советским артиллеристам, саперам, бронебойщикам и пехотинцам, проявившим воинское искусство и отвагу. Понесенные немецкой группой армий «Юг» и 6-й полевой армией вермахта потери в боях на Миусе впоследствии отразились на ударной мощи подвижных соединений противника, которая теперь была утрачена. Данный фактор помог Воронежскому и Степному фронтам в развитии наступления на белгородско-харьковском направлении. Июльское наступление Южного фронта заложило основу для успеха следующей операции. Через две недели на Миусе начался штурм, позволивший Южному фронту в конце августа 1943 г. полностью освободить Ростовскую область и развивать наступление на Донбасс и Таврию.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект №17-18-01411).

Литература

Жирохов, 2011 – Жирохов М.А. Битва за Донбасс. Миус-фронт. М.: Центрполиграф, 2011. 352 с.

Исаев, 2006 – Исаев А.В. Прорыв «Миус-фронта». Июль – август 1943 года // *Фронтная иллюстрация. Периодическое иллюстрированное издание*. 2006. № 3. 79 с.

Корольченко, 1971 – Корольченко А.Ф. Миусские рубежи. Очерки о местах боевой славы. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1971. 57 с.

Корольченко, 1978 – Корольченко А.Ф. Сокрушение Миус-фронта. Документальная повесть. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1978. 144 с.

Матишов, Афанасенко, Кринко, 2010 – Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. – 1943 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 360 с.

Медведев, 2014 – Медведев М.В. Советское наступление на Миусе в июле 1943 г. и причины его неудачи / *Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: материалы всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18-19 сентября 2014 г.)*. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 242-247.

Непрокин, 1980 – Непрокин В.Т. Полыхают зарницы. Киев: Политиздат Украины, 1980. 271 с.

Ньютон, 2006 – Ньютон Стивен Х. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза; ЭКСМО, 2006. 576 с.

Огненные рубежи, 1976 – Огненные рубежи. Военно-исторический очерк. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1976. 224 с.

Полищук, 1990 – Полищук И.И. От Миуса до Днепра. Людиново: [б.и.], 1990. 136 с.

[Пужаев, 2008](#) – *Пужаев Г.К.* Кровь и слава Миуса. Таганрог: Изд-во БАННЭРплюс, 2008. 400 с.

[Хаупт, 2006](#) – *Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза, ЭКСМО, 2006. 445 с.

[ЦАМО РФ](#) – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

[Afanasenko, 2017](#) – *Afanasenko V.I.* The Peninsula of the Southern Front in the July offensive of 1943 // *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 2017. № 4 (1). Pp. 4-9.

[Krinko, Medvedev, 2013](#) – *Krinko E.F., Medvedev M.V.* Mius-front: German Defense Line in the South of the USSR and Its Features (1941–1943) // *Voennyi Sbornik*. 2013. № 1 (1). Pp. 27-40.

References

[Afanasenko, 2017](#) – *Afanasenko V.I.* (2017). The Peninsula of the Southern Front in the July offensive of 1943. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. No. 4 (1). pp. 4-9.

[Isaev, 2006](#) – *Isaev A.V.* (2006). Proryv “Mius-fronta”. Iyul’ – avgust 1943 goda [Breakthrough of the “Mius Front”. July – August 1943]. *Frontovaya illyustratsiya. Periodicheskoe illyustrirovannoe izdanie*. № 3, 79 p. [in Russian]

[Khaupt, 2006](#) – *Khaupt V.* (2006). Srazheniya gruppy armii “Yug”. Vzglyad ofitsera vermakhta [Battles of Army Group South. Look of the officer of Wehrmacht]. М.: Yauza, EKSMO. 445 p. [in Russian]

[Korol'chenko, 1971](#) – *Korol'chenko A.F.* (1971). Miusskie rubezhi. Ocherki o mestah boevoy slavy [Miussky boundaries. Essays on places of combat glory]. Rostov n/D: Kn. izd-vo, 57 p. [in Russian]

[Korol'chenko, 1978](#) – *Korol'chenko A.F.* (1978). Sokrushenie Mius-fronta. Dokumental'naja povest' [The collapse of the Mius front. Documentary story]. Rostov n/D: Kn. izd-vo, 144 p. [in Russian]

[Krinko, Medvedev, 2013](#) – *Krinko E.F., Medvedev M.V.* (2013). Mius-front: German Defense Line in the South of the USSR and Its Features (1941–1943). *Voennyi sbornik*. № 1. pp. 27-40.

[Matishov i dr., 2010](#) – *Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F.* (2010). Mius-front v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941/1942 gg. – 1943 g. [Mius-front in Great Patriotic War. 1941/1942 – 1943]. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 360 p. [in Russian]

[Medvedev, 2014](#) – *Medvedev M.V.* (2014). Sovetskoe nastuplenie na Miuse v iyule 1943 g. i prichiny ego neudachi [Soviet offensive on Mius in July 1943 and reasons for its failure]. *Modernizatsiya politnichnogo makroregiona i sopedel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsennyye razvitiya: materialy vseros. nauch. konf. (g. Rostov-na-Donu, 18–19 sentyabrya 2014 g.)*. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, pp. 242-247. [in Russian]

[Neprokin, 1980](#) – *Neprokin V.T.* (1980). Polykhayut zarnitsy [Summer lightnings blaze]. Kiev: Politizdat Ukrainy, 271 p. [in Russian]

[N'yuton, 2006](#) – *N'yuton Steven Kh.* (2006). Kurskaya bitva: nemetskii vzglyad [The Battle of Kursk: The German View]. М.: Yauza; EKSMO, 576 p. [in Russian]

[Ognennyye rubezhi, 1976](#) – *Ognennyye rubezhi*. Voенно-istoricheskii ocherk [Fiery boundaries. Military and historical sketch]. Rostov n/D: Kn. izd-vo, 1976. 224 p. [in Russian]

[Polishchuk, 1990](#) – *Polishchuk I.I.* (1990). Ot Miusa do Dnepra [From Mius to Dnieper]. Lyudinovo: [b.i.], 136 p. [in Russian]

[Puzhaev, 2008](#) – *Puzhaev G.K.* (2008). Krov i slava Miusa [Mius's Blood and Glory]. Таганрог: Изд-во BANNERplyus, 400 p. [in Russian]

[TsAMO RF](#) – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation].

[Zhirokhov, 2011](#) – *Zhirokhov M.A.* (2011). Bitva za Donbass. Mius-front [Fight for Donbass. Mius-Front]. М.: Tsentropoligraf, 352 p. [in Russian]

Наступление Южного фронта 17 июля – 2 августа 1943 г.: успехи и неудачи операции

Максим Валерьевич Медведев ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается Миусская наступательная операция Южного фронта, проводившаяся с 17 июля по 2 августа 1943 г. с целью освобождения западных районов Ростовской области и Донбасса. Начиная с октября 1941 г. и вплоть до конца лета 1943 г. рубеж вдоль р. Миус оставался местом наиболее ожесточенных и кровопролитных сражений на Дону. Линия немецкой обороны по р. Миус получила в пропаганде противника название «Миус-фронт». Именно здесь в июле–августе 1943 г. развернулись ключевые сражения войск Красной армии по сокрушению Миус-фронта, которые остались в тени Курской битвы. Автор обращает внимание на то, что данная операция, несмотря на ее незавершенность, сыграла важное значение в стратегическом плане. Выяснилось, что противник перебросил крупные танковые соединения из-под Харькова и с Курской дуги, ослабив свою группировку на основном в то время направлении советско-германского фронта. Однако, несмотря на преимущество советских войск в численности личного состава и бронетехники, достичь победного результата все-таки не удалось.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Южный фронт, Красная армия, прорыв, Ростовская область, Донбасс, Миус-фронт.

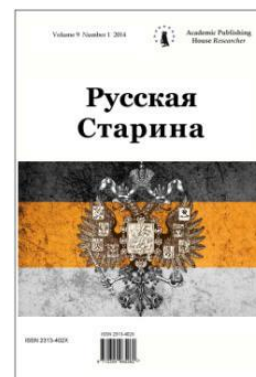
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: m1max@mail.ru (М.В. Медведев)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 26-40

DOI: 10.13187/rs.2020.1.26
www.ejournal15.com



The Feat of the Medical Staff of the Evacuation Hospitals No. 3062 and No. 3070 in Kanash Town of the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War

Alla B. Staseva ^{a,*}, Irina G. Kirillova ^b, Boris I. Maksimov ^b, Nataliya V. Zolotova ^c,
 Anna N. Pchelkina ^d, Nadezhda K. Shmonina ^d, Rezeda R. Gareeva ^e

^a Clinic №1 of the Federal Customs Service of Russia in Rostov-on-Don, Russian Federation

^b General Secondary School № 8 in Kanash, Russian Federation

^c Students Activity Center in Kanash, Russian Federation

^d Kanash Museum of Local History, Russian Federation

^e Chuvash State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the activity of two evacuation hospitals № 3062 and № 3070 in Kanash town of Chuvash ASSR during the Great Patriotic War. The article is written on the basis of documents from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the State Archive of Modern History of the Chuvash Republic and other documents as well as the memories of the eyewitnesses – the medical workers and wounded soldiers of the Red Army. The authors consider the staff of hospitals and the staff of medical institutions. Considerable attention is paid to the daily life of the hospital, the nutrition of patients, the use of the vegetable gardening in the medical institutions, the issues of salaries and wartime taxes for medical personnel (military loan and tax). The article also analyzes the wartime medical problems and the introduction of new, uniform principles of medical care. The authors have also described other issues: blackout of buildings, discipline in the medical evacuation hospitals, rehabilitation and employment opportunities for the disabled of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation hospital, medical workers, Kanash, Chuvash ASSR.

1. Введение

Все дальше и дальше уходят героические и грозные годы Великой Отечественной войны, все глубже рубцуются раны. Все меньше и меньше остается ветеранов и участников войны. 1418 дней и ночей длилась самая кровопролитная война в истории человечества. Жестокая борьба велась на пределе человеческих возможностей, когда от каждого требовалось сделать все возможное и невозможное, чтобы не сломаться, выстоять и победить.

Медицинские работники самоотверженно трудились на фронте и в тылу. Так, в городе Канаш Чувашской АССР в первые месяцы войны открылись два эвакуационных госпиталя. В настоящее время мемориальные доски на зданиях двух школ и больницы напоминают о событиях военных лет. На городском кладбище установлены 11 обелисков, под которыми захоронены 280 солдат, умерших в госпиталях от тяжелых ран, полученных на фронте.

* Corresponding author

E-mail addresses: staseva-ab@yandex.ru (A.B. Staseva)

Надпись гласит: «Здесь похоронены воины, умершие от ран в госпиталях города в 1941–1945 годах». Далее перечислены фамилии и инициалы воинов с указанием их воинского звания.

Послевоенные встречи бывших медицинских работников эвакуационных госпиталей с ранеными, лечившимися в них во время войны, состоялись в 1974, 1975 (к 30-летию Победы) и в 1985 гг. (к 40-летию Победы). В бывшем здании эвакуационного госпиталя № 3070 был создан музей «Слава госпиталя» и клуб «Поиск». Но история работы эвакогоспиталей до сих пор не написана.

В данной статье рассматриваются функционирование и повседневная жизнь эвакуационных госпиталей № 3062 и № 3070, находившихся в городе Канаш Чувашской АССР, в годы Великой Отечественной войны.

2. Материалы и методы

Основным источником стали материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации в городе Подольске Московской области. В ходе исследования были изучены личные дела, заявления и автобиографии сотрудников, книги приказов по эвакогоспиталям, раздаточные ведомости, учетные карточки, а также делопроизводственная переписка. Также были использованы воспоминания медицинского персонала госпиталей и раненых бойцов, проходивших лечение, которые хранятся в музее «Слава госпиталя» городского Дома детского творчества и в краеведческом музее города Канаш Чувашской Республики. Сохранившиеся письма и воспоминания медиков и раненых бойцов – это исторические источники, полные бытовых подробностей и эмоциональных переживаний, позволяющие реконструировать историю повседневной жизни в эвакогоспиталях Великой Отечественной войны.

Статья опирается на принцип историзма, позволивший рассмотреть деятельность эвакогоспиталей в динамике событий и процессов Великой Отечественной войны. При подготовке статьи авторы использовали проблемно-хронологический метод изложения материала и логические методы его анализа.

3. Обсуждение и результаты

С первых же дней Великой Отечественной войны перед медицинской службой Вооруженных сил СССР встали исключительно сложные и ответственные задачи. В обстановке ожесточенных оборонительных боев с наступавшим противником от всех ее звеньев требовалась особая оперативность в работе по оказанию помощи раненым и эвакуации их. Необходимо было в ограниченные сроки развернуть медицинскую службу частей и соединений, армий и фронтов, наладить четкую работу всех медицинских учреждений.

Главное внимание медицинской службы в период вынужденного отхода наших войск сосредоточивалось на обеспечении быстрого выноса и вывоза раненых с поля боя, оказании им квалифицированной медицинской помощи и дальнейшей эвакуации. Центральный Комитет ВКП(б) и советское правительство в августе 1941 г. приняли решение о представлении к правительственным наградам военных санитаров и носильщиков за вынос с поля боя раненых с их оружием или ручными пулеметами, расценивая их спасение как проявление высокой воинской доблести ([Приказ, 1941а](#)).

В первые месяцы войны многие госпитали, медицинские склады и другие медицинские учреждения были уничтожены, выведены из строя или захвачены противником. В составе военно-медицинской службы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. трудились свыше 200 тыс. врачей и около 500 тыс. медицинских работников, которые работали в более чем 6 тыс. эвакуационных госпиталей. В результате работы медицинской службы в период войны более 22 млн человек прошли лечение в медицинских учреждениях, продолжили сражаться после излечения свыше 17 млн человек, в том числе после излечения возвращены в строй: из числа раненых – 72 %, из числа больных – 87 % ([Журавлев, 2015](#)). Постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) СССР «О дальнейшем улучшении медицинской помощи раненым», вышедшем в ноябре 1941 г., Народному комиссариату здравоохранения СССР предписывалось организовать эвакуационные госпитали для лечения раненых и больных в глубоком тылу ([Великая Отечественная война, 2013: 315](#)).

Летом и осенью 1941 г. на всей территории Чувашии, в городах и рабочих поселках, санаториях и домах отдыха, школах была создана широкая сеть военных госпиталей, которые имели прямой выход к железнодорожному транспорту. Территориально это был глубокий тыл страны, поэтому доставлять раненых могли только эшелонами по железной дороге. Наркомат здравоохранения Чувашской АССР с начала Великой Отечественной войны создал 15 эвакуационных госпиталей (3850 коек). По срокам готовности: к 20 июля 1941 г. – 7 госпиталей (1710 коек): ЭГ 3057 (г. Чебоксары) – 350 коек, ЭГ 3059 (г. Алатырь) – 200 коек, ЭГ 3060 (г. Чуварлей) – 200 коек, ЭГ 3062 (г. Канаш) – 320 коек, ЭГ 3063 (г. Цивильск) – 200 коек, ЭГ 3064 (г. Беловолжск) – 160 коек, ЭГ 3056 (г. Чебоксары) – 320 коек; 7 августа 1941 г. – 3 госпиталя (750 коек): ЭГ 3058 (г. Чебоксары) – 350 коек, ЭГ 3061 (г. Алатырь) – 200 коек, ЭГ 3067 (г. Алатырь) – 200 коек; к 1 сентября 1941 г. – 3 госпиталя (850 коек); к 15 сентября 1941 г. – 1 госпиталь (250 коек); к 1 октября 1941 г. – ЭГ 3070 (330 коек) (Алексеев, 2019).

За весь период Великой Отечественной войны через сеть военно-лечебных учреждений Чувашии прошли 72 158 человек, из них раненых – 57 145 (79 %), больных – 15 013 (21 %) (Соколова, 2010: 56). Благодаря самоотверженному труду медицинских работников в годы войны эвакуационными госпиталями республики по всем контингентам раненых и больных было возвращено в действующую армию 57 %, отправлено в отпуск – 5 %, уволено в запас из РККА – 21 % от общего числа поступивших раненых и больных. Летальность в эвакуационных госпиталях Чувашской АССР составила 0,6 %. Основным показателем эффективности работы эвакуационных госпиталей являлась выписка раненых в действующую часть. За 1942–1944 гг. средний показатель выписки из госпиталей раненых и больных в действующую армию составил по СССР – 50 %, по Чувашской АССР – 60 % (Тимофеев, 2019).

Размещение эвакуационных госпиталей, методы лечения, штатный состав и его подготовка. В эвакуационных госпиталях практиковалось комплексное применение активной хирургии и терапии в сочетании с лечебной физкультурой, лечебным питанием, трудотерапией. Органы социального обеспечения занимались предоставлением нуждавшимся протезов, трудовым обучением и трудоустройством инвалидов.

Госпиталь № 3062 был размещен в двухэтажном здании глазной больницы города Канаш около железной дороги, по которой прибывали раненые бойцы, сражавшиеся на всех фронтах страны. Он был создан 26 июля 1941 г., расформирован 1 октября 1945 г. Начальниками госпиталя были: Ананий Иванович Ананьев (вступил в должность 26 июля 1941 г., освобожден от нее 4 ноября 1944 г.); И.С. Качурец¹ (вступил в должность 4 ноября 1944 г., освобожден (умер) 20 апреля 1945 г.); С.И. Дегтярев (вступил в должность 11 мая 1945 г., освобожден (расформирование госпиталя) 1 октября 1945 г.) (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп 18319. Д. 1. Л. 65).

В госпитале было два отделения, которые обозначались «верх» и «низ». По состоянию на 27 августа 1941 г. штатное расписание эвакуационного госпиталя № 3062 было укомплектовано 145 единицами (100 %). Медицинский состав представлен 91 единицей (63 %): врачи – 9 человек (6 %), среднее звено (медсестры) – 33 человек (23 %), младший медицинский персонал (санитарки) – 49 человек (34 %). Вспомогательный состав – 54 человека (37 %) (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 1. Л. 140б–230б.). В настоящее время в здании находится одно из отделений Канашского межтерриториального медицинского центра.

Эвакуационный госпиталь № 3070 был размещен в зданиях двух школ: № 2 и № 13. Создан 26 августа 1941 г., преобразован 6 октября 1945 г. в госпиталь инвалидов Отечественной войны и просуществовал до 1948 г. (ЦАМО РФ. Ф. 3070. Оп. 18325. Д. 1. Л. 90). Начальниками госпиталя были: Абрам Израилевич Островский (вступил 26 августа 1941 г., освобожден 2 декабря 1941 г.); Зинаида Николаевна Софинская (вступила 2 декабря 1941 г., освобождена 22 января 1942 г.); Ефим Макарович Макаров (вступил 22 января 1942 г., освобожден 2 января 1946 г.); Г.М. Максимова (вступила 2 января 1946 г., освобождена в 1948 г.).

В этом госпитале было 4 отделения. Названий они не имели и различались только по номеру – №№ 1, 2, 3, 4. В настоящее время в зданиях находятся: школа № 8 и Дом творчества детей г. Канаш.

¹ Инициалы ряда медицинских работников здесь и далее установить не удалось.

Эвакогоспиталь № 3070 специализировался на приеме бойцов с ранами верхних и нижних конечностей, ожогами, инфекционными заболеваниями. Из списка сотрудников госпиталя по состоянию на 10 октября 1941 г. можно понять, что штатное расписание было укомплектовано 49 единицами (100 %). Медицинский состав представлен 23 единицами (47 %): врачи – 4 человека (8 %), среднее звено (медсестры) – 15 человек (31 %), младший медицинский персонал (санитарки) – 4 человека (8 %). Вспомогательный состав – 26 человек (53 %) (ЦАМО РФ. Ф. 3070. Оп. 18325. Д. 1. Л. 21–22). Не хватало медицинского персонала в первый год войны, основная нагрузка легла на эвакогоспиталь № 3062.

К 1943 г. медицинские кадры были укомплектованы, успешно прошел обучение в военных условиях новый медперсонал, добавлены штатные единицы. Уже через два года по состоянию на февраль 1943 г. штатное расписание медицинских работников эвакуационного госпиталя № 3070 было укомплектовано 89 единицами (100 %). Медицинский состав представлен 48 единицами (54 %): врачи – 6 человек (7 %), среднее звено (медсестры) – 32 человека (36 %), младший персонал (санитарки) – 7 человек (8 %), работники аптеки – 3 человека (3 %). Вспомогательный состав – 41 человек (46 %) (ЦАМО РФ. Ф. 3070. Оп. 18325. Д. 11. Л. 80–83). Количество работавших медиков с 1941 по 1943 гг. увеличилось в два раза (с 23 до 48 человек).

В целом в Чувашской АССР состав медицинского персонала эвакогоспиталей считался стабильным. Здесь он был укомплектован врачами на 87 %, средним медперсоналом – на 90 %. Текучесть кадров врачей и медицинских сестер за весь период войны составила 3 %, в большинстве случаев она была обусловлена отзывом сотрудников на работу в освобожденные районы.

В госпитале № 3062 трудились медики из самых разных уголков страны: Чувашии, Московской, Владимирской, Кировской, Ленинградской, Ростовской (Ростов-на-Дону), Свердловской, Куйбышевской, Полтавской, Киевской, Одесской областей, Красноярского края, Татарской АССР, Удмуртской АССР, Крыма, Белоруссии (Могилев, Витебск), Эстонии (Тарту) (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 11а. Л. 1–169).

Лаборатория эвакуационного госпиталя № 3062 была хорошо оснащена. В ней имелись: аппарат Панченко – 5 шт., банки для красок – 6 шт., бюретки – 20 шт., баня водяная – 2 шт., весы Беранже – 1 шт., гемометр Сали – 1 шт., градусник – 2 шт., доска для пробирок – 1 шт., колбы – 12 шт., лактометр – 1 шт., мензурки – 2 шт., микроскоп – 1 шт., меланжеры – 22 шт., пипетки стеклянные – 36 шт., разновес от 1,0 г до 200,0 г – 1 набор, счетная камера – 1 шт., сетки асбестовые – 3 шт., спиртометр – 1 шт., спиртовки – 2 шт., урометр Фагеля – 1 шт., штатив для красок – 1 шт., штатив деревянный – 7 шт., штатив Бушена – 1 шт., центрифуга – 1 шт., цилиндры от 250,0 до 1000,0 мл – 5 шт., чашки Петри – 7 шт. (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 681476. Д. 1. Л. 20–200б).

В докладе о состоянии работы эвакогоспиталей Наркомата здравоохранения Чувашской АССР за 1944 г. говорится: «Всего имеется 9 госпиталей с количеством коек 2900. Лечебная работа в эвакогоспиталях характеризуется следующими данными: контингент раненых в 1944 г., в связи с удаленностью фронта, в большинстве своем поступают после нескольких этапов лечения в других госпиталях. Для продления лечебной работы госпитали имеют все условия, как в отношении оборудования, аппаратуры, хирургического инструментария, а также наличия высококвалифицированных кадров медицинских работников. Во всех госпиталях имеются рентгеновские кабинеты, клинические лаборатории, кабинеты лечебной физкультуры и физиотерапевтические кабинеты. Снабжение медикаментами проходит в основном удовлетворительно, за исключением частичных перебоев в снабжении рентгенопленкой, препаратов серебра (риванол) для рентгенкабинетов, реактивов для лаборатории. В лечебной работе основное место занимает оказание хирургической помощи с применением лечебной физкультуры и физиотерапевтических процедур. Раненые в госпиталях получают все виды физиотерапии: массаж, грязе-глино-торфо-терапия, гелиотерапия, электротерапия, светотерапия, гидротерапия, парафинотерапия» (ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1469. Л. 11).

По специализации коечный фонд эвакуационных госпиталей Чувашии был распределен следующим образом: хирургическое направление (грудная клетка, верхние и нижние конечности, глаза, отморожения), нейрохирургия, терапевтическое, туберкулезное,

инфекционное (сыпнотифозное, кишечные инфекции). В четырех госпиталях организованы отделения восстановительной хирургии (реабилитация).

Приведем воспоминания медицинского персонала и раненых бойцов, находившихся на излечении в эвакуогоспиталях № 3062 и № 3070. Так, А.Г. Плотников отмечал: «Для медиков война – это окровавленные операционные столы, километры бинтов, бесконечные перевязки, наложение шин, гипса, ночи и целые сутки без сна в душноватоспертом воздухе госпитальных палат» (Плотников, 1991).

Начальник 1-го хирургического отделения госпиталя № 3062 Антонина Алексеевна Карушкина вспоминала: «Буквально через несколько дней после начала Великой Отечественной войны мы получили приказ – на базе городской больницы развернуть госпиталь на 200 коек. Начальником госпиталя был назначен старейший врач города Канаша А.И. Ананьев, главным хирургом – врач из Минска С.Ю. Рутштейн. Все мы одели военную форму. Отныне стали подчиняться армейским законам. Сроки подготовки госпиталя к приему раненых определялись жесткие. Днем и ночью шла подготовка к приему раненых». По словам А.А. Карушкиной, первый состав с ранеными прибыл 9 июля 1941 г.: «С первого эшелона брали только тяжелораненых, которым нужна была срочная помощь. Сразу заработали все перевязочные. К операционным столам встали врачи-терапевты, окулисты, стоматологи, не имевшие военного опыта, ни соответствующей практики. Это же можно сказать и о хирургических сестрах. Ведь многие из медсестер прошли лишь краткосрочные курсы – не было опыта». Далее она отмечает, что первую операцию, «как учебную и практическую делал ведущий хирург С.Ю. Рутштейн, а мы были в роли ассистирующих. Перед началом операции он ознакомился сам и знакомил нас с картой истории болезни (ранения) раненого, заполненной врачами медсанбата. Затем шло снятие бинтов, осмотр мест ранения и состояния ран». Несмотря на прошедшие годы, А.А. Карушкина в деталях помнит обстоятельства операции: «Самуил Юльевич приглушенным голосом отдавал приказы: “Ножницы!.. Скальпель!.. Тампон с риванолом!.. Готовить переливание крови!..? Закончена операция. Чистой белоснежной салфеткой вытирают Самуилу Юльевичу обильный пот с лица. Он отходит от стола, моет руки. А на столе – очередной раненый». Но с каждым днем работы становилось все больше и больше: «Усилился поток раненых. Вскоре число коек увеличилось с 200 до 500» (Плотников, 1991).

Медсестра госпиталя № 3062 Ольга Андреевна Андреева утверждала: «Работа была тяжелая – круглыми сутками, непрерывно санитарные поезда доставляли раненых и мы трудились не покладая рук, не считаясь со временем. Иногда за сутки-двое нельзя было ни присесть, ни глаз сомкнуть. Но никто не хныкал, не опускал руки, глубоко осознавая, что над Родиной, каждой семьей, над всеми нами висит смертельная угроза» (Дуплий, 2009).

Находившийся на излечении в том же госпитале Сергей Ефимович Иванов сообщал о себе: «В боях под г. Белый (Калининский фронт) был тяжело ранен¹. Длительная и трудная транспортировка с поля боя вызвала заражение левой руки с раздробленной плечевой костью». После медицинской обработки раны в эвакуогоспитале города Калинина (в настоящее время Твери) его определили в санитарный поезд, следовавший на Урал. Но в пути заражение раны обострилось, и в Канаше его сняли с санитарного поезда и доставили в эвакуогоспиталь № 3062 (в настоящее время – помещение городской больницы): «Долгая, умелая и заботливая работа коллектива врачей госпиталя под руководством главного хирурга Рутштейна завершилась для меня успешно: спасена жизнь, спасена и рука. Очень много труда за девять месяцев вложил мой лечащий врач – Карушкина Антонина Алексеевна, дорогие чуткие медицинские сестры – Аня, Рая, Шура. Все они живут и трудятся в Канаше». В палате № 35 вместе с Ивановым находились на излечении и другие раненые офицеры: старший лейтенант Федор Конник, лейтенант Михаил Кондратенко, младший лейтенант Михаил Демидов: «В Канаш мы попали с разных фронтов и из разных родов войск. За время лечения очень сдружились. Выписывались из госпиталя все вместе. Все вместе ехали в Москву, в отдел кадров военного округа. И здесь наши дороги разошлись». Впоследствии, по его словам, Михаил Кондратенко из Москвы «вернулся в Канаш и женился на медсестре Анне» (Письма раненых бойцов).

¹ Расстояние от города Белый Тверской области до железнодорожного вокзала города Канаш Чувашии – 1100 км (через города Москва, Владимир, Нижний Новгород, Канаш).

Владимир Владимирович Быков писал, что его отец, Владимир Ефимович Быков, 7 апреля 1945 г. в боях за освобождение города Кенигсберг (ныне Калининград) «был вторично ранен, после чего [его] направили на длительное лечение¹. Лечился в Вашем городе Канаш до 1 августа 1945 г.». Отец всегда с благодарностью говорил «о хорошем отношении к раненым местным жителей вашего города, врачей, медсестер, всего медицинского персонала. Все это способствовало быстрейшему заживлению ран и выздоровлению тяжелораненых бойцов» ([Письма раненых бойцов](#)).

Иван Петрович Истомина 1 августа 1942 г в боях под Ржевом был тяжело ранен в грудную клетку: «Очнулся примерно 5-го августа в санбате, откуда эвакуировали в Торжок, а потом в Калинин. Из Калинина по Волге в г. Чебоксары. Из Чебоксары по железной дороге в Канашский госпиталь №3 070²». Он отмечал, что раненые с первых часов пребывания в госпитале чувствовали заботу о себе медперсонала: «Всех прибывших раненых встретил медперсонал этого госпиталя на станции Канаш. Сопровождали на нескольких подводах, тяжелораненых заносили в палату на носилках молодые девчата. Пришлось лечиться в этом госпитале с конца августа по декабрь 1942 г. За время лечения удивлялся работоспособности и человеческому терпению всех сотрудников, врачей, среднего мед. персонала, нянь» ([Письма раненых бойцов](#)).

Николай Федорович Говорун писал о том, что после тяжелого ранения 16 октября 1944 г. при прорыве обороны врага в Восточной Пруссии и первичного излечения в Вильнюсе он «был эвакуирован в “глубокий тыл”, как это тогда называли, в Ваш г. Канаш³, где лечился до февраля 1945 г.». Он хорошо запомнил, что это было «двухэтажное здание типа школы или Дома пионеров. Я помню, что лечился на 2-м этаже. Комнаты были на 10–12 человек, не более. Напротив, через коридор, находилась операционная и перевязочная. Далее, по коридору, в большом зале была столовая». К раненым приходили пионеры, выступали, пели, поздравляли с Новым годом. Н.Ф. Говорун сообщал: «В госпитале работало большинство местных жителей, девушки, женщины. Начальником госпиталя был майор, а зам. по политчасти – капитан. Их фамилий я не помню сейчас. Я знаю, что управление этим госпиталем было в городе Казань, так как все документы по инвалидности возили на утверждение в город Казань». Особенно ему запомнилась встреча Нового года: «...помню, что к нам приходили пионеры, давали нам маленькие концерты. И особенно встреча нового 1945 года в зале на втором этаже, где была наша столовая, была установлена елка и школьники давали нам свои художественные выступления под музыку баяна. Других воспоминаний нет, кроме кино, которое показывали в коридоре 1-го этажа на простынях-экранах, где можно было смотреть экран с 2-х сторон. В город выхода мы не имели и поэтому город не знали» ([Письма раненых бойцов](#)).

А.А. Карушкина сообщила, что киномехаником «на общественных началах» был рентгенотехник Сергей Иванович Горинов: «Для раненых просмотр кинокартины – душевная потребность, своеобразный праздник» ([Плотников, 1991](#)).

Алексей Игнатьевич Панченко вспоминал: «В начале апреля 1945 года наш дивизион был направлен под Берлин. На железнодорожной станции Шауляй в Литве мы попали под массированный налет немецкой авиации. Осколком авиабомбы был ранен в брюшную полость, и доставлен санитарным эшелоном в Канаш⁴. Сначала нас разместили на втором этаже школы № 13, а затем перевели в здание нынешнего Дома пионеров. Началась борьба за выживание. Шесть с половиной месяцев ее вели врачи, сестры и нянечки. Это им я обязан своей жизнью» ([Письма раненых бойцов](#)).

Научным открытием мирового значения стала разработка сотрудником Ленинградского института переливания крови профессором Л.Г. Богомоловой метода лиофильной сушки плазмы. Она получила возможность, не зная группу крови раненого, переливать большие дозы препарата под названием «сухая плазма» от донора. При этом методе переливания донорская кровь превращается в порошок, который долго хранится и

¹ Расстояние Калининград – Канаш составляет 1953 км.

² Расстояние Ржев – Торжок по трассе составляет 94 км, Торжок – Калинин – 61 км, Калинин – Чебоксары – 700 км, Чебоксары – Канаш – 80 км. Всего 935 км.

³ Расстояние от Вильнюса до Канаша 1612 – км.

⁴ Расстояние от Шауляй Литва до Канаша составляет 1736 км.

хорошо транспортируется. Разработка Л.Г. Богомоловой позволила стать донорами более 5,5 млн человек. Количество переливаний в годы войны все время увеличивалось. В 1943 г. переливание крови было произведено 13 % всех раненых, в 1944 г. — 26 %, в 1945 г. — 29 %. Широко развернувшееся в стране донорство позволило снабжать медицинскую службу консервированной кровью в достаточном количестве. Только в 1942 г. в действующую армию было отправлено 140 тыс. литров консервированной крови, а в 1943 г. — 250 тыс. литров ([Великая Отечественная война, 2013: 321](#)).

Переливание крови получило широко распространение на всех этапах лечения раненых, число трансфузий крови увеличивалось с каждым годом войны. Благодаря использованию переливания крови был значительно снижен процент смертности от травматического шока. Всего за 1941–1945 гг. было произведено более 8 млн гемотрансфузий. Это позволило не только спасти миллионы жизней, но и вернуть в строй большую часть красноармейцев. Определение группы крови перед гемотрансфузией было обязательной процедурой и возлагалось на лаборантов или медицинских сестер. Учебы и конференции по переливанию крови постоянно проводились в эвакуационных госпиталях военного времени.

Выписка из архивной справки №7/0/0/613 от 24 октября 2008 г., выданной Архивом военно-медицинских документов в городе Санкт-Петербурге гласит: «При детальном изучении истории болезни Черненко А.Д. выявлена запись о переливании крови 350 мл 1 группы крови 18 августа 1943 года (вторичное кровотечение останавливалось 13.08.43 г.). Фамилия донора не указана. Журналы учета переливания крови 3062 и 3070 ЭГ в архив не поступали» ([Личный архив А.Б. Стасевой](#)). С.Е. Иванов писал, что обязан жизнью сотрудникам вагонно-ремонтного завода Канапш: «Девушки этого завода помогли мне выжить своей кровью. Так что я себя считаю рожденным русским и воскресшим чувашом!» (подчеркнуто авторами статьи, [Письма раненых бойцов](#)).

А.А. Карушкина вспоминала: «Все сотрудники госпиталя были донорами; в этой акции милосердия участвовали также и тысячи горожан. В ходе операции бывают моменты, когда больному срочно требуется кровь той группы, которая присуща только ему. В наличии под рукой нет, а она нужна именно сейчас, срочно. Вопрос жизни и смерти больного зачастую решали работающие медики-доноры. Они, отдав кровь, порой отказывались идти домой, немного отдохнув, шли на свое рабочее место. А это разве не подвиг во имя спасения человека!» ([Плотников, 1991](#)). Это подтверждается и рассказом медсестры О.А. Андреевой: «Требовалось много крови донорской для спасения тяжелораненых. Поэтому во многих случаях медсестрам, санитаркам приходилось давать кровь и становиться постоянными донорами» ([Дуплий, 2009](#)).

На втором этапе войны решалась еще одна исключительно важная задача — внедрение в медицинское обеспечение войск фронтов, в работу всех лечебных учреждений единых принципов оказания медицинской помощи и лечения раненых и больных. Призыв в вооруженные силы большого числа гражданских врачей, имевших различную квалификацию и опыт практической работы, мог привести к тому, что на различных этапах медицинской эвакуации врачи пользовались бы различными методами лечения раненых и больных. В условиях военного времени, когда каждый раненый и больной вынужден проходить значительное число этапов медицинской эвакуации, а мероприятия, проводившиеся на каждом из них, последовательно дополнялись и расширялись, отсутствие единого метода лечения, единого подхода к ранению или заболеванию могло быть чревато самыми тяжелыми последствиями. Весь лечебно-эвакуационный процесс был единым неразрывным целым.

Главное военно-санитарное управление РККА принимало энергичные меры по внедрению научно-обоснованных методов лечения раненых и больных в тыловых районах фронтов, а также в глубине страны в эвакуационных госпиталях. Центральные органы военно-медицинской службы издавали большое количество директив, руководств, служебных писем, имевших важное значение для улучшения медицинского обслуживания. В результате принятых мер качество лечебной работы в медицинских учреждениях действующей армии и в глубине страны постоянно повышалось.

В целях улучшения медицинского обслуживания раненых и больных воинов были мобилизованы гражданские врачи и организована широкая подготовка среднего

медицинского персонала. А.А. Карушкина вспоминала: «Военкомат направил в госпиталь местных врачей и сестер, а также часть медперсонала, эвакуированного из Москвы и Ленинграда. Одновременно с комплектованием штата госпиталя шла и учеба. Все для нас было новым и неожиданным. Приходилось искать монографии врачей разных профессий, которые работали в госпиталях в период военных событий на Халхин-Голе и финской компании» (Плотников, 1991).

Раненых, поступающих с фронта, в госпиталях окружали большим вниманием и заботой. Врачи и сестры делали все необходимое для того, чтобы они снова встали в строй. А.А. Карушкина сообщала: «Большая нагрузка ложилась на плечи санитарок, их любовно называли нянечками. Они убирали палаты, ухаживали за беспомощно лежащими бойцами. Не меньше забот и тревог было у палатных сестер. Они не просто выполняли процедуры, назначенные врачом. Для каждого раненого находили доброе, ласковое слово, чутко и внимательно относились к просьбам больного. Были тяжелораненые, которые сами не могли написать домой письмо или прочитать полученные. И здесь самым доверенным во всех тайнах были палатные сестрички» (Плотников, 1991).

За добросовестную и самоотверженную работу многие медработники эвакогоспиталей были отмечены правительственными наградами. В частности, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1943 г. начальник эвакогоспиталя № 3062 А.И. Ананьев был награжден орденом Трудового Красного Знамени: «За самоотверженную работу в эвакогоспиталях по лечению бойцов и командиров Красной армии, раненых в боях с немецкими захватчиками, успешное проведение противоэпидемических мероприятий, хорошую организацию медицинского обслуживания населения и подготовку медицинских кадров» (Ананьев).

В ЦАМО РФ сохранился госпитальный приказ № 112 от 9 августа 1942 г. о представлении хирурга С.Ю. Рутштейна к правительственной награде: «Командование госпиталя в день годовщины основания госпиталя отмечает самоотверженную работу ведущего хирурга Рутштейна Самуила Юльевича по подготовке врачей госпиталя к хирургической работе. Глазные врачи и терапевты, которыми был укомплектован штат госпиталя, благодаря неустанному руководству хирурга Рутштейна в настоящее время самостоятельно обслуживают всех тяжелых раненых госпиталя. Командование Госпиталя за работу по подготовке кадров для хирургической работы и личную неустанную работу по лечению раненых объявляет хирургу Рутштейну благодарность и ходатайствует перед Чувашнаркомздравом о представлении хирурга Рутштейна к правительственной награде» (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 12. Л. 64). Однако сведений о награждении С.Ю. Рутштейна в нашем распоряжении не имеется.

На втором этапе войны медицинская служба решала серьезные санитарно-гигиенические и противоэпидемические задачи. Санитарно-эпидемическое состояние действующей армии в этот период ухудшилось. На ряде фронтов отмечалось повышение заболеваемости дизентерией, сыпным и брюшным тифом, вшивость. Постановлением ГКО СССР в 1942 г. во всех республиках, краях, областях, городах и районах были созданы чрезвычайные противоэпидемические комиссии, наделенные широкими полномочиями, а прокуратуре предписывалось привлекать к строгой ответственности нарушителей санитарного режима. Основная тяжесть борьбы с возникновением эпидемий ложилась на плечи военных врачей. Главной угрозой был сыпной тиф, для предупреждения которого использовали сыпнотифозную вакцину, разработанную профессором М.К. Кронтовской в 1942 г. Серьезной угрозой были и другие инфекционные заболевания, такие как брюшной тиф и дизентерия. В очагах брюшного тифа и дизентерии проводили обязательную дезинфекцию. Делались комбинированные прививки против брюшного тифа и столбняка поливакциной НИИСИ (Научно-исследовательского испытательного санитарного института Рабоче-крестьянской Красной армии). Так, против брюшного тифа в 1941 г. привили почти 15 млн человек, в 1942 г. — 19 млн, в 1944 г. — почти 20 млн человек. Тем, кто находился в контакте с больными, давали брюшнотифозный бактериофаг (Дашкова, 2015: 23).

В инфекционном отделении эвакогоспиталя № 3070 в марте 1943 г. находились 13 больных (ЦАМО РФ. Ф. 3070. Оп. 18325. Д. 11). Раненый боец Алексей Ульянович Коваленко в письме сообщал: «Я из тех лечившихся в госпитале 3070 с февраля по сентябрь 1943 г. — 6 месяцев. Был тяжело ранен в левую голень с переломом обеих берцовых костей.

А тут еще сыпной тиф навалился. Поэтому был снят с поезда и помещен в инфекционное отделение» (*Письма раненых бойцов*). В госпиталях проводились массовые профилактические прививки (*ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 22. Л. 22, 220б*).

Дисциплина военного времени. Все сотрудники эвакуогоспиталей жили по законам военного времени, строго выполняя приказы. Еще в первые дни войны, в июне 1941 г., был издан приказ о местной противовоздушной обороне городов, согласно которому должна была обеспечиваться светомаскировка промышленных и жилых объектов, транспорта, станций, вокзалов, улиц. За нарушение установленных правил вводилась уголовная ответственность по законам военного времени (*Приказ, 1941б*). 10 июля 1941 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял специальное постановление об организации местной противовоздушной обороны в городах и населенных пунктах РСФСР. Особое внимание было уделено маскировке промышленных объектов, оборудованию укрытий для защиты населения от вражеских бомбардировок. В первые же дни войны повсеместно приступили к маскировке и светомаскировке сотен тысяч зданий, военных и медицинских объектов, культурных памятников. Все внутреннее освещение с наступлением вечера маскировалось от наблюдения с воздуха специальными шторами. Уличные фонари были погашены. За первые два месяца войны воздушным ударам противника подверглась практически вся территория центрального района РСФСР.

Трудовые коллективы Канашского вагоноремонтного завода, наряду с ремонтом железнодорожных вагонов, занимались изготовлением артиллерийских снарядов, бронепоездов и бронетранспортеров. 4 ноября 1941 г. Чебоксары были подвергнуты бомбардировке: ночью на город было сброшено около 20 бомб. Поэтому к светомаскировке относились очень ответственно и серьезно все сотрудники эвакуогоспиталей. Даже находясь в глубоком тылу, далеко от боевых действий, они неукоснительно выполняли все предписания, начиная с 19 августа 1941 г. (*ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 1. Л. 4*).

Новый ритм работы и жизни выдержать было очень трудно, война стала частицей биографии всех сотрудников эвакуогоспиталей. Каждый госпиталь устанавливал свой распорядок работы для военнослужащих и вольнонаемных, который утверждал в соответствующей инструкции начальник госпиталя. Все без исключения должны были соблюдать эти правила. Использование казенного имущества в личных целях, нарушение дисциплины, светомаскировки госпиталя, опоздание на работу – все это вело к определенному наказанию по законам военного времени вплоть до возбуждения дела в судебном порядке (*ЦАМО РФ. Ф. 3070. Оп. 18725. Д. 7. Л. 121*). Медсестра О.А. Андреева вспоминала: «Железная воинская дисциплина, присяга, которую принимал медперсонал, естественно, требовали от каждого большой ответственности за порученное дело. А дело-то было связано с жизнью раненых. Поэтому малейшее нарушение наказывалось, вплоть до увольнения» (*Дуплий, 2009*).

8 января 1943 г. вышел приказ Народного комиссара обороны СССР о мерах повышения дисциплины среди военнослужащих, находящихся на излечении в тыловых госпиталях, согласно которому в госпиталях устанавливались правила внутреннего распорядка (*Приказ, 1943а*). Уклонение от прививок, халатное отношение к исполнению своих обязанностей, разгильдяйство, безответственность наказывалось домашним арестом на 5 суток и вычетом 50 % зарплаты за каждый день ареста. Административные взыскания не освобождали арестованных от исполнения своих функциональных обязанностей.

В приказах по госпиталям даже стирка белья производилась по определенному отчету. Велся учет работы каждой прачки. Труд оплачивался по килограммам выстиранного белья. Санобработка вольнонаемных также была под контролем. И если не выполнялись приказы, распоряжения по госпиталям, служащие немедленно снимались с занимаемой должности (*ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 1. Л. 2*).

Организация питания. В целях улучшения учета и снабжения эвакуационных госпиталей в марте 1942 г. вместо подекадного было установлено месячное планирование продовольствия, которое существовало до окончания войны, а в декабре 1942 г. был введен табель ежедневных донесений об обеспеченности продовольствием, представляемый по единой форме по состоянию на 18 часов. В результате принятых мер и организационной перестройки органов продовольственной службы снабжение продуктами питания госпиталей стало более организованным. В целях бесперебойного обеспечения

продовольствием эвакуогоспиталей была повышена ответственность наркомов за своевременную и полную отгрузку, а также установлена персональная ответственность начальников железных дорог за подачу вагонов на центральные и окружные продовольственные склады.

Несмотря на военные трудности, снабжение госпиталя было неплохим. Большую поддержку раненым и больным оказывало госпитальное подсобное хозяйство, где выращивались свежие овощи. О.А. Андреева вспоминала: «Несмотря на суровое время войны, питание в госпитале было хорошее, диетическое. Обслуживающий персонал питался в столовой. Рацион состоял из трех блюд: первое, второе и третье. Была установлена норма хлеба – 800,0 гр. Имелось подсобное хозяйство. Над госпиталем шефствовали колхозы и совхозы, поставляя различные продукты питания» (Дуплий, 2009).

Госпитальный паек включал: 600 г хлеба, в том числе 300 г пшеничного, 130 г круп и макарон, 120 г мяса и 50 г рыбы, 450 г картофеля, 285 г других овощей, 50 г сахара, сухие или консервированные фрукты, 200 г молока, 40 г коровьего масла и 15 г других жиров, 25 г творога, 10 г сметаны, 100 г сока или ягодно-фруктовый экстракт. Калорийность пайка составляла 3243 калорий. Для выздоравливающих норма хлеба увеличивалась до 800 г, в том числе 400 г пшеничного (Кринко, Тажиудинова, 2012: 41).

Согласно приказу № 76 от 6 июня 1942 г. в эвакуационном госпитале № 3062 получали питание 404 больных (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 12. Л. 45 об.). В эвакуогоспитале № 3070, согласно приказу № 42 от 8 марта 1943 г., на продовольственном довольствии находилось 402 человека (из них 73 человека – выздоравливающие, 13 человек – в инфекционной больнице) (ЦАМО РФ. Ф. 3070. Оп. 18325. Д. 11).

15 января 1943 г. приказом Народного комиссара обороны СССР № 33 в соответствии с распоряжением СНК от 25 декабря 1942 г. № 24703 была введена выдача продуктов донорам, находившимся в войсковом и армейском районах действующей армии, единовременно после каждой сдачи крови (отпуск производился лечебными учреждениями). Донорам, сдавшим от 400 до 500 куб. см крови (1-я категория), полагалось по 0,5 кг сливочного масла, сахара, мяса и крупы, донорам, сдавшим от 200 до 250 куб. см крови (2-я категория), – по 0,3 кг тех же продуктов (Приказ, 1943б)

Огородничество. В годы войны правительство СССР поощряло развитие коллективного огородничества как дополнительного источника продовольственного снабжения. 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) специальным постановлением предусмотрели выделение земель для подсобных хозяйств. Подсобные хозяйства организовывались при санаториях, домах отдыха, больницах, домах инвалидов и престарелых, детских учреждениях и школах. По решению правительства лечебные учреждения, детские дома и ясли, дома инвалидов полностью использовали продукцию своих подсобных хозяйств.

Подсобные хозяйства или коллективные огороды значительно повысили уровень обеспечения эвакуационных госпиталей картофелем и овощами. На территории, не затронутой военными действиями, потребление этих продуктов увеличилось за два года в 1,9 раза, причем в 1,7 раза – за счет продукции подсобных хозяйств. Во время летне-осенней кампании 1942 г. были разработаны положения по организации заготовок продовольствия из местных средств подсобного хозяйства.

В результате штатного оформления заготовительных органов с началом уборки нового урожая (с августа 1942 г.) началось более разнообразное и плановое использование местных продовольственных запасов. Уже в мае 1942 г. в штат сотрудников эвакуационного госпиталя № 3070 была введена должность работника подсобного хозяйства (ЦАМО РФ. Ф. 3070. Оп. 18325. Д. 7. Л. 73). О.А. Андреева вспоминала: «Отопление госпиталя в то время производилось дровами, которые заготавливались в Шакуловском лесу, силами выздоровевших раненых, медсестрами, санитарями и подсобными рабочими» (Дуплий, 2009).

Выздоровляющие бойцы были задействованы на определенных видах работ по решению лечащих врачей в подсобном хозяйстве и на огороде госпиталя (например, уборке моркови, заготовке дров). Некоторые из них после реабилитации (уволненные в запас, уволенные из рядов действующей армии по болезни, по ранению, инвалиды) оставались

работать при подсобном хозяйстве и зачислялись в штат госпиталей (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 22. Л. 15 об.).

Зарплата и налоги. Великая Отечественная война потребовала огромных расходов от государства. Около 338 млн рублей СССР тратил каждый из 1418 дней войны. Чтобы их возместить, с 1942 по 1945 г. выпускались специальные займы, участие в которых было как добровольным, так и принудительным (часть зарплаты и премий выдавались в виде облигаций). Население отдавало свои сбережения, чтобы хоть как-то помочь в борьбе с фашистскими захватчиками. Ежегодно выпускалось по два вида займов – процентные и выигрышные. Общая сумма займа выигрышного выпуска: 1942 г. – 10 млрд рублей, 1943 г. – 12 млрд рублей, 1944–1945 гг. – по 25 млрд рублей (Твердюкова, 2018).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. был установлен военный налог. Это было вызвано необходимостью привлечения средств населения для финансирования государственных расходов в годы Великой Отечественной войны. К оплате привлекались граждане, достигшие 18 лет. Освобождались от военного налога: военнослужащие рядового, младшего командного и начальствующего состава всех родов войск; военнослужащие среднего, старшего и высшего командного и начальствующего состава, находившихся в Красной армии, на флоте и в пограничных войсках; члены семей военнослужащих, которые получали помощь от государства; мужчины 60 лет и старше; женщины 55 лет и старше; пенсионеры, которые не имели других источников доходов, кроме пенсии. Военный налог поступал в размерах, превышающих все другие налоговые платежи населения, что позволило мобилизовать в доход бюджета за годы войны около 72,1 млрд рублей (Глушакова, 2015: 191). 6 июля 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР военный налог был отменен.

Налог на бездетность существовал в СССР с ноября 1941 г. на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР». Бездетные мужчины от 20 до 50 лет и бездетные замужние женщины от 20 до 45 лет должны были отчислять 6 % зарплаты государству. Меньшая ставка предусматривалась для тех, кто получал менее 91 рубля в месяц. Освобождались от налога лица, не имевшие возможности завести ребенка по состоянию здоровья. От уплаты налога освобождались лица, у которых дети погибли, умерли или пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны.

Согласно указу Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» налогообложению стали подлежать рабочие, служащие, литераторы, работники искусства, владельцы строений, сельскохозяйственных участков в городских поселениях, кустари, ремесленники и другие граждане, имевшие самостоятельные источники дохода на территории СССР. Налог взимался с доходов, которые превышали 70 рублей, ставка была прогрессивной (от 2,5 до 9,5 %).

Раздаточные ведомости эвакогоспиталя № 3062 за январь–август 1943 г. показывают, сколько получали медицинские работники и сколько отдавали фронту своих денежных средств. Количество работников составляло 137 человек (от начальника отделения до сапожника). За 26 рабочих дней в августе 1943 г. (без воскресенья) им было начислено 43064,9 рублей, удержано 11 213,25 рублей: военный заем – 4737,5 рублей, военный налог – 3890 рублей, налог на бездетность – 319,12 рублей, подоходный налог – 2147,33 рублей, по исполнению судебных решений – 119,30 рублей. Выдано на руки было всего 31 851,65 рублей (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 20. Л. 75).

За один день персонал эвакогоспиталя зарабатывал 1225,06 рублей. Именно эту сумму однодневного заработка было принято единогласно на общем собрании сотрудников вновь организовавшегося госпиталя № 3070 от 9 октября 1941 г. ежемесячно отчислять до конца войны (ЦАМО РФ. Ф. 3070. Оп. 18325. Д. 7. Л. 21). Таким образом, можно предположить, что эвакуационные госпитали № 3062 и № 3070 с января 1942 г. по май 1945 г. (41 месяц) отчислили в пользу фронта только по военным займам и налогам более 700 тыс. рублей.

В среднем около 30 % от зарплаты каждого работника госпиталя отчислялось государству. Например, ведущему хирургу С.Ю. Рутштейну за август 1943 г. было начислено 1387,5 рублей, а получал он на руки только 877,56 рублей, отдавая 37 % (509,94 рублей) от своей зарплаты на все отчисления. Начальнику отделения Н.А. Турской начислено 825 рублей, она получала на руки 576 рублей, отдавая 30 % (249 рублей) от зарплаты на все

отчисления. Старшей операционной сестре З.И. Скуч начислено 540 рублей, получала на руки 395 рублей, отдавала 27 % (145 рублей) от своей зарплаты на все отчисления. Перевязочной медицинской сестре В.А. Алексеевой начислено 325 рублей, получала она на руки 226 рублей, отдавая 30 % (99 рублей) от своей зарплаты на все отчисления, в том числе 16,25 рублей – налог на бездетность. Санитарке П. Тихоновой начислено 190 рублей, она получала на руки 141,05 рублей, отдавала 26 % (48,95 рублей) от своей зарплаты на все отчисления, в том числе 9,5 рублей – налог на бездетность (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 20. Л. 75).

Администрация эвакогоспиталей могла назначать, увеличивать или уменьшать размер заработной платы, вводить дополнительные выплаты медицинским сестрам (например, для командировок с инвалидами Отечественной войны к месту проживания) (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 7, Л. 58; Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 25. Л. 123, 161, 173).

Находившимся на излечении в госпиталях военнослужащим сохранялось денежное содержание. В частности, справка №5/118201 от 20 января 2009 г. ЦАМО РФ подтверждает нахождение в госпитале А.Д. Черненко и выплату ему денежного содержания: «Сообщаем, что в раздаточных ведомостях на выдачу денежного содержания раненым, находящимся на лечении за октябрь, ноябрь 1943 года 3062 эвакогоспиталя значится: “командир взвода танкового полка лейтенант Черненко А.Д.” (<...> денежное содержание выплачивается в ведомостях за ноябрь, август, сентябрь)» (ЦАМО РФ. Ф. 3062. Оп. 18319. Д. 23а. Л. 132, 157; Личный архив А.Б. Стасевой). Приказом Народного комиссара обороны СССР № 306 от 14 сентября 1941 г. устанавливалась также выплата суточных денег раненым и больным партизанам, находящимся в лечебных учреждениях в размере 3 рублей в сутки (ЦАМО РФ. Ф. 18 319. Д. 7. Л. 58).

4. Заключение

Во все времена профессия медицинского работника считалась одной из самых необходимых и уважаемых обществе. В 1943 г. в 9 эвакуационных госпиталях Чувашии (№№ 3056, 3058, 3062, 3070, 3067, 3057, 3060, 3459, 3064) числилось 17 902 человека: из них 12 177 фронтовиков. За весь период Великой Отечественной войны (июль 1941 г. – июнь 1945 г.) через сеть военно-лечебных учреждений Чувашии прошли 72 158 человек (Алексеев, 2019). Самоотверженно трудились в годы Великой Отечественной войны и все работники эвакуационных госпиталей № 3062 и № 3070 г. Канаш Чувашской АССР. Благодаря их труду и заботе удалось сохранить жизнь и вернуть в строй многих раненых и больных военнослужащих Красной армии.

Литература

Ананьев – Ананьев Ананий Иванович 1887 г.р. // Подвиг народа 1941–1945. [Электронный ресурс]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1560610988&tab=navDetail> Document (дата обращения: 15.02.2020).

Алексеев, 2019 – Алексеев Г.А. О работе эвакуационных госпиталей на территории Чувашии. [Электронный ресурс]. URL: <http://old-medicin.cap.ru/SiteMap.aspx?id=817994> (дата обращения: 25.01.2019).

Великая Отечественная война, 2013 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Воениздат, 2013. 864 с.

ГАСИ ЧР – Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР).

Глушакова, 2015 – Глушакова О.В. Бюджет СССР в годы Великой Отечественной войны // Сибирская финансовая школа. 2015. № 6 (113). С. 187–192.

Дашкова, 2015 – Дашкова Е.А. Организация противоэпидемической службы в годы Великой Отечественной войны // Медицина в годы Великой Отечественной войны: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (Волгоград, 28–29 апреля 2015 г.). Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2015. С. 22–23.

Дуплий, 2009 – Дуплий И. Сестра милосердия: художественно-историческая повесть в 3 ч. Чебоксары: [б. и.], 2009. 399 с.

Журавлев, 2015 – Журавлев Д. Воины милосердия. Медики в годы Великой Отечественной войны // *Медицинский вестник*. 2015. № 13 (698). [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.medvestnik.ru/articles/Voiny-miloserdiya-Mediki-v-gody-Velikoi-Otechestvennoi-voiny.html> (дата обращения: 13.01.2019).

Кринко, Тажиудинова, 2012 – Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г. Питание военнослужащих в 1941–1945 гг. // *Вопросы истории*. 2012. № 5. С. 39–54.

Личный архив А.Б. Стасевой – Личный архив Стасевой Аллы Борисовны (г. Ростов-на-Дону).

Письма раненых бойцов – Письма раненых бойцов. Коллекция писем музея «Слава госпиталя» городского Дома детского творчества г. Канаш Чувашской Республики.

Плотников, 1991 – Плотников А.Г. А в сердце не утихает боль... // *Вестник. Информационный листок исполкома Канашского городского Совета народных депутатов. Приложение к газете «Канаш»*. 1991. № 6. С. 84–91.

Приказ, 1941а – Приказ о представлении к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу № 281 от 23 августа 1941 г. // *Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г.* Т. 13 (2–2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 72.

Приказ, 1941б – О квалификации нарушений правил и распоряжений о местной противовоздушной обороне. Приказ Прокурора Союза ССР и Народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 26 июня 1941 г. № 59/595 // *Советская прокуратура. Сборник документов / отв. ред. К.С. Павлицев, С.А. Шишков*. М.: Юридическая литература, 1981. С. 125.

Приказ, 1943а – Приказ о мерах повышения дисциплины среди военнослужащих, находящихся на излечении в тыловых госпиталях, № 016 от 8 января 1943 г. // *Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг.* М.: ТЕРРА, 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/01.html (дата обращения: 24.01.2019).

Приказ, 1943б – Приказ о порядке отпуска продуктов донорам в войсковом и армейском районах действующей армии № 33 от 15 января 1943 г. // *Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг.* М.: ТЕРРА, 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/01.html (дата обращения: 24.01.2019).

Соколова, 2010 – Соколова В.И. О работе эвакуационных госпиталей в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2010. № 2. С. 54–61.

Твердюкова, 2018 – Твердюкова Е. Финансовая удавка. Добровольные займы в СССР. [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/finansovaya-udavka-dobrovolnye-zajmy-v-sssr.html> (дата обращения: 13.01.2019).

Тимофеев, 2019 – Тимофеев В.В. Эвакогоспитали в республиках Волго-Вятского экономического региона в годы Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ainros.ru/materPP/494PobPrib.htm> (дата обращения: 13.01.2019).

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

References

Alekseev, 2019 – Alekseev G.A. (2019). O rabote evakuatsionnykh gospitalei na territorii Chuvashii [On the work of evacuation hospitals in Chuvashia]. [Electronic resource]. URL: <http://old-medicin.cap.ru/SiteMap.aspx?id=817994> (date of access: January 25, 2019). [in Russian]

Ananiev – Anan'ev Ananii Ivanovich 1887 g.r. [Ananii Ivanovich Ananiev, born in 1887]. Podvig naroda 1941–1945 [Electronic resource]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1560610988&tab=navDetailDocument> (date of access: February 15, 2020). [in Russian]

Dashkova, 2015 – Dashkova E.A. (2015). Organizatsiya protivoepidemicheskoi sluzhby v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Organization of antiepidemic service during the Great Patriotic War]. *Meditcina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: materialy Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine (Volgograd, 28-29 aprelya 2015 g.)*. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2015. Pp. 22-23. [in Russian]

Duplii, 2009 – *Duplii I.* (2009). *Sestra miloserdiya [Sister of charity]: khudozhestvenno-istoricheskaya povest' v 3 ch.* Cheboksary: [b. i.], 399 p. [in Russian]

GASI ChR – Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki [State Archive of Modern History of the Chuvash Republic].

Glushakova, 2015 – *Glushakova O.V.* (2015). *Byudzhets SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The budget of the USSR during the Great Patriotic War].* *Sibirskaya finansovaya shkola.* №6 (113), pp. 187-192. [in Russian]

Krinko, Tazhidinova, 2012 – *Krinko E.F., Tazhidinova I.G.* (2012). *Pitanie voennosluzhashchikh v 1941–1945 gg. [Feeding the military population in 1941–1945].* *Voprosy istorii.* № 5, pp. 39-54. [in Russian]

Lichnyi arkhiv A.B. Stasevoi – Lichnyi arkhiv Stasevoi Ally Borisovny (g. Rostov-na-Donu) [Personal files of Alla Staseva (Rostov-on-Don)]. [in Russian]

Pis'ma ranenykh boitsov – Pis'ma ranenykh boitsov [Letters from wounded fighters]. Kolleksiya pisem muzeya «Slava gospiytalya» gorodskogo Doma detskogo tvorchestva g. Kanash Chuvashskoi Respubliki. [in Russian]

Plotnikov, 1991 – *Plotnikov A.G.* (1991). *A v serdtse ne utikhaet bol'... [And the pain does not abate in the heart...].* *Vestnik. Informatsionnyi listok ispolkoma Kanashskogo gorodskogo Soveta narodnykh deputatov. Prilozhenie k gazete "Kanash".* № 6, pp. 84-91. [in Russian]

Prikaz, 1941a – Prikaz o predstavlenii k pravitel'stvennoi nagrade voennykh sanitarov i nosil'shchikov za khoroshuyu boevuyu rabotu № 281 ot 23 avgusta 1941 g. [Order on the Government award recommendation of military orderlies and porters for good combat work No. 281 dated August 23, 1941]. *Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR 22 iyunya 1941 g. – 1942 g.* (1997). Vol. 13 (2–2). M.: TERRA, p. 72. [in Russian]

Prikaz, 1941b – O kvalifikatsii narushenii pravil i rasporyazhenii o mestnoi protivovozdushnoi oborone. Prikaz Prokurora Soyuzov SSR i Narodnogo komissara vnutrennikh del Soyuzov SSR ot 26 iyunya 1941 g. № 59/595 [On qualification of violations of the rules and regulations on local air defense. Order No. 59/595 dated June 26, 1941 by the Prosecutor of the USSR and the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR]. *Sovetskaya prokuratura. Sbornik dokumentov. Otv. red. K.S. Pavlishchev, S.A. Shishkov.* M.: Yuridicheskaya literatura, p. 125. [in Russian]

Prikaz, 1943a – Prikaz o merakh povysheniya distsipliny sredi voennosluzhashchikh, nakhodyashchikhsya na izlechenii v tylovykh gospiytalakh, № 016 ot 8 yanvarya 1943 g. [Order on measures to improve discipline among servicemen cured in base hospitals, No. 16 of January 8, 1943]. *Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya [Russian Archives: Great Patriotic War].* Vol. 13 (2–3). *Prikazy Narodnogo komissara oborony SSSR. 1943–1945 gg. [Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR. 1943–1945]* (1997). M.: TERRA. [Electronic resource]. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/01.html (date of access: January 24, 2019). [in Russian]

Prikaz, 1943b – Prikaz o poryadke otpuska produktov donoram v voiskovom i armeiskom raionakh deistvuyushchei armii № 33 ot 15 yanvarya 1943 g. [Order on the procedure of food supplies to donors in the military and army areas of the active army No. 33 dated January 15, 1943]. *Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya.* Vol. 13 (2–3). *Prikazy Narodnogo komissara oborony SSSR. 1943–1945 gg. [Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR. 1943–1945]* (1997). M.: TERRA. [Electronic resource]. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/01.html (date of access: January 24, 2019). [in Russian]

Sokolova, 2010 – *Sokolova V.I.* (2010). *O rabote evakogospitali v Chuvashskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [About work of evacuation hospitals in the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War].* *Sovremennye problemy servisa i turizma.* № 2, pp. 54-61. [in Russian]

Timofeev, 2019 – *Timofeev V.V.* (2019). *Evakogospitali v respublikakh Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo regiona v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuation hospitals in the republics of Volga-Vyatka economic region during the Great Patriotic War].* [Electronic resource]. URL: <http://www.ainros.ru/materPP/494PobPrib.htm> (date of access: January 13, 2019). [in Russian]

TsAMO RF – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation].

Tverdyukova, 2018 – *Tverdyukova E.* (2018). *Finansovaya udavka. Dobrovol'nye zaimy v SSSR [Financial squeeze. Voluntary loans in USSR].* [Electronic resource]. URL:

<https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/finansovaya-udavka-dobrovolnye-zajmy-v-sssr.html> (date of access: January 13, 2019). [in Russian]

Velikaya Otechestvennaya voina, 2013 – Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov [Great Patriotic War 1941–1945]. V 12 t. T. 7. Ekonomika i oruzhie voiny. M.: Voenizdat, 864 p. [in Russian]

Zhuravlev, 2015 – Zhuravlev D. (2015). Voiny miloserdiya. Mediki v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Warriors of mercy. Medics during the Great Patriotic War]. *Meditsinskii vestnik*. № 13 (698). [Electronic resource]. URL: <https://lib.medvestnik.ru/articles/Voiny-miloserdiya-Mediki-v-gody-Velikoi-Otechestvennoi-voiny.html> (date of access: January 13, 2019). [in Russian]

Подвиг медицинских работников эвакуационных госпиталей № 3062 и № 3070 г. Канаш Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны

Алла Борисовна Стасева ^{a, *}, Ирина Геннадьевна Кириллова ^b, Борис Иванович Максимов ^b, Наталия Витальевна Золотова ^c, Анна Николаевна Пчелкина ^d, Надежда Константиновна Шмоница ^d, Резеда Ринатовна Гареева ^e

^a Поликлиника № 1 Федеральной таможенной службы России в г. Ростове-на-Дону, Российская Федерация

^b Средняя общеобразовательная школа № 8 г. Канаш, Российская Федерация

^c Дом детского творчества г. Канаш, Российская Федерация

^d Краеведческий музей г. Канаш, Российская Федерация

^e Чувашский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются деятельность двух эвакуационных госпиталей №3062 и № 3070 в городе Канаш Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны. Статья написана на основе документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Государственного архива современной истории Чувашской Республики и других документов, а также воспоминаний очевидцев – медицинских работников и раненых военнослужащих Красной армии. Авторы рассматривают штатный состав работников госпиталей, укомплектованность лечебных учреждений кадрами. Значительное внимание уделяется повседневной жизни госпиталя, питанию больных, использованию огородничества в медицинских учреждениях, вопросам денежного довольствия и налогов военного времени медицинского персонала (военный заем и налог). В статье также исследуются медицинские проблемы военного времени, внедрение новых, единых для всех принципов оказания медицинской помощи. Авторы охарактеризовали и другие вопросы: светомаскировку помещений, дисциплину в медицинских эвакуогоспиталях, реабилитацию и возможность трудоустройства инвалидов Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуационный госпиталь, медицинские работники, Канаш, Чувашская АССР.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: staseva-ab@yandex.ru (А.Б. Стасева)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 41-49

DOI: 10.13187/rs.2020.1.41
www.ejournal15.com



The Everyday Life of the Sotnik I.D. Popko in Ekaterinodar in the middle of the XIX century

Igor G. Ivantsov ^{a, *}, Igor V. Dubinin ^b

^a Krasnodar higher military school named after General of the army S.M. Shtemenko, Russian Federation

^b Dinskoy mechanical and technological technical College, Russian Federation

Abstract

The article deals with the daily life of the sotnik of the Black Sea Cossack Host Ivan Diomidovich Popko (1819–1893) – the future lieutenant-general of the Kuban Cossack army, the first author of works on the history of the Black Sea (Kuban) Cossacks, ethnographer and local historian, a well-known public figure who was at the origins of the first museums in the North Caucasus. The authors of the article deciphered and analyzed letters of the young sotnik addressed to his friend V.F. Zolotarev, which are kept in the State Archive of Stavropol kray. The letters give an opportunity to highlight some aspects of military service, family and personal life of I.D. Popko as a provincial town inhabitant, describe his official duties, leisure, simple entertainment, circle of acquaintances, economic affairs and observations of life phenomena. Since there are few evidences of the daily life of the Yekaterinodar citizens, these letters become an important source of information about the life of the city in the middle of the XIX century.

Keywords: urban life, I.D. Popko, circle of acquaintances, personal letters, everyday life, entertainment, official duties.

1. Введение

В отечественных и зарубежных исследованиях активно разрабатывается тема повседневной жизни горожан в различные периоды истории России (Вагин, 1997, Патрушев, 2001, Меерович, 2008; Фицпатрик, 2008, Антропология города, 2013, Кринко и др., 2011, Кринко и др., 2013, Рожков, Пасилецкая, 2015, Еремеева, 2017 и др.). Широкое внимание историков и антропологов в последнее время привлекают и вопросы городской повседневности в Российской империи (Swift, 2002, Миронов, 2003, Frame, 2005, Кошман, 2008). В изучении данных вопросов достаточно информативными являются источники личного происхождения. Они не только содержат сведения о повседневности уже ушедшей эпохи, но и проливают свет на чувства и эмоции, которые испытывали их авторы.

В данной статье рассматриваются ранее не публиковавшиеся личные письма Попко Ивана Диомидовича (1819–1893 гг.), генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска, известного автора трудов по истории казачества (Попко, 2011), военного историка, этнографа, краеведа, общественного деятеля Кубани и Ставрополья, организатора первых музеев на Северном Кавказе. В своих личных письмах, адресованных в основном своему

* Corresponding author

E-mail addresses: IIG23@yandex.ru (I.G. Ivantsov)

другу Василию Федоровичу Золотаренко (1818–1872), смотрителю екатеринодарского приходского училища, И.Д. Попко описывает некоторые стороны своей службы и общественной деятельности, взаимоотношений с людьми, жизни и быта провинциального города. Статья опирается на выявленные в Государственном архиве Ставропольского края (далее – ГАСК) документы, дающие возможность исследовать повседневность жителей Екатеринодара, а также личную жизнь такой значимой в истории Северного Кавказа фигуры, как И.Д. Попко (Рисунок 1).

2. Материалы и методы

Источником данного исследования стали архивные дела ГАСК (фонд 377). В фонде сохранилась переписка будущего генерала, в том числе и личные письма Ивана Диомидовича Попко, адресованные его другу В.Ф. Золотаренко. Хронологически они охватывают период с 1847 по 1855 гг. и представляют собой ценный материал для исследования повседневной жизни молодого сотника Кубанского казачьего войска в екатеринодарский период его жизни. При написании статьи использовался проблемно-хронологический принцип.



Рис. 1. Генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска Иван Диомидович Попко. 1819–1893 гг. (неизвестный художник) (Дубинин, Иванцов, 2018: фронтиспис)

3. Обсуждение и результаты

Скучна и однообразна была жизнь в Екатеринодаре в середине XIX в., когда здесь жил и служил сотник Иван Диомидович Попко. Иногда заезжающий театр, да изредка посещающий город зверинец. В основном все ходили друг другу в гости, да посещали ассамблеи...

По сохранившимся в ГАСК письмам И.Д. Попко к его другу В.Ф. Золотаренко можно понять, что из себя представляла жизнь молодого сотника. Думающая и мечтающая молодежь тяготилась небогатой на события екатеринодарской жизнью и в большинстве своем желала перебраться хотя бы в губернский город Ставрополь. Мечтал об этом и Иван

Диомидович. В письме своему лучшему другу В.Ф. Золотаренко, которому удалось «иммигрировать», он писал: «...горю нетерпением поведать Вам задушевную и крепкую мою думу-думушку. Как бы уехать из тюрьмы, т.е. из Войска»¹ (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 61), – называя место своей работы «Гидра – канцелярия» (Рис. 2) (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 47), и добавлял, что «весь – не поглощен, а подавлен службой, превышающей мои физические и умственные силы» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 47). В другом письме он жаловался, что «поставлен в отношения с такими людьми, для которых не существуют права заслуги и благородства, от которых – кто б Вы ни были и какую роль ни играли – Вы должны ожидать каждую минуту всего несправедливого и горького...» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 10).

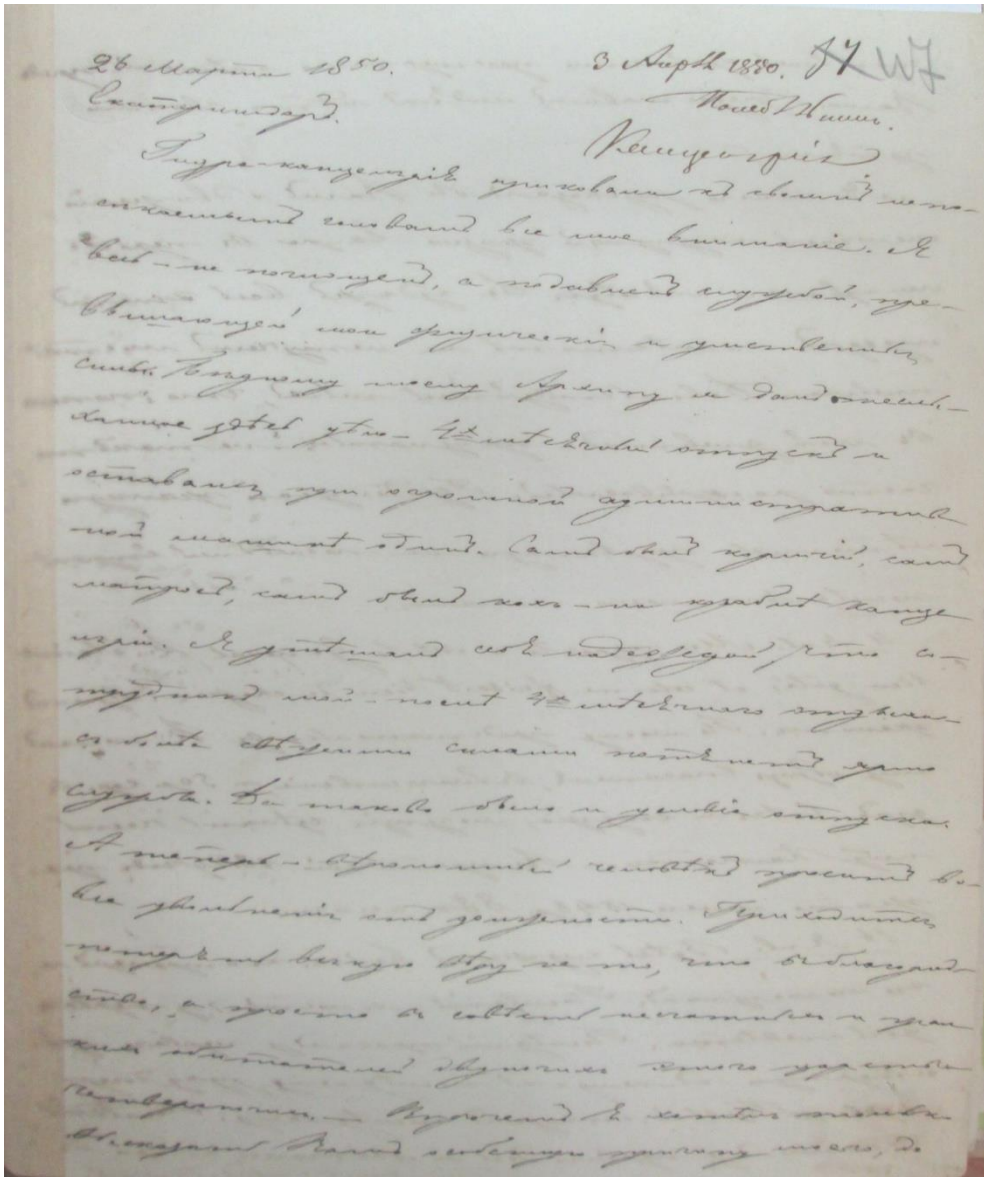


Рис. 2. Письмо Ивана Диомидовича Попко Василию Федоровичу Золотаренко от 26 марта 1850 г. (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 47)

Иван Диомидович Попко жил недалеко от нелюбимой им канцелярии. Вставал рано. Так, в письме от 2 ноября 1850 г. рядом с датой стоит надпись – «за час до рассвета». День начинался так же, как и у многих провинциальных чиновников: «Я обитаю в замке

¹ Здесь и далее в тексте писем сохраняется орфография и пунктуация автора.

по-старому... В числе прислуги явился хлопчик-сиротка из станицы. Он одет аккуратно, разливает чай, набивает трубку, сметает пыль с мебели и ходит с ключами по кладовым... Встаю до свету, молюсь Богу – порою усердно, порою лениво; пью чай из огромной чашки, недавно подаренной мне генеральшею Корделиею Адамовной¹, а за чаем курю и читаю “инвалид” или “современник”. Потом начинают нарушать безмолвие моей обители посетители с просьбами, и я спешу на работу. Работаю всегда за полдень, весьма часто до 4-х по полудни. Часто работаю по вечерам...» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 11–11 об.).

Прошло два года, и ничего не изменилось: «Внутренность моего убогого жилища представляет в настоящую минуту следующую, весьма нелюбопытную картину: в печи горят дрова, на столе шумит самовар, мальчик возится с двойными окнами, прилаживает их к вставке, стенные часы мерно стучат, я курю, погружая усы в большую чашку с чаем... На дворе идет дождь и страшная темень» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 77).

В 1848 г. Попко был назначен письмоводителем Черноморского казачьего войска. В основном в его обязанности входила работа с посетителями и ведение делопроизводства. В письме от 9 июля 1850 г. он писал: «работы у меня страсть» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 4). Поэтому был у него и помощник – Архип Демьянович Кияшка², которого Иван Диомидович уважал и которому доверял.

В марте 1850 г. он предоставил своему помощнику 4-месячный отпуск и оставался при огромной административной машине один: «Сам был кормчий, сам матрос, сам был кок – на корабле канцелярии. Я утешал себя надеждой, что сотрудник мой – после 4-х месячного отдыха с более свежими силами потянет ярмо службы» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 47). Но в октябре того же года он жалуется другу, что «все сотрудники мои на поприще службы слегли, пали. Архип – мое неизменное копьё – разрушился и уволился от должности. В труднейшем положении служебных дел я оставался, как и доселе остаюсь, один» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 72).

Нельзя сказать, что Иван Диомидович занимался только канцелярской работой: как он писал в письме от 9 июля 1848 г., «разъезды часты» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 4). В другом письме он замечает, что его работа – это «труд на поприще святой службы, поездки с атаманом – то для встречи и сопровождения сиятельных путешественников, то для обозрения возникающих порта и монастыря, то для обозрения станиц...» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 46).

К примеру, 8 июля 1849 г. он пишет: «С первых чисел минувшего июня над сводом войсковой администрации загрохотал гром: князь едет! С первым раскатом перуна начались для меня командировки мелочные, превратившиеся напоследок в одну общую, следующую: 15 го июня утром мы, т.е. исправляющий должность Наказного Атамана³ и я, выехали из Екатеринодара, пили вечером чай в Щербиновке и в полночь достигли шумного портового города Ейска.

16 го утром, по обозрению начатков городской селитьбы, пустились мы по далекой дороге на крепость Прочный Окоп, куда и прибыли 17 го вечером. Там, 18 вечером, имели честь представиться прибывшему князю Воронцову⁴ и тот час по представлению предприняли обратный путь к Черномории под небом, покрытым мрачными тучами, по оврагам – где днем ходи с огнем... Восходящее солнце 19 го числа осветило нас в станице Ильинской. Того же числа к обеду вкатили мы в свои пределы – станицу Калниболоцкую,

¹ Рашпиль Корделия Адамовна (?–1850) – жена Рашпиля Григория Антоновича – генерал-лейтенанта, и.о. наказного атамана Черноморского казачьего войска.

² Кияшка Архип Демьянович – хорунжий, помощник письмоводителя, сотника Черноморского казачьего войска И.Д. Попко.

³ Рашпиль Григорий Антонович (1801–1871) – генерал-лейтенант, и.о. наказного атамана Черноморского казачьего войска.

⁴ Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – граф, князь, светлейший князь, русский государственный и военный деятель из рода Воронцовых, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, камергер, герой Отечественной войны 1812 г., командир русского оккупационного корпуса во Франции. С 1823 по 1854 гг. был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Один из отцов-основателей городов Одесса и Ейск. Наместник императора на Кавказе.

где и должны быть встретить наместника. 20 го около 10 часов утра прибыл туда князь, и потом мы потянулись в шумной, пыль до небес воздымающей, свите его сиятельства.

Ночлег был в станице Куцевской. 21-го в 4 часа по полудни, трепещущий от страха Ейск принял в свои объятия утомленных путешественников, знаменитых и незнаменитых... 22, 23-го... 23-го вечером Ейск освободил из своих объятий путешественников, которые после ночлега в Щербиновке, 24 го утром перевалились за пределы земли славного войска Черноморского и устремились к пределам земли славнейшего войска Донского.

25-го вечером возвратились мы в Екатеринодар, жертвами новых хлопот по весьма запущенным делам администрации» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 25–26 об.).

А уже 10 октября И.Д. Попко сообщает другу: «третьего дня я возвратился из Тамани, шествовав в сопровождении Князя Наместника, который вчера оставил наши пределы» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 29).

Довольно часто Ивану Диомидовичу по разным служебным надобностям приходилось совершать поездки в только что основанный портовый город Ейск. Так, в ноябре 1848 г. он писал, что «много ездил в минувшее лето – большею частию по милости нового нашего портового города» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 8). В основном это были инспекционные поездки: «Во второй половине минувшего ноября 1850 года посещали мы с Рашпилем портовый город Ейск и Мариинский монастырь. В том и другом месте чудовищные успехи строительства» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 68об.).

Кроме всего прочего, в городе сложилась трудная и напряженная обстановка из-за вражды только что назначенного начальником портового города князя Александра Сергеевича Голицына¹ и крупного предпринимателя и откупщика Александра Лукича Посполитаки², за спиной которого стоял наказной атаман Николай Степанович Завадовский³. Как замечал Иван Диомидович, «в Ейске Посполитаки находится на верху своего спекулятивного могущества» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 26об.), поэтому «командируюсь с Рашпилем в Ейск тушить пламя междоусобных войн и искоренять высоко выросший бурьян злоупотреблений» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 55).

Вообще же Ейск, наверное, является единственным населенным пунктом Черномории середины XIX в., о котором И.Д. Попко выражался одобрительно: «Ейск – Архангельск Черномории. Это насос, который будет выкачивать из Черномории всякий избыток производительности и промышленности. Учреждение Ейска мне крепко по мыслям <...> Мы пробыли в Ейске двое сутки. Тут уже нет ничего казацкого, все городские русские. Народу тьма, постройки кипят. Несколько улиц уже сформированы. Церковь, трактир, лавки, кабаки – все уже есть» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 60–60об.).

Буквально через несколько дней пишет, что «недавно возвратился из Тамани» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 10), а 28 октября 1850 г. сообщает другу, что «состоя при генерале Рашпиле я имел счастье сопутствовать Его Высочеству от Тузлинских берегов до Редутской межи» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 74).

Случались у сотника Попко и поездки, не связанные с работой, но важные для дальнейшего карьерного роста или совершавшиеся просто из уважения к сопровождаемой персоне. «Генерал Рашпиль выехал в свой Кочетинский *mon-plaisir* править тризну на могиле покойницы генеральши – “он набожных был правил” – туда же должны отправиться все придворные для состязания в лицемерии», – пишет Иван Диомидович и тут же добавляет, – «и я присутствовал при отправлении панихиды на неукрашенной ни каким памятником, могиле покойницы генеральши» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 48).

Нужно заметить, что некоторая ирония была весьма свойственна молодому И.Д. Попко. К примеру, в письме от 11 декабря 1849 г. он сообщает другу, что «был вот у его

¹ Голицын Александр Сергеевич (1806–1885) – князь, действительный член Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, состоящий по артиллерии при наместнике кавказском, новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе графе М.С. Воронцове. В 1849 г. назначен начальником портового города Ейска.

² Посполитаки Александр Лукич – войсковой старшина Черноморского казачьего войска. Оставив военную службу, занимался коммерцией. Известный екатеринодарский предприниматель и меценат.

³ Завадовский, Николай Степанович (1788–1853) – генерал, командующий войсками на Кавказской линии и Черномории, наказной атаман Черноморского казачьего войска.

превосходительства только в кабинете, только и исключительно по одной казенной надобности, и – главное – никогда не быть приглашаемым к его превосходительству обедать. Вот награда – привилегия, испрошенная мною за усердную службу. И вот уже больше месяца, как эта привилегия свято и непорушимо соблюдается со стороны высшего начальства» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 41об.).

После службы или если работы не было, Иван Диомидович мог пойти в гости «к И.Е. Порохне¹ или к соседу Посполитаки, или к Кордовским²». Если же «с самого утра и до вечера дождь и страшная слякоть», то «что бы не надевать мундира в такое неудобное время, я целый день не выходил из дому. Вечером предстояло избрать одно из двух: или идти ко двору на бал, или... кутить. Я избрал златую средину, т.е. остался дома...» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 11об.).

Иногда в доме Г.А. Рашпиля проходили ассамблеи, куда собирался весь цвет местной аристократии, непременным участником таких собраний был и И.Д. Попко. Большие праздники, Святки, Рождество и Новый год, он традиционно проводил у ближайших родственников – отца и крестного: «первые дни святок провел я в отчем доме, новый год встретил под гостеприимным кровом крестного» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 11об.). «Минувшие праздники я провел в степи – в Тимашевске и в Полтавской...» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 18об.), в следующем году все повторилось и «я провел праздники в степи – на Кирпилях и в Полтавской...» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 70).

При первой же возможности, после того как его лучший друг В.Ф. Золотаренко в 1848 г. перебрался в Ставрополь, Иван Диомидович посещал его родственников в станице Васюринской: «час в поутре я был в Васюринке. Нашел экзарха³ и хозяйку, а смуглого дьяконца⁴ не нашел. Побеседовав с экзархом с четверть часа, в видимое утешение старику... – я пустился вперед и около 2 час. по полудни собаки залаяли на мой тарантас в улицах Екатеринодара» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 23об., 24).

В Ставрополь, куда его приглашал В.Ф. Золотаренко, И.Д. Попко ездил довольно редко и только по служебным делам. В гости к другу он ехать опасался, хотя «это было мне отрадно! Но горе толки – выведут самые логические заключения, что отправился с интригами» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 73об.).

Нельзя сказать, что Иван Диомидович, только исполнял свои служебные обязанности и отдыхал, занимался он и хозяйством. Январские праздники 1849 г. «были омрачены и преисполнены раздирающих сердце забот о спасении погибающего четвероногого достояния. Ранняя зима с алеутскими снегами и морозами скоро истощила скудный запас сена и я перемещал голодных и тощих животных с Кирпилей в прикубанские плавни. Это еще текущая забота – Бог знает – останется ли что. А мучительна в действительности эта забота – столь пошлая в какой-нибудь остроумной повести» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 18 об., 19).

В августе этого же года он пишет В.Ф. Золотаренко: «есть у меня очень видная рыжая лошадь-верховик, но за злонравие и непомерную горячность хочу обратить ее в оглобли и выездивши порядочно, отослать в Ставрополь и там продать весьма высокой ценою». И просит: «сообщите мне относительно этой спекуляции Ваше мнение» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 16об., 17). Но уже в сентябре по какой-то причине меняет свое решение: «спекуляцию конную оставляю» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 28об.).

О масштабах хозяйства И.Д. Попко в середине XIX в. можно судить по сохранившейся в Государственном архиве Ставропольского края «Описи имущества Есаула Попки сгоревшему от пожара большого в Екатеринодаре 21 го августа 1851 г.», в которой, кроме сгоревшего дома с имуществом, значилось, что «при этом здании сгорело досок и другого леса на пятьдесят рублей серебром, следом и в кладовой погорело мебели, оружия, конской

¹ Порохня Иван Евдокимович (1808–1895) – войсковой старшина, дежурный штаб-офицер войскового дежурства Черноморского казачьего войска.

² Кордовский, Александр Константинович – подполковник, командир 12-й батареи конно-артиллерийской бригады Черноморского казачьего войска.

³ Экзарх – Золотаренко Федор Герасимович (?–1855) – отец Василия Федоровича Золотаренко.

⁴ Смуглый дьяконец – Попов Михаил – муж младшей сестры Василия Федоровича Золотаренко Лукерии.

сбруи, книг и разных вещей на сумму девяносто рублей серебром» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 8. Л. 110).

Даже такие бытовые мелочи, как изготовление короба для шляпы, покупка молотка или починка часов представляли в Екатеринодаре того времени большую проблему. Озвучивая в сентябре 1849 г. просьбу «сделайте милость закажите известный футляр на мою шапку» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 32), И.Д. Попко объяснял это тем, что в Екатеринодаре такую простую вещь сделать невозможно. В ноябре того же года благодарил за то, что «млат доставлен исправно» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 38).

Отправляя в Ставрополь часы для починки, он писал другу: «у нас теперь ни одного часового мастера. Посылаю Вам двое карманных часов сделайте Божескую милость отдайте их починить...» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 55 об). А получив их через месяц, написал: «приношу Вам великую благодарность за восстановление их от одра болезни» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 61 об.).

4. Заключение

Проанализировав письма И.Д. Попко В.Ф. Золотаренко, можно с уверенностью сказать, что жизнь в столице Черноморрии претила ему. Его душа требовала свободы, которой тут не было. Атмосфера и обстановка не позволяли ему полностью самореализоваться как творческой и свободной личности. Большую часть жителей города он называл «толпой невежд».

Иван Диомидович понимал всю шаткость своего положения, даже на вопрос В.Ф. Золотаренко об отношениях с Г.А. Рашпилем он отвечал, что «отношения в цветущем состоянии. Но слишком было бы глупо верить их прочности» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 190б., 20). Он очень хотел получить звание есаула, надеясь на то, что это даст ему больше возможностей: «впрочем, пускай только есаульство выйдет, а там махну рукой» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 280б). Заслуженное звание он получил 7 апреля 1850 г., а 17 декабря 1851 г. по личному ходатайству Н.С. Завадовского был назначен его адъютантом.

Все эти удачно сложившиеся обстоятельства позволили ему исполнить свою давнюю задумку – «поискать приключений на белом свете» (ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 610б.). До того, как Иван Диомидович окончательно осел в Ставрополе, жизнь покидала его по всему Кавказу. В октябре 1875 г. он был избран на должность Ставропольского губернского предводителя дворянства и занимал ее до своей смерти. Кроме того, И.Д. Попко занимал еще ряд весьма значимых общественных постов, но самое главное, что именно в Ставрополе получил дальнейшее развитие и в полной мере реализовался его талант писателя и историка.

Литература

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).

Антропология города, 2013 – Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 192 с.

Вагин, 1997 – Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 53–88.

Дубинин, Иванцов, 2018 – Дубинин И.В., Иванцов И.Г. Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко. Иностранная литература. – Краснодар: Д/И, 2018. – 138 с.

Еремеева, 2017 – Еремеева А.Н. Находясь по условиям времени в провинции...: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Изд. Платонов И., 2017. 207 с.

Кринко и др., 2011 – Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.

Кринко и др., 2013 – Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

Кошман, 2008 – Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 448 с.

Меерович, 2008 – Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы) – М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.

Мионов, 2003 – Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 547 с. Т. 2. 582 с.

Патрушев, 2001 – Патрушев В.Д. Жизнь горожанина (1965–1998). М.: Академия, 2001. 160 с.

Попко, 2011 – Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. М.: Книга по Требованию, 2011. 315 с.

Рожков, Пасилецкая, 2015 – Рожков А.Ю., Пасилецкая А.С. «Большой эрудиции и большого опыта»: биографическое эссе о профессоре Э.П. Цытовиче // *Голос минувшего*. Кубанский исторический журнал. 2015. № 3–4. С. 180–201.

Фицпатрик, 2008 – Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Frame, 2005 – Frame M. “Freedom of the theatres”: The abolition of the Russian Imperial Theatre monopoly // *The Slavonic and East European Review*. 2005. Vol. 83. No. 2 (April), pp. 254–289.

Swift, 2002 – Swift E.A. Popular theater and society in Tsarist Russia. Berkley: University of California Press, 2002. 364 p.

References

Antropologiya goroda, 2013 – Antropologiya goroda [Anthropology of the city]. Vyp. 1: Kul'turnye simvoly i obrazy v gorodskom prostranstve. Etnichnost' i gorodskaya identichnost'. Syktyvkar: Institut YaLI Komi NTs UrO RAN, 2013. 192 p. [in Russian]

Dubinina, Ivancov, 2018 – Dubinina I.V., Ivancov I.G. (2018). Materialy k bibliograficheskoj rekonstrukcii kataloga lichnoj biblioteki Ivana Diomidovicha Popko. Inostrannaya literatura [Materials for the bibliographic reconstruction of the catalog of the personal library of Ivan Diomidovich Popko. Foreign literature]. Krasnodar: D/I, 138 p. [in Russian]

Eremeeva, 2017 – Eremeeva A.N. (2017). Nahodyas' po usloviyam vremeni v provincii...: praktiki vyzhivaniya rossijskih uchenyh v gody Grazhdanskoj vojny [Being under the conditions of time in the province...: practices of survival of Russian scientists during the Civil war]. Krasnodar: Izd. Platonov I., 207 p. [in Russian]

Ficpatrik, 2008 – Ficpatrik Sh. (2008). Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody [Everyday Stalinism. The Social history of Soviet Russia in the 30s: a city]: 2-е изд. М.: ROSSPEN, 336 p. [in Russian]

Frame, 2005 – Frame M. (2005). “Freedom of the theatres”: The abolition of the Russian Imperial Theatre monopoly. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 83. No. 2 (April), pp. 254–289.

GASK – Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [State archive of the Stavropol Kray].

Koshman, 2008 – Koshman L.V. (2008). Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: Social'nye i kul'turnye aspekty [City and Urban life in Russia in the 19th century: Social and Cultural aspects]. М.: ROSSPEN, 448 p. [in Russian]

Krinko i dr., 2011 – Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Hlynina T.P. (2011). Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg.: zhizn' v usloviyah social'nyh transformacij [The Daily world of the Soviet man of 1920–1940s: the Life in the conditions of social transformations]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 360 p. [in Russian]

Krinko i dr., 2013 – Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Hlynina T.P. (2013). Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mekhanizmy realizacii (1941–1945) [Private life of the Soviet man in Wartime conditions: the Space, Borders and Mechanisms of Implementation (1941–1945)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 362 p. [in Russian]

Meerovich, 2008 – Meerovich M.G. (2008). Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody) [Punishment by Housing: Housing policy in the USSR as a Means of managing people (1917–1937)]. М.: ROSSPEN, 303 p. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov B.N.* (2003). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoj sem'i, grazhdanskogo obshestva i pravovogo gosudarstva [The Social history of Russia during the empire (XVIII – early XX century): Genesis of the Individual, a Democratic family, Civil society and the Rule of law]: v 2 t. 3-e izd. SPb.: Dmitrij Bulanin, Vol. 1. 547 p. Vol. 2. 582 p. [in Russian]

Patrushev, 2001 – *Patrushev V.D.* (2001). Zhizn' gorozhanina (1965–1998) [The Life of a City dweller (1965–1998)]. M.: Akademiya, 160 p. [in Russian]

Popko, 2011 – *Popko I.D.* (2011). Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu [Popko I.D. Black sea Cossacks in their Civil and Military life]. M.: Kniga po Trebovaniyu, 315 p. [in Russian]

Rozhkov, Pasileckaya, 2015 – *Rozhkov A.Yu., Pasileckaya A.S.* (2015). “Bol'shoj erudicii i bol'shogo opyta”: biograficheskoe esse o professore E.P. Cytoviche [“Big knowledge and Big experience”: a Biographical essay about Professor E.P. Tsytovich]. *Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal.* № 3–4. pp. 180–201. [in Russian]

Swift, 2002 – *Swift E.A.* (2002). Popular theater and society in Tsarist Russia. Berkley: University of California Press, 364 p.

Vagin, 1997 – *Vagin V.V.* (1997). Russkij provincial'nyj gorod: klyuchevye elementy zhizneustrojstva [Russian provincial city: key elements of a living arrangement]. *Mir Rossii.* № 4, pp. 53–88. [in Russian]

Повседневная жизнь сотника И.Д. Попко в Екатеринодаре середины XIX в.

Игорь Григорьевич Иванцов ^{a,*}, Игорь Владимирович Дубинин ^b

^a Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко, Российская Федерация

^b Динской механико-технологический техникум, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена повседневной жизни сотника Черноморского казачьего войска, Ивана Диомидовича Попко (1819–1893) – будущего генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска, первого автора трудов по истории черноморского (кубанского) казачества, этнографа и краеведа, известного общественного деятеля, стоявшего у истоков возникновения первых музеев на Северном Кавказе. Авторы статьи расшифровали и проанализировали письма тогда еще молодого сотника, адресованные другу В.Ф. Золотаренко, которые хранятся в Государственном архиве Ставропольского края. Письма дают возможность осветить некоторые стороны военной службы, домашнего быта, личной жизни И.Д. Попко как жителя провинциального города, описывают его служебные обязанности, досуг, нехитрые развлечения, круг знакомств, хозяйственные дела и наблюдения жизненных явлений. Поскольку сохранилось ничтожно мало свидетельств о повседневности екатеринодарцев, данные письма становятся значимым источником о жизни города середины XIX столетия.

Ключевые слова: городской быт, И.Д. Попко, круг знакомств, личные письма, повседневная жизнь, развлечения, служебные обязанности.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ИГ23@yandex.ru (И.Г. Иванцов)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 50-58

DOI: 10.13187/rs.2020.1.50
www.ejournal15.com



The Pride and Joy of the Revolution: Sevastopol Sailors in Rostov-on-Don in 1917

Olga M. Morozova ^{a, *}

^a Don State Technical University, Russian Federation

Abstract

The Black Sea sailors during 1917 were not politically active. The Sevastopol Soviet of the Deputies of the Army, Navy and Workers influenced the position of the crews. The Bolsheviks from Petrograd campaigned, but the sailors did not accept the idea of the class struggle until December 1917. This is due to the return of the detachment A.V. Mokrousov and flotilla of minesweepers from a campaign on the Don which was considered a nest of counter-revolution. Sevastopol sailors gained experience in armed clashes, and became active participants in the class struggle.

Teams of the Sevastopol courts were in Rostov-on-Don for a week. They had an order from their Soviet on neutrality, but they were bound by obligations towards the Rostov Revolutionary Committee who had invited them to the Don. Ships shelled the city. There were victims. This shook the position of the Don Revolutionary Committee, its supporters left the city, the power of the Don Ataman was established. The yacht Kolkhida assigned to the Sevastopol port played a role in the revolutionary events in the Don.

Keywords: Black Sea Fleet; Sevastopol Council of Deputies of the Army, Navy and Workers; Don region; Don Regional Military Revolutionary Committee of United Democracy; dialogue of political forces; fighting November 26 – December 2, 1917 in Rostov-on-Don; ocean yacht Kolkhida.

1. Введение

Исторический процесс воспринимается исследователями как сложное переплетение определяющих характер эпохи событий, чья доминантность не подвергается сомнению; переоцененных и недооцененных фактов, колоритных и запоминающихся казусов. В ряду исторических событий встречаются и такие, которые выбиваются из общепринятой объяснительной модели и выглядят как ошибка повествования. Позиция севастопольских матросов в перипетиях непростых взаимоотношений социальных и политических групп Дона при внимательном чтении документов не выглядит последовательно революционной.

2. Материалы и методы

Основанием для статьи стали документы Музея Черноморского флота в Севастополе, Государственного архива Ростовской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, а также отдельные материалы из Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Днепропетровской области и Архива политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики. В основном это

* Corresponding author
 E-mail addresses: olgafrost@gmail.com (O.M. Morozova)

мемуарные тексты, хотя есть и непосредственные документы эпохи. Предметом поиска в них стали крайне обрывочные упоминания об участии моряков Черноморского флота в походе на помощь ростовским рабочим. Стиль воспоминаний, которые составлялись для Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), никогда не отличался исчерпывающей определенностью формулировок, точностью цифр, дат и упоминаемых имен. Они также славилась субъективностью и подчас наивной подтасовкой фактов, из-за чего приобрели репутацию ненадежного источника. По архивам бывших советских республик разбросаны тысячи и десятки тысяч историко-революционных текстов, чье содержание пересекается и взаимно подтверждается. Благодаря этому возможно восстановить события, не получившие освещения в официальных документах и иных синхронных источниках.

3. Обсуждение и результаты

История Гражданской войны во многом является историей рукотворных репутаций. Создание ужасающего образа врага было важной составляющей развернувшейся борьбы. Так появились сначала в слухах, а потом и в поствоенных мемуарах упыри-комиссары, китайцы-палачи, чекистки-кокаинистки, ну и непредсказуемые в своем анархистском порыве матросы-братишки. В ответ были выдвинуты типажи мироеда-буржуя, офицера-золотопогонника, интеллигента как имманентного предателя. А между тем, севастопольские матросы становились революционной массой далеко не сразу и не все.

В течение первых месяцев после Февральской революции войны кают-компаний и кубриков не было. Во многие судовые комитеты входили командиры кораблей. Союз офицеров Черноморского флота имел своих представителей в Севастопольском Совете депутатов армии, флота и рабочих. Сохранению единства команд способствовали продолжающиеся боевые действия мировой войны. Военные корабли до октября 1917 г. продолжали совершать выходы в море, эсминцы выполняли минные постановки и контролирование турецких морских коммуникаций. Хотя таких выходов становилось все меньше, особенно после неудачной постановки мин в устье Босфора в мае, закончившейся гибелью двух военных судов и 15 матросов и офицеров.

Раскол между командой и офицерством еще не стал свершившимся событием, а раскол внутри офицерства уже обозначился. Среди готовых к сотрудничеству офицеров, или, как говорили позже, «подкрасившихся», были командир эсминца «Капитан Сакен» Богданов, капитан 2-го ранга С.К. Милашевич, командир эсминца «Фидониси» старший лейтенант А.К. Мицкевич, командир «Лейтенанта Шестакова» мичман Анненский и его офицеры Крестовоздвиженский и Мельников, командир «Керчи» старший лейтенант В. Кукель (МЧФ. НВ 794. Л. 5). Вице-адмирал А.В. Немитц рекомендовал себя революционером и носил огромный красный бант. Историк А.С. Кручинин связывал эту линию с личной установкой командующего Черноморским флотом А.В. Колчака на широкую военную демократию (Кручинин, 2010: 134).

Среди офицеров были особо уважаемые. Матрос-большевик Н.К. Сапронов с теплотой вспоминал о своем командире Милашевиче: «Сам он был далек от политики, но не отделим от своей команды: куда шла она, туда и он. Большевикам он доверял (в моем лице) и видел в них выразителей народной воли. <...> Храбрость и находчивость Милашевича в боях, его независимость по отношению к высшему царскому начальству и его преданность интересам матросов (зачастую он шел за них против начальства) – заслужили ему любовь и преданность матросов еще при царском строе» (МЧФ. НВ 794. Л. 26-27). Этот отзыв стоит многого, ведь капитан 2-го ранга С.К. Милашевич в Гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте, в 1920 г. с Русской эскадрой ушел в эмиграцию (Крестьянников, 2007: 192).

Нарастанию конфронтационных настроений способствовали контакты с Балтийским флотом. В начале июня в Севастополь прибыла делегация большевизированных моряков Балтийского флота. На митинге они рассказали о «чистке» офицерства на своем флоте, чем вызвали полный восторг у слушателей. Под их влиянием был распущен Союз офицеров Черноморского флота. Поводом послужил донос офицера Богданова о готовящемся заговоре Союза, целью которого было устранение лидеров всех «политуправлений» и роспуск судовых комитетов. Союз вывели из состава совета. Совет принял резолюцию о разоружении офицеров и создал для этого Комиссию 10-ти. Разоружение было проведено 5 июня 1917 г. Именно тогда Колчак бросил за борт свое Георгиевское оружие, а один

офицер «казаческого происхождения» застрелился. Любопытно, что собранное личное офицерское оружие «балтийцы» предлагали раздать матросам: винтовки, хранившиеся в корабельных арсеналах, не могут обеспечить оперативную защиту, посчитала комиссия. Но Севастопольский совет отклонил это предложение. Тогда матросы собрали деньги и отправили делегацию в Тулу, где и закупили револьверы и патроны к ним. Помощь в сборе денег оказывала купеческая дочь курсистка Фёдорова.

Летом на некоторых из черноморских кораблей появились офицеры, переведшиеся с Балтийского флота. На корабле «Керчь» было несколько таких гардемарин, повлиявших на настроения команды, выбрасывавшей за борт агитаторов. На дредноуты посторонние «политиканы» не допускались совершенно.

Среди партий до корниловского мятежа доминировали эсеры. Большевистская организация просуществовала легально только десять дней. Ее организовали те самые моряки-балтийцы. В июле подвергся налету комитет РСДРП в Севастополе. Ячейка ушла в деятельность посредством бесед приглашенных большевиков-агитаторов, черпавших идеи из передаваемых им из Харькова и Донбасса брошюр, с интересующимися матросами.

В это время активизировалась Севастопольская украинская рада, которая агитировала за вступление в армию Центральной рады. Некоторые матросы-украинцы откликнулись на призыв и вступили в Особый украинский сводный полк, но вскоре вернулись на флот: жизнь в казарме им пришлось не по нутру. Они отвечали хохотом на введенные в армии военные команды времен Мазепы.

С сентября 1917 г. большевики легализовались как партия в союзе с левыми эсерами, возникшими в результате раскола с правыми эсерами. В союзе они проводили свои резолюции. Если чисто большевистская резолюция проваливалась, то левоэсеро-большевистская от крестьянского союза проходила легко.

Тогда протекала война ораторов. Генеральным комиссаром Временного правительства на Черноморском флоте был сначала назначен меньшевик Борисов. В Севастополь приезжали видные меньшевики и эсеры Алексинский, Зарудный, Брешко-Брешковская и другие (*Краснознаменный Черноморский флот, 1987: 91–92*). В августе Борисова сменил правый эсер Бунаков, который обладал исключительными ораторскими данными: он мог держать внимание аудитории по пять часов подряд. А лучшие большевистские ораторы – лишь по 15–20 минут. Тем более что Бунаков был участником матросских волнений в 1906 г. Но буквально через неделю из центра приехала Н.И. Островская, знакомая севастопольцам по пропагандистской деятельности в годы Первой мировой войны. Ей удалось успешно противостоять Бунакову, оттянув на большевиков внимание матросской массы.

В середине октября прибыли большевики Н. Пожаров и Ю.П. Гавен. Пожаров был из матросов-балтийцев и слыл хорошим оратором. Но он проявил себя как сторонник мягкой линии и противник острой конфронтации. В отличие от него профессиональный революционер Гавен был последовательным проводником партийной линии. Как один из руководителей 1-го Общечерноморского флотского съезда в Севастополе (6–10 ноября 1917 г.) он повлиял на принятие написанной им резолюции о переходе власти к советам и об отправке отрядов моряков и флотилии кораблей на Дон на борьбу с А.М. Калединым.

Через степи Тавриды на Дон был отправлен 1-й Черноморский революционный отряд во главе с А.В. Мокроусовым, матросом эсминца «Капитан Сакен», записавшимся в партию большевиков одним из первых. Однако отряд до места назначения не дошел, поступив в распоряжение В.А. Антонова-Овсеенко. Он принял участие в бое с петлюровцами под Лозовой 13 декабря. В ходе столкновения было убито 32 члена отряда. Революция повернулась к матросам неожиданной стороной.

В Севастополь они вернулись злые и решительные. После возвращения отряда Мокроусова большевистский комитет собрал совещание, в котором участвовали также представители гарнизона с вопросом о перевыборах исполкома Севастопольского Совета как соглашательского. Председателю исполкома правому эсеру Бакалову была передана резолюция о назначении перевыборов исполкома в 48 часов, иначе «за жизнь личностей руководителей исполкома мы не отвечаем» (*МЧФ. НВ 796. Л. 26–29*).

16 декабря возник временный революционный комитет из 16 человек, председателем был избран Гавен. В январе 1918 г. был организован областной военно-революционный комитет с целью установления советской власти по всему Крыму. При нем был создан штаб,

начальником которого стал капитан 2-го ранга Богданов (тот, кто донес на офицерский союз), который сказал при вступлении в должность: «Имею честь явиться служить революции». 18 декабря 1917 г. Севастопольский Совет переизбрался. Большевики получили 87 мест из 235, их союзники, левые эсеры – 86. Большинство из 50 беспартийных поддержали большевиков. Председателем Совета был избран большевик Н. Пожаров. Были созданы военно-революционные отряды, они «обслуживали» (по выражению одного из мемуаристов) все приморские города. Декабрьско-февральские самосуды над офицерами в массовом сознании увязывались с тем, что те были замешаны в казни очаковцев. Их содержание в тюрьме в ожидании суда рассматривалось как укрытие их от ярости матросской толпы. Важно было придать расправе значение справедливости.

С этого момента севастопольские матросы стали активными проводниками идеи и практики классовой борьбы. В феврале 1918 г. Бердянский Совет, состоявший в основном из левых эсеров, стремясь спасти имеющиеся в городе материальные ценности от захвата наступающей германской армией, начал эвакуацию городских складов. Городские обыватели начали волноваться, опорой для недовольных советом стал местный союз увечных воинов. Для разоружения «инвалидов» совет пригласил матросов из Севастополя во главе с Ляшенко. Они разоружили сотню офицеров, провели на их квартирах обыски. Эффект от этой экспедиции левая эсерка Н.И. Введенская описала в таких выражениях: «И за два дня своего пребывания матросы еще резче провели черту между “нами” и “ими”, еще ярче показали, что мира нет, и надежды на него не может быть». Собираясь покинуть город, матросы пытались забрать с собой арестованных офицеров. Исполнительный комитет возражал, что не позволит устраивать Севастопольскую бухту с офицерским митингом под водой: «Вы их пустите под откос тот час за городом». – «Может быть», – отвечали матросы. Они собирали «вооруженный митинг», буянили и требовали выдачи офицеров. Но членам Совета удалось их убедить, что все преступники должны судиться на месте открытым судом (ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 51, 8).

Донской поход севастопольских кораблей в отличие от действий отряда Мокроусова получил большее историческое освещение. Как следует из содержания воспоминаний С.М. Буденного «Зарождение Красной конной армии» (1926), поход на Дон стал следствием приезда в Севастополь в дни работы Общечерноморского флотского съезда члена Ростовского ревкома И.Д. Ченцова, который был направлен туда за запасными деталями для орудий. Съезд решил не только снабдить Ростов необходимым вооружением, но и послать несколько боевых судов в помощь Ростову (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 151. Л. 21).

Есть и другая версия предыстории похода на Дон. Делегат общефронтового съезда в Киеве и в Новочеркасске в 1918 г. А.З. Дьяков в своих воспоминаниях писал, что в октябре в Новочеркасске было арестовано 160 матросов, ехавших домой. По-видимому, казаки отнеслись к ним как к дезертирам. Обращались с ними плохо «вплоть до физического оскорбления». Но после освобождения вместо того, чтобы следовать дальше к месту жительства, матросы повернули назад в Севастополь и вернулись с подмогой разобраться с обидчиками, а заодно – на помощь ростовскому пролетариату (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 368. Л. 34). Но при отправке Севастопольский Совет не разрешил им участвовать в боевых действиях на территории Дона.

В это время в Ростове находилось на ремонте военное судно «Колхида». Оно было построено по заказу императорской фамилии для морских путешествий. Накануне Первой мировой войны яхта была продана Министерству морских сил Российской империи и базировалась в Севастополе в качестве судна связи при штабе командующего Черноморским флотом, так как она была оборудована мощной радиостанцией. С 1916 г. «Колхида» находилась в порту Ростова-на-Дону для ремонта и переоборудования в минный заградитель.

По словам красногвардейца С. Зубова, в Ростове в течение нескольких дней не получались петроградские газеты. Матросы «Колхиды» предложили организовать связь через имевшееся на судне радио. Из Петрограда было получено известие о свержении Временного правительства. После полученного из Петрограда сообщения о переходе власти к Совету народных комиссаров Ростовская дума на 28 октября назначила чрезвычайное собрание, в котором, помимо членов различных организаций, союзов, комитетов, партий из Новочеркасска, участвовали казачья делегация во главе с помощником войскового атамана

М.П. Богаевским и военные начальники расположенных в области армейских частей. Против власти большевиков высказались от лица Совета офицерских и солдатских депутатов солдат Нудельман, председатели полковых комитетов запасных полков, градоначальник В.Ф. Зеелер, меньшевики председатель городской думы П.С. Петренко, А.С. Локерман и другие. Представитель рабочих сказал, что рабочие организации решения еще не приняли. Тогда председатель городской Думы Б.Н. Васильев с полным основанием резюмировал, что Ростов и весь Дон власть большевиков не признают.

Важно отметить, что ростовский гарнизон, состоящий из запасных полков: 149, 152, 155, 187-го и т.д., находился под влиянием меньшевиков, числившихся в этих полках рядовыми и унтер-офицерами, избранными в полковые комитеты, а затем представлявших солдатскую массу в Совете. Среди них – П.М. Мельситов, Нудельман, Блюмер и другие. Они, как правило, саботировали действия местных большевиков, негативно относясь к работе Красной гвардии.

В это время в помещении варьете «Марс» собрание рабочих представителей разделилось на два лагеря. Один ориентировался на солдат гарнизона – против большевиков, другой выступал за признание власти СНК. Второй был в меньшинстве, во главе его стал Сырцов. Местом заседаний этого революционного комитета и стала «Колхида». Провозгласивший себя органом советской власти комитет принялся издавать распоряжения, чем нервировал городскую управу. Было принято решение явиться на «Колхиду» и арестовать ревком. Но 2 ноября атаман А.М. Каледин издал приказ о введении военного положения в Ростове, Нахичевани, Таганроге и Азове, чем взорвал общественное настроение, решившее, что власть в области захватывают казаки.

За время до 25 ноября ревкому удалось укрепить свое положение в городе и укрепить отряды Красной гвардией, найти поддержку у солдат учебной команды 187-го пехотного запасного полка и образовать орган на антиказацкой платформе. После переговоров с организациями разных политических ориентаций был сформирован Областной военно-революционный комитет объединенной демократии как орган власти в Донской области, противостоявший Войсковому правительству. В состав ревкома вошли следующие представители: от президиума Совета рабочих депутатов – 5 человек, от президиума Совета крестьянских депутатов – 5, от областной пехотной секции – 5, от городских дум Ростова и Нахичевани – по 3, от совета профсоюзов – 1, от президиума фабрично-заводских комитетов – 1, от профессионального союза железнодорожников – 1, от союза телеграфистов – 1, от полковых комитетов – 1, от яхты «Колхида» – 1, от трех партий – по одному от меньшевиков, эсеров и большевиков и представители от других организаций (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 151. Л. 21).

Началось негласное противостояние Ростова и Новочеркасска. В казачьей столице были разоружены ненадежные пехотные части и арестованы зачинщики «анархии». 22 ноября из Новочеркасска были выдвинуты казачьи части для занятия Ростова, но, благодаря посланным агитаторам, казачьи части не пожелали вступить в бой и дальше станции Кизитеринки не пошли.

В ночь на 25 ноября красногвардейские отряды попытались овладеть почтой и телеграфом. 25 ноября из Севастополя прибыла флотилия из пяти тральщиков под руководством «комиссии пяти» во главе с Драчуком (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 520. Л. 1). 26 ноября помощник Войскового правительства Сизякин сообщал экстренной телеграммой в Новочеркасск о ситуации в г. Ростове-на-Дону: «Почта и телеграф окружены солдатами. Внутри пока казачий караул. Телефонное сообщение с Новочеркасском прервано. Солдаты угрожают силой занять почту и телеграф. Пока стоят спокойно. В гостиницах революционным комитетом у офицеров и военных чиновников сегодня утром отобрана масса револьверов. Настроение в городе крайне тревожное. Прошу принять меры к охране телеграфных проводов от Новочеркасска до Ростова, ибо имеются слухи, что революционный комитет попытается прекратить всякое сообщение с Новочеркасском» (ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 19. Л. 142).

Отряд командующего Ростовским военным округом генерала Д.Н. Потоцкого в ночь на 26 ноября планировал совершить налет на помещение «Марса» во время заседания ревкома. Но к моменту появления казаков и офицеров участники собрания разошлись, там оставалось несколько человек – член штаба Красной гвардии слесарь Казберюк, депутат

совета Л. Кунда, член местной федерации анархистов реалист Е. Стрижаков и девушка-телефонистка, которые были убиты.

Но если казаки отказались поддержать офицерское выступление, то красногвардейские отряды были несколько решительнее. С утра приступили к разоружению юнкеров, помещавшихся в Нахичевани в Екатерининской гимназии. По улицам Ростова все время курсировал легковой автомобиль с матросами, вооруженными пулеметами. Красногвардейские отряды осадили железнодорожный вокзал, где располагался отряд Потоцкого. После трех дней периодически возникавшей перестрелки казаки согласились на предложение большевиков выдать всех офицеров и сдать оружие. Генерал Потоцкий был отправлен под арест на «Колхиду», офицеры – в помещение «Марса», а казаки – в бараки 255-го пехотного запасного полка под наблюдение большевика «товарища Власенко».

В установлении контроля над городом принимали участие и матросы с «Колхиды», и прибывшие экипажи. Настроения городских окраин перешло в состояние полного восторга от одержанной окончательной победы. Болтавшиеся в устье пять тральщиков казались надежной защитой. Началось братание на Церковной площади с казаками. Жены рабочих давали казакам хлеб и говорили: идите по домам и больше не выступайте против нас. Те оправдывались, говоря, что, когда их склоняли к участию в наступлении на Ростов, им говорили, что большевики насилуют женщин и режут детей, но этого не увидели и возмущены обманом (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 21. Л. 49).

Но уже 30 ноября и 1 декабря прошли бои под Нахичеванью между наступающими из Новочеркасска кадетскими добровольческими отрядами под командой полковника Бояринова и красногвардейцами Ростова. В боях 30 ноября большое участие приняли военные суда, прибывшие из Севастополя. Их роль в событиях описал начальник Ростовского гарнизона генерал-майор Д.Н. Чернояров: «Стрельба “чудо-матросов” была замечательная: снаряды уничтожали дома, расположенные вблизи границы Нахичевани, или долетали до окопов, выводя из строя своих же “товарищей”! Помимо разрушенных зданий погибло много невинных жертв – преимущественно беднота, жившая в тех местах» (ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 35). Снаряды попали в кварталы Нахичевани. Столь бестолковая стрельба вызвала всеобщее возмущение. Против большевиков и их союзников севастопольских моряков выступили полковые комитеты, почти все партии и городские организации. Как вспоминал рабочий завода «Аксай» М.С. Матвеев: «Настроение было без привычки подавленное, иллюзия погибла, на смену пришли яркие факты начавшейся гражданской войны» (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 747. Л. 3).

На заседании городских представителей большевики С.С. Турло и Шнейтер и член севастопольской «пятерки» отбивались и нападали на своих критиков. Турло громил выступавших ораторов, говоря, что они свой личный, шкурный вопрос ставят выше общего дела, и грозя повесить на первой же березе. Матрос же заявил: «Мы прибыли в Ростов для защиты пролетариата, чтобы проливать кровь “буржуям”, которых жалеть не приходится!» (ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 36–37).

Большинство делегатов высказалось за немедленное прекращение военных действий. Под белым флагом переговорщики из «объединенной демократии» отправились на встречу с Калединым. В составе делегации были Васильев, Николаев, член войскового круга Шамшин, гласные от рабочих Филиппов и Заварзин. Их шаг был вызван верой в твердость обещаний о введении в состав круга представителей неказачьего заседания. Переговоры на фоне начавшихся боев были бессмысленными.

Рабочие, оставшись без поддержки солдат запасных полков, после того, как были опрокинуты на окраинах Нахичевани, обратились в бегство. Ревком покинул борт «Колхиды» и скрылся в Батайске, оставив на команду арестованных им Потоцкого и Зеелера. Они были освобождены в результате обмена на 12 матросов, захваченных в городе. Обмен произошел в нескольких верстах от гирла Дона с одного судна на другое. Из экипажа «Колхиды» оставалось лишь 7 человек, так как остальные перешли на севастопольские суда, которые с разрешения назначенного командующим войсками Ростовского округа генерала А.М. Назарова ушли обратно в Севастополь (ГАРО. Р-2599. Оп. 2. Д. 17. Б/л.; ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 956. Л. 3; Д. 929. Л. 3).

А в Ростове приступили к зачистке города. Был введен запрет на собрания и митинги, на заводах производились обыски, администрация предприятий опрашивалась на предмет

благонадежности рабочих, в лазаретах выявлялись раненные в уличных боях красногвардейцы. Известно о расстреле двух рабочих картонажно-коробочного завода А. Гутермана, которые не успели избавиться от винтовок. Но 6 декабря городские власти допустили похороны 60 погибших, которые превратились в массовое шествие. На следующий день воодушевленные этим примером рабочие Главных мастерских Владикавказской железной дороги собрали митинг, но прибывший военный отряд арестовал организаторов и открыл огонь по отказавшимся расходиться рабочим, убив и ранив несколько человек. Арестованных по пути в город расстреляли на Темерницком мосту, якобы за попытку к бегству. В ответ на бессудный расстрел был образован стачечный комитет, который провел однодневную «мертвую» забастовку, о которой жители были оповещены срочно отпечатанными прокламациями. Не подавалась электричество и вода. Но служащие электростанции и водопровода – инженеры и техники – запустили остановленные системы и тем сорвали забастовку.

С одной стороны, войсковое правительство осуществляло меры, раздражавшие широкие массы ростовских рабочих, разместив на территории крупных предприятий вооруженные казачьи части и допуская введенный явочным порядком в пользу добровольческих офицерских отрядов натуральный налог в виде полушубков, сапог, белья и проч. А с другой стороны, в выборных органах широко обсуждался вопрос о создании объединенного правительства. Интересно, что у мечтавших о смычке при этом оставались антипатии. Одни приветствовали единую областную власть, но без комиссаров, другие – ее же, но без Добровольческой армии (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 747. Л. 2–7).

Обоснования причин того, почему судно «Колхида» не спешило покидать гостеприимный порт, найти не удалось. Однако можно обратиться к материалу других регионов, в которых описывалось аналогичное поведение команд судов. Бывший матрос Каспийской флотилии П.М. Казбеков (Пендюрин) в своих мемуарах, ответил на вопрос, почему моряки оказались сначала нейтральными по отношению к Бакинской коммуне, а потом вообще перешли в лагерь контрреволюции, отказавшись уйти в красную Астрахань. Дело в том, что команды сторожевых судов, неся пограничную службу, еще при царе занимались контрабандой и спекуляцией. После Февральской революции это приобрело открытую форму. Они привозили из Персии фрукты, вино, валюту, которая пользовалась спросом в отличие от «керенских» денег. Многие из матросов вызвали в Баку свои семьи и наладили не только промысел, но и быт. Поэтому они отказались покинуть вместе с коммуной Баку и свою золотиносную службу (АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 273. Л. 3–3 об.).

Возможности для контрабанды, пожалуй, у «Колхиды» не было, но за год обустроиться в городе и прикипеть душой к Ростову матросы могли успеть.

В апреле казаки ближних к Новочеркаску станиц подняли восстание против советской власти. Оно развивалось с переменным успехом, и у донских комиссаров были некоторые шансы справиться с восстанием. Но после того, как границу области перешли германские войска, то судьба Донской Советской Республики была решена.

Постоянная стоянка «Колхиды» находилась в Таганрогском заливе, у входа в устье Дона. Во время эвакуации советских учреждений из Ростова 5 мая 1918 г. яхта вошла в Дон и обстреливала мост через реку, чтобы отсечь отступавшие советские эшелоны и бронепоезда от белых. Добровольцам эта стрельба вреда не принесла, но гражданские лица, бежавшие по мосту, попали под огонь. Снаряды летели по всем направлениям, но, главным образом, ложились у трамвайного моста через реку Темерник, гвоздильного завода Н.А. Панина, что в Сычевской балке, и железнодорожной станции, где загорелось несколько вагонов с ружейными патронами и снарядами. К слову, среди отступавших из Ростова отрядов был Черноморский революционный отряд А.В. Мокроусова.

Вместе с донскими советскими работниками к Царицыну отступил и начальник Донской военной флотилии А.И. Иванов. По сообщению казначея ЦИК Донской Советской Республики В.А. Изварина, на руках у Иванова осталось жалование команды «Колхиды», которое он раздать не успел. Но у него каким-то образом оказались и подписанные ведомости, он считал себя вправе пользоваться деньгами и «разводил квас сильнее всех» (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 485. Л. 280–290). В своих испартовских воспоминаниях он назвал колхидовцев контрреволюционерами (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 466. Л. 9), не исключено, что отбиваясь от их обвинений в злоупотреблениях. Но был и очевидный

повод. Яхта «Колхида» не покинула воды низовий Дона, хотя как океанская яхта она могла уйти в порты Азовского и Черного моря, на территорию Кубани, где еще существовала советская власть. Ее команда покинула судно, выведя из строя оборудование и орудия. Часть матросов ушла в Задонье, затем отступала к Кизляру и далее к Астрахани; другие остались в городе и, по слухам, служили при войсковом правительстве. 31 октября 1918 г. приказом П.Н. Краснова судно «Колхида» было переименовано в атаманскую яхту «Пернач» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 22. Л. 146).

4. Заключение

Поведение севастопольцев трудно понять без контекста местных событий. В 1917 г. в Донской области одновременно существовали объединительные и конфронтационные тенденции. Ни одна из сторон не была готова к безусловному компромиссу. Глядя на круговорот коалиций и раздоров здешних сил, гости испытывали явные затруднения в определении собственной позиции. В итоге наиболее естественной оказалась линия поведения «экспедиционного корпуса». Опыт участия в вооруженных столкновениях, полученный отрядом Мокроусова и отправившейся на Дон флотилией, повлиял на настроения севастопольских матросов. Декабрьско-февральские самосуды над морскими офицерами были результатом усвоения наглядных уроков политической борьбы на Украине и на Дону.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ №19-09-00115 «Социально-политический диалог в послефевральской и послеоктябрьской России (1917–1918): тенденции, механизм, региональные особенности».

Литература

АПД УДПАР – Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики.

ГАДО – Государственный архив Днепропетровской области.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Краснознаменный Черноморский флот, 1987 – Краснознаменный Черноморский флот. М.: Воениздат, 1987. 334 с.

Крестьянников, 2007 – Крестьянников В.В. Офицеры Черноморского флота – Георгиевские кавалеры 1-й мировой войны // *Севастополь*. 2007. № 29. С. 176–210.

Кручинин, 2010 – Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. 538 с.

МЧФ – Музей Черноморского флота.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

References

APD UDPAR – Arkhiv politicheskikh dokumentov Upravleniya delami Prezidenta Azerbaidzhanskoi Respubliki [Archive of political documents of the Presidential Administration of the Republic of Azerbaijan].

GADO – Gosudarstvennyi arkhiv Dnepropetrovskoi oblasti [State archive of the Dnepropetrovsk region].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

Krasnoznamennyi Chernomorskii flot, 1987 – Krasnoznamennyi Chernomorskii flot [Red Banner Black sea fleet]. M.: Voenizdat, 1987. 334 p. [in Russian]

Krest'yannikov, 2007 – Krest'yannikov V.V. (2007) Ofitsery Chernomorskogo flota – Georgievskie kavaleriy 1-i mirovoi voiny [Officers of the Black Sea Fleet – holders of the St. George Cross of the 1st World War]. *Sevastopol'*. No. 29. pp. 176-210. [in Russian]

Kruchinin, 2010 – Kruchinin A.S. (2010). Admiral Kolchak: zhizn', podvig, pamyat' [Admiral Kolchak: life, feat, memory]. M.: AST, Astrel', Poligrafizdat, 538 p. [in Russian]

MChF – Muzei Chernomorskogo flota [Museum of the Black Sea Fleet].

TsDNIRO – Tsentр dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Center for documentation of recent history of the Rostov region].

Краса и гордость революции: севастопольские матросы в Ростове-на-Дону в 1917 г.

Ольга Михайловна Морозова^{а, *}

^а Донской государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Черноморские моряки в течение 1917 г. демонстрировали невысокий уровень политической активности. Эсеро-меньшевистский состав Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих влиял на позицию экипажей. Несмотря на усилия делегированных из центра большевиков, в полной мере внедрить идеи классовой борьбы в сознание севастопольских моряков не удавалось до декабря 1917 г. Радикализация их настроений связана с возвращением отряда А.В. Мокроусова и флотилии минных тральщиков из похода, предпринятого для борьбы с атаманом А.М. Калединым, который имел осенью 1917 г. репутацию крайнего контрреволюционера. Приобретая собственный опыт вооруженных столкновений, севастопольские матросы стали активными проводниками практики классовой борьбы.

Находясь в течение недели в Ростове-на-Дону, команды севастопольских судов оказались в сложном положении. Имея инструкции своего совета о сохранении нейтралитета в местных событиях, они были связаны обязательствами и по отношению к Ростовскому ревкому, по приглашению которого прибыли. Предпринятый ими обстрел города пошатнул позиции Донского ревкома, привел к уходу красногвардейских отрядов и советских учреждений из Ростова и установлению власти войскового атамана. Приписанная к Севастопольскому порту яхта «Колхида», прибыв в Ростов-на-Дону в конце 1916 г., сыграла роль в революционных событиях на Дону.

Ключевые слова: Черноморский флот; Севастопольский совет депутатов армии, флота и рабочих; Донская область; Донской областной военно-революционный комитет объединенной демократии; диалог политических сил; бои 26 ноября – 2 декабря 1917 г. в Ростове-на-Дону; океанская яхта «Колхида».

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: olgafrost@gmail.com (О.М. Морозова)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 59-70

DOI: 10.13187/rs.2020.1.59
www.ejournal15.com



Problems of Demographic Development of Russian Ethnic Groups in the 1920s

Sergei A. Kropachev^{a,*}

^aInstitute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the demographic development of nations, nationalities and tribal groups in the Russian Soviet Federative Socialist Republic in the 1920s. The questions of transition of the country to peaceful life after the Civil War and how it influenced the population dynamics are considered. The author analyzes the features of the administrative territorial division of Russia and the dynamics of the development of almost 200 ethnic groups that existed in the country at that time. The author considers the issues of life expectancy, mortality, family and marriage relations, literacy and beliefs of various ethnic groups. The conservation of traditional ways of life of peoples and the preservation of entrenched types of population reproduction in the conditions of mitigation of exogenous factors is emphasized.

Keywords: demographics, ethnic groups, Russia, RSFSR, 1920s, administrative territorial division.

1. Введение

Статья посвящена анализу демографического развития наций, народностей и этнических групп, проживавших в РСФСР в 1920-е гг. Хронологические рамки работы охватывают период с конца 1920 г., когда закончился основной период Гражданской войны (Россия и СССР, 2001: 157), до 1929 г., названного Сталиным «годом великого перелома». В 1920-е гг. власть вынуждена была отказаться от губительной политики «военного коммунизма» и перейти к более лояльной по отношению к народу новой экономической политике. Авторитетные исследователи называют этот короткий период «эрой умиротворения» и «золотым веком» советской демографии (Исупов, 2000: 71; Демографическая модернизация, 2006: 448–451). Согласимся с этими оценками с оговорками. Во-первых, не все демографические проблемы предыдущего кризисного периода (1914–1921 гг.) были преодолены. Во-вторых, страшный голод, разразившийся в 1921–1922 гг. в Поволжье, Казахстане, на Северном Кавказе, юге Украины, унес миллионы человеческих жизней (Демографическая модернизация, 2006: 401; Население России, 2000: 130–133; Исупов, 2000: 67–68).

Тем не менее, страна возрождалась. Этому способствовала демобилизация Красной армии. Численность личного состава Вооруженных Сил РСФСР за вторую половину 1921 г. сократилась на 650 тыс. человек (Россия и СССР, 2001: 142). Это были мужчины в активном, репродуктивном возрасте. Воссоединение семей, а также восстановление крестьянской общины с ее регулярными земельными переделами по количеству едоков, привели

* Corresponding author

E-mail addresses: rektor@eipk.info (S.A. Kropachev)

к повышению уровня рождаемости (Исупов, 2000: 71). С 1923 по 1928 гг. в СССР, прежде всего в сельской местности (Всесоюзная перепись, 1939: 20), общий коэффициент деторождения был очень высоким и варьировался от 45,3 до 49 % (Исупов, 2000: 72). По утверждению В.А. Исупова, «в советской деревне в годы нэпа был достигнут предел рождаемости, ограниченный только физиологическими возможностями женского организма» (Исупов, 2000: 72).

Признаками перехода к мирной жизни стали преодоление разрухи и последствий Первой мировой, Гражданской войн, интервенции, резкое увеличение производства продуктов питания, товаров первой необходимости, медикаментов. Все это вело к повышению благосостояния и росту качества жизни в СССР.

Формировалась система бесплатного государственного медицинского обеспечения. Значительно улучшилась эпидемиологическая обстановка в стране. Были побеждены пандемии и эпидемии, свирепствовавшие в годы Гражданской войны (Исупов, 2000: 67; Демографическая модернизация, 2006: 402, 580). Однако, острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни в середине – второй половине 1920-х гг. продолжали оставаться повседневным явлением (Исупов, 2000: 74-75).

В связи с улучшением внешних факторов, в значительной степени влиявших на демографические процессы, в стране сократилась смертность. Общий коэффициент смертности населения СССР составлял во второй половине 1920-х – 1930 г. от 25 до 27 %, что было меньше не только по отношению к периоду Гражданской войны, но и благополучному довоенному 1913 г. (Исупов, 2000: 72; Демографическая модернизация, 2006: 262). В Российской империи очень высокой была младенческая смертность. В 1913 г. на первом году жизни умирало 269 из каждой тысячи родившихся (Демографическая модернизация, 2006: 262). За весьма короткий срок в СССР добились резкого снижения детской смертности, что говорит о позитивных социальных изменениях в стране и успехах советского здравоохранения. Если в 1920 г. в СССР из каждой тысячи новорожденных умер, не дожив до года, 251 младенец, то в 1923 г. – 229, в 1926 г. – 197, в 1927–1928 гг. – 182 новорожденных. Таким образом, за 1920–1928 гг. коэффициент младенческой смертности в Советском Союзе уменьшился на 27,5 % (Исупов, 2000: 72). В России в эти годы показатели детской смертности были выше общесоюзного. Так, в 1930 г. в РСФСР умирали 227 младенцев на 1000 родившихся (Демографическая модернизация, 2006: 262). Но в целом успехи в борьбе с детской смертностью в первые десять лет после окончания Гражданской войны были весьма внушительными.

Переход к мирной жизни, смягчение экзогенных факторов, восстановление социальной инфраструктуры, снижение общих коэффициентов смертности населения СССР и России, в том числе сокращение детской смертности, привели к увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Если в 1920 г. в России она в среднем составляла (у мужчин и женщин) 20,5 лет, то в 1926–1927 гг. – 37,5 лет (Исупов, 2000: 73). Это было значительно ниже, чем в США, Японии и развитых странах Европы (Демографическая модернизация, 2006: 270-273), но за неполных десять лет произошел серьезный скачок.

Глобальным следствием позитивных изменений в СССР стал естественный прирост населения. В годы нэпа (1923–1928 гг.) коэффициент естественного прироста населения Советского Союза составлял от 17,9 до 21,4 %. Ежегодно население страны в этот период увеличивалось в среднем на 3 млн человек (Исупов, 2000: 72-73). К сожалению, 1920-е гг. стали коротким периодом относительной демографической стабильности, который скоро сменился глубоким кризисом 1930–1940-х гг. и снижением основных характеристик народонаселения. Демографическое благополучие 1920-х гг. по-разному повлияло на жизнь, быт, уклад, верование и здоровье народов, населявших РСФСР.

2. Материалы и методы

В 1926 г. в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения, которая, по мнению большинства специалистов, стала лучшей в советское время. Согласно переписи, на конец 1926 г. в СССР проживало 146 989 460 человек, в самой крупной союзной республике – РСФСР – соответственно 100 857 985 человек (Всесоюзная перепись, Вып. III: 48). В Российскую Федерацию входило 11 автономных советских социалистических республик: Карельская, Башкирская, Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Крымская,

Дагестанская, Казахская, Киргизская, Бурят-Монгольская и Якутская. В нее также входили 13 автономных областей: Коми (Зырянская), Вотская, Марийская, Калмыцкая, Адыгейско-Черкесская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Северо-Осетинская, Черкесская, Чеченская, Ойратская и Кара-Калпакская области. Помимо этого, в РСФСР входили три края – Дальневосточный (с островом Сахалин и полуостровом Камчатка), Сибирский и Северо-Кавказский, а также Уральская область, делившаяся на округа в качестве административных единиц. В состав краев входили автономные области, а на Северном Кавказе и автономные города – Владикавказ и Грозный ([Всесоюзная перепись, Вып. III: 51](#)). В Российской Федерации насчитывалось 32 губернии (будущие области).

Мы видим пеструю картину административно-территориального деления России в середине 1920-х гг. Такой же разнообразной была этническая карта республики. Для Всесоюзной переписи населения 1926 г. Комиссией по изучению племенного состава населения Академии наук СССР был составлен «Перечень и словарь народностей» (далее – Перечень), на основе которого анализировались данные Переписи о народностях и языках ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: III–IV](#); [Всесоюзная перепись, 1937/2: 312](#)). В Перечне все этнические группы, входившие в состав наций и народностей, учитывались как самостоятельные, даже если насчитывали сотни или десятки человек. В дальнейших переписях 1937, 1939 гг. были взяты за основу крупные нации и народности, поэтому число этнических групп в них меньше примерно в два раза по сравнению с 1926 г. ([Всесоюзная перепись, 1937/2: 312](#)).

В перечне народностей 1926 г. было указано 187 этнических единиц, 7 из которых переписью не были зарегистрированы ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: IV](#)). Важным требованием переписи было положение, по которому опрашиваемый самостоятельно определял свою принадлежность к тому или иному народу. Инструкция предписывала, что «при записи не следует переделывать показания опрашиваемого» ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: III](#)). Это же относилось и к языку. Не всегда принадлежность к этносу совпадала с принадлежностью к данному языку как родному ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: IV](#)).

Перепись 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этнических единиц ([Поляков, 1986: 156](#); [Жиромская, 2001: 75](#)). Более точную цифру назвать трудно. Во-первых, в основном издании итогов переписи, в отличие от кратких сводок, вышедших ранее, некоторые этнические группы с очень малым числом представителей (как это в дальнейшем будет в 1937 и 1939 гг.) присоединены «в целях экономии места» к более крупным родственным группам ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 1](#)). Во-вторых, в кратких сводках содержатся данные о двух группах народностей («Прочие народности» и «Народность не указана»), в которых насчитывалось соответственно 8381 и 90 199 человек. Но определить, какие этнические единицы вошли в эти группы, не представляется возможным. Кроме того, перепись 1926 г. выявила 389 989 иностранцев (надо полагать, иностранных подданных), которые вошли в общее число жителей СССР в 1926 г. ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 22](#)).

3. Обсуждение и результаты

Итак, 200 этносов! Нельзя не согласиться с академиком Ю.А. Поляковым в том, что «такое количество наций, народностей, этногрупп в составе одной страны – уникальное явление, не имеющие аналогов в истории нового времени» ([Поляков, 1986: 157](#)). Большинство из этносов, более 90 %, проживавших в 1926 г. на территории СССР, были зафиксированы переписью и на территории России, за исключением десятка немногочисленных этнических групп (ираны, джемшиды, хазара, белуджи и др.).

В 1920-е гг. многочисленные народы России находились на разных уровнях своего экономического, политического, социального, культурного развития. Академик Ю.А. Поляков выделил следующие стадии развития различных народов в начале 1920-х гг.:

- капитализм;
- феодализм;
- родоплеменной строй;
- патриархально-родовой строй.

Существенные отличия в своем развитии этносы имели не только между собой, но один и тот же народ мог находиться на различных стадиях эволюции на территории одной страны в одно и то же время ([Поляков, 1986: 197–198](#)).

Государствообразующей, основной национальностью в 1920-е гг. в Российской Федерации были русские. Их, по данным переписи 1926 г., в республике проживало 74 042 тыс. человек или 73,4 % от общего числа жителей ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: V](#)). Из них в городах – 14,6 млн, в сельской местности – 59,4 млн человек ([Араловец, 2009: 48](#)). Русский был родным языком для 77 840 тыс., или 77,2 % населения ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: V](#)). Русские (иногда в документах тех лет писали «великоруссы») проживали на всей территории республики. Наиболее высокий их процент был сосредоточен в центральных районах европейской части Российской Федерации – Промышленном, Черноземном, Западном, Северном районах и др. ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: V](#)). Десятки этнических групп, проживавших в РСФСР в 1920-е гг., насчитывали 100 тыс. и более человек или 0,1 % и более от общей численности жителей республики. Вслед за русскими самыми крупными народами являлись украинцы – 7873 тыс., татары, включая крымских татар, – 2846 тыс. (без родственных народов – мишарей, тептярей, нагайбаков, кряшенов), мордва – 1335 тыс., чувашаи – 1.115 тыс., немцы – 806 тыс., башкиры – 713 тыс., белорусы – 638 тыс., евреи (включая крымских и горских) – 589 тыс., вотяки – 504 тыс., марийцы – 428 тыс., чеченцы – 318 тыс., карелы – 248 тыс., финны ленинградские (включая категорию «финны») – 241 тыс., зыряне – 221 тыс., поляки – 198 тыс., эсты – 150 тыс. и др. ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 2-14](#)).

Как известно, в РСФСР в 1920-е гг. в качестве автономных республик входили Казахстан и Киргизия. Соответственно в России насчитывалось 3852 тыс. казахов и 672 тыс. киргизов ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 16](#)). Распределение этносов по территории республики в эти годы подробно описано в исторической литературе ([Поляков, 1986: 157-186](#); [Жиромская, 2001: 74-79](#); [Араловец, 2009: 48-49](#)).

Русские и русский язык в качестве родного преобладали в большинстве субъектов республики. Соответственно их влияние на другие народы в культурном, языковом, ментальном, значительно реже – в религиозном аспектах было очень велико. В стране шли процессы ассимиляции и этнической интеграции в пользу русского народа и русского языка.

Но не везде в 1920-е гг. русские составляли большинство населения. Исключением были национальные автономии (республики и области). Из 24 автономий коренные народы занимали первое место в 19 своих территориях, а их языки главенствовали над языками других народов, проживавших в национальных районах ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 42-96](#)). Это относится ко всем (за исключением Ойротской) автономным областям и к семи из одиннадцати автономным республикам (Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Дагестанская, Казахская, Киргизская и Якутская АССР). Титульная нация и титульный язык, как правило, в количественном отношении являлись определяющими в той или иной автономии. Но были некоторые нюансы. В Адыгейско-Черкесской АО на первом месте значатся черкесы и черкесский язык, в Ингушской – ингуши, но язык – чеченский, в Кабардино-Балкарской – кабардинцы, язык – черкесский, в Дагестанской – горцы и горские языки и т.д. ([Всесоюзная перепись, 1939: 57, 58, 247, 248](#)).

Устойчивым явлением было то, что русские и русский язык оставались вторыми даже в национальных автономиях. Исключение составляли Ингушская АО, где русские были третьими по численности населения, а язык – на втором месте, Кабардино-Балкарская – четвертое место по национальности и языку, Карачаевская – шестое и четвертое, Северо-Осетинская – третье место по обоим показателям, Черкесская – пятое и третье места ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 79-81](#)).

Тенденция к увеличению русского населения в субъектах республики продолжала нарастать и в последующие годы. Так, по переписи 1939 г. русские составляли большинство населения в 54 из 66 областей, краев, автономных республик и автономных областей РСФСР ([Всесоюзная перепись, 1939: 59-68](#)).

Вернемся к анализу развития этносов в 1920-е гг. Были национальные особенности в административно-территориальном делении Северо-Кавказского и Сибирского краев. В последнем существовало два округа, где первое место по численности населения и языку занимали хакасы, Хакасский округ, и украинцы, Славгородский округ ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 92, 94](#)). В октябре 1930 г. Хакассия получила автономию, но коренной народ вскоре перестал быть лидирующим в структуре населения. Если в середине 1920-х гг. в Хакассии хакасов и русских было примерно равное количество, то в конце 1930-х гг.

русских в автономной области насчитывалось в пять раз больше – более 200 тыс. человек ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 94](#); [Всесоюзная перепись, 1939: 60](#)).

В Северо-Кавказском крае в середине 1920-х гг. имелись четыре округа с преобладанием украинского населения и украинского языка – Донецкий, Кубанский, Таганрогский и Черноморский ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 73-77](#)). Во-первых, это объясняется жизнью населения Донецкого и Таганрогского округов в условиях русско-украинского пограничья и наличия устойчивых семейных, родственных, экономических и иных связей с Украиной. Во-вторых, традиционно население кубанских станиц самоидентифицировало себя с украинскими этносом. Это проявлялось в элементах материальной культуры, в том числе в жилище, одежде, пище, изделиях народных промыслов. Говорили (и это в значительной мере сохранилось сегодня) сельские жители Кубани на «балачке» – своеобразном синтезе украинского языка и южнорусских диалектов.

Важной особенностью регионов России в 1920-е гг. была их многонациональность. Несмотря на то, что русские составляли более 73 % от общего числа жителей республики, остальные народы играли важную роль в социально-экономическом и культурном развитии. Несколько народов проживало во всех губерниях, краях, областях и национальных автономиях. Это три восточнославянских народа – русские, украинцы, белорусы, а также татары (казанские), евреи, поляки, немцы и цыгане. Такое рассредоточение по субъектам республики данных народов объясняется разными причинами, прежде всего историческими. Немцы и поляки являлись потомками переселенцев XVIII–XIX вв., осваивавших огромные пространства Российской империи. Если немцы в основном обитали в сельской местности и занимались сельским хозяйством, то поляки преимущественно являлись специалистами (инженеры, врачи, учителя) и проживали в городах. После отмены «черты оседлости» в 1917 г., запрещавшей, начиная с 1791 г., проживание евреев за пределами западных и юго-западных губерний Российской империи, их значительные группы стали переселяться в другие районы. Этот процесс получил значительный размах в 1920–1930-е гг. ([Поляков, 1986: 186](#)). Цыгане, которые вели кочевой образ жизни, присутствовали практически во всех регионах страны. В дальнейшем, большая часть цыган перешла на оседлость, но в 1920-е гг. этот процесс еще не начался ([Поляков, 1986: 186](#)). Проживание указанных народов на всей территории страны объясняется также трудовой миграцией, изменением границ РСФСР в 1920-е гг. и др.

Обратимся к характерным примерам распределения народов на территории республики и их особенностям. В переписи 1926 г. все субъекты были сгруппированы в 19 районах (регионах), куда входили те или иные губернии, края и национальные автономии, похожие по составу населения, социально-экономическому развитию и другим параметрам. Иногда территории районов (регионов) совпадали с территориями тех или иных субъектов федерации. Как уже говорилось, в их большинстве проживали русские, за исключением национальных республик и областей. Часто русское население составляло 90 % и более от общего числа жителей территории. Но были и свои рекордсмены. Так, в Вологодской губернии проживало 99,6 % русских, во Владимирской – 99,4 %, Иваново-Вознесенской – 99,3 %, Орловской – 99,1 %, Тамбовской – 99,1 % и т.д. ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 42, 43, 48, 49, 55](#)). В Архангельской губернии, входившей в Северный район, кроме русских, проживали зыряне, самоеды, евреи, татары, украинцы, поляки, латыши. В Ленинградской губернии (Ленинградско-Карельский район) также проживали финны ленинградские, евреи, эсты, поляки, немцы, латыши, белорусы, ижорцы, украинцы, вепсы, финны, татары, литовцы, мишкари, карелы, в Смоленской губернии (Западный район) – евреи, белорусы, латыши, поляки, украинцы, цыгане, литовцы, немцы, в Иваново-Вознесенской губернии (Центрально-Промышленный район) – татары, белорусы, евреи, украинцы, поляки, мордва, эсты, в Орловской губернии (Центрально-Черноземный район) – евреи, белорусы, поляки, немцы, латыши, цыгане, татары, в Вятской губернии (Вятский район) – марийцы, вотяки, татары, пермяки, бесермяне (в дальнейшем отнесены к удмуртам), евреи, поляки, цыгане, в округах Уральской области (Уральском районе) – украинцы, татары, белорусы, мордва, чувашаи, казахи, поляки, эсты, цыгане, евреи, латыши, зыряне и другие народы. В Оренбургской губернии (Средне-Волжский район) проживали, кроме русских, украинцы, татары, казахи, мордва, немцы, башкиры, евреи, белорусы,

в Астраханской губернии (Нижне-Волжский район) – татары, казахи, украинцы, евреи, калмыки, армяне, немцы, персы, поляки, туркмены.

Границы Башкирского района совпадали с Башкирской АССР, Крымского – с Крымской АССР, Дагестанского – с Дагестанской АССР, Казахского и Киргизского районов – соответственно с Казахской и Киргизской АССР, Сибирского района – с Сибирским краем, Северо-Кавказского района – с Северо-Кавказским краем, Бурят-Монгольского района – с Бурят-Монгольской АССР, Якутского района – с Якутской АССР, Дальневосточного района – с Дальневосточным краем. Последний был весьма полиэтничным. На его огромных просторах проживали русские, украинцы, корейцы, белорусы, тунгусы, чукчи, буряты, поляки, евреи, коряки, татары, гольды, камчадалы, гиляки, китайцы, молдаване, мордва, латыши, немцы, эсты, удехе, ламуты, литовцы, цыгане, румыны, орогоны, якуты, чуваша, орочи ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 42-97](#)).

Многонациональными в 1920-е гг. были города, прежде всего столичные – Москва и Ленинград. В 1930-е гг., в связи с быстрыми темпами индустриализации и урбанизации, городское население резко увеличивается, разнообразнее становится и его национальный состав ([Всесоюзная перепись, 1937/2: 60-67](#)).

Учитывая основные народы, проживавшие на территориях республики, перепись 1926 г. выделяла еще две категории – «иностранцы» и «прочие». В состав «прочих» входили, как правило, народы проживавшие в субъектах РСФСР в небольшом количестве. Их доля составляла до 2 %.

Даже на фоне такого национального разнообразия был регион, отличавшийся уникальным представителем народов, проживавших на одной территории, в составе одной автономной республики. Это Дагестанская АССР, образованная в 1921 г. ([Поляков, 1986: 174](#)). Перепись 1926 г. выявила в республике более тридцати коренных народностей и этнических групп: авары или аварцы, агулы, андии или андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы (богулалы), ботлихцы, годоберинцы, даргинцы, дидои или дидойцы (встречается наименование цезы), кайтаки или кайтагцы, каратаи или каратины, капучины, кубачинцы, кумыки, лаки или лакцы, лезги или лезгины, ногайцы, рутулы или рутульцы, таты, тиндии или тиндалы, табасараны или табасаранцы, удины, хварцины или хваршинцы, чамалалы, цахуры, чинухцы, бежтины или бештинцы, гунзебцы, акушинцы, хюркилинцы, цудахарцы, сирхинцы, муиринцы (последние пять диалектно-этнографических групп относятся к даргинцам), кюринцы, ахтынцы, кубинцы (относятся к лезгинам).

В последующие годы более мелкие народности и этнические группы включили в состав крупных народов. Например, кайтаки и кубачинцы слились с даргинцами. В категорию аварцев вошли четырнадцать народностей родственные им по языку и др. ([Поляков, 1986: 174](#); [Всесоюзная перепись, 1939: 246](#)).

В материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г. были оставлены только десять народов Дагестана: агулы, аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, рутульцы, табасараны, цахуры ([Поляков, 1986: 174](#)).

Это говорит не столько о процессах ассимиляции и этнической интеграции, сколько о том, что в условиях господства коммунистической идеологии более важным для режима было обосновать искусственно формируемую аморфную общность «советский народ», чем сохранить уникальную самобытность десятков этносов с их языками, культурой, традициями, многовековой историей.

Краткие сводки, подготовленные после проведения переписи 1926 г., не выделяли коренные народы Дагестана, обобщив их под названием «горцы» и указав долю в структуре населения республики – 61,76 %. Удивительно, но кумыки и ногайцы, которых обычно относят к народам Дагестана, были даны в сводках отдельно. Их не включили в собирательное понятие «горцы» ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 81, 82](#)). Также в Дагестанской АССР проживали русские, тюрки, чеченцы, ингуши, евреи горские, армяне, украинцы, персы, евреи, татары, немцы, туркмены ([Всесоюзная перепись, Вып. IV: 81, 82](#)). С учетом категории «прочие» (0,62 %) в республике в 1920-е гг. обитало более пятидесяти народов и этнических групп.

В любом государстве жизнь в условиях этнической чересполосицы не может быть простой и безоблачной. Мы хорошо это знаем и помним по событиям 1980–1990-х гг., когда республики СССР, Югославии и других стран захлестнули волны межнациональных

конфликтов. В 1920-е гг. также было немало проблем и нерешенных вопросов в отношениях между народами. Но новая экономическая политика принесла оттепель в сферу не только социально-экономических, но и межэтнических отношений, культурного развития наций и народов. Этноссы, даже малочисленные, имели возможность изучать свой родной язык, культуру, традиции, историю, сохранили свою веру. Работали национальные школы, дома культуры, храмы, мечети, костелы, синагоги. Активная борьба с религией и церковью, которую вели большевики в годы революции, Гражданской войны и голода, поутихла, правда, ненадолго. Рассмотрим жизнь этноса в 1920-е гг. на примере польской диаспоры Кубани.

Появление поляков на Кубани было связано, прежде всего, с расширением границ Российского государства. В составе казачьих отрядов, переселявшихся в кубанские земли по повелению Екатерины II с территорий, некогда входивших в состав Речи Посполитой, встречалось немало этнических поляков. С началом Кавказской войны (1817–1864 гг.) количество поляков-военных в регионе постоянно увеличивалось. По мере стабилизации социально-политической ситуации кавказские земли все более нуждались в специалистах самых разных направлений, что также способствовало увеличению числа польского населения гражданских профессий, желавших сделать карьеру в динамично развивающемся регионе империи ([Население и территория, 2017: 549](#)).

По данным Всероссийской переписи населения 1920 г., в Кубано-Черноморской области проживало 7238 поляков ([Кропачев, Селицкий, 2016: 16](#)). Польскую диаспору Кубани отличали: преобладание мужского населения; некомпактное проживание, в основном в городах; наличие значительного количества квалифицированных специалистов; высокая степень организации культурной и духовной жизни; активное желание не потерять свои этнические корни ([Кропачев, 2018: 110](#)).

В 1920-е гг. религиозная и культурная жизнь польской общины Кубани формировалась вокруг римско-католических костелов. В конце XIX – начале XX в. на территории Кубанской области (основана в 1860 г.) и Черноморской губернии (основана в 1896 г.) был построен ряд римско-католических религиозных центров. Поляки сыграли решающую роль в создании и развитии четырех из них. Это Екатеринодарская приходская церковь во имя Розария Пресвятой Девы Марии (1893 г.), Новороссийский молитвенный дом во имя Святой Анны (1895 г.), Армавирский молитвенный дом Иконы Ченстоховской Божьей Матери (1909 г.), Майкопская филиальная церковь во имя Святого Антония Падуанского (1914 г.). В регионе были и другие молитвенные дома и церкви, однако в них ведущую роль играли представители других народов, исповедующих католицизм: в селениях вокруг Анапы и Новороссийска преобладали чехи и словаки, в селах Семеновка, Новониколаевка и Рождественское – немцы, а в станицах Крымской и Баталпашинской – армяно-католики ([Кропачев, Селицкий, 2016: 11](#)).

Важной сферой проявления польского духа и традиций взаимопомощи стали организуемые при костелах римско-католические благотворительные общества, были открыты польские школы ([Кропачев, 2018: 122](#)). Так, в начале 1920-х гг. в Краснодаре была открыта польская школа № 30. Она занимала часть помещения римско-католического собора, располагавшегося на улице Графской (ныне Советская). В школе проводились общие собрания поляков-краснодарцев. Заведующий школой в 1923–1925 г. была Ядвига Казимировна Годзевич (урожденная Янковская). В Краснодаре был создан в это время городской клуб «Нацмен». В него входили представители диаспор, проживавших в городе. Клуб «Нацмен» свои заседания проводил в помещениях польской школы. В клубе с успехом работали драматический, музыкальный и политический кружки. Члены польской секции клуба совместно с учителями польской школы ставили спектакли, устраивали концерты и семейные вечера ([Население и территория, 2017: 553](#)).

Как известно, смена политического курса в конце 1920-х гг. имела негативные последствия и по отношению к нацменьшинствам, повлияла на сохранение их численности и возможность развиваться. Так, в годы «большого террора» и проведения «польской операции» в 1937–1938 гг. были уничтожены практически все взрослые мужчины польского происхождения, проживавшие на Кубани. С 1926 по 1939 гг. польское население Краснодарского края сократилось в два раза ([Кропачев, Селицкий, 2016: 20](#)). В 1937 г. в Краснодаре был закрыт костел, его здание было переоборудовано в жилой дом.

Большинство тех, кто имел отношение к костелу, были репрессированы (Кропачев, Селицкий, 2016: 23).

Этносы России в 1920-е гг. находились на разных стадиях не только социально-экономического, но и культурного развития. Эти процессы, впрочем, тесно связаны между собой. Так, уровень грамотности по переписи населения 1926 г. в России был низким и составлял лишь 40,7 % грамотных, 52,3 % у мужчин и 30,1 % у женщин (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 95). Правда, в других советских республиках, кроме Украинской ССР, этот уровень был еще ниже. Например, в ЗСФСР – 27,8 %, УзССР – 7,7 %, ТуркССР – 9,6 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 102, 105, 108, 109). В Российской Федерации у жителей городов уровень грамотности был значительно выше, чем у сельских жителей (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 95). Мужчины были гораздо образованней, чем женщины. Самый высокий показатель грамотности был у мужчин, проживавших в городах, – 73 %, самый низкий – у сельских женщин – 24,1 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 95; Жиромская, 2001: 179).

Перепись населения 1926 г. зафиксировала самый высокий уровень грамотности у представителей европейских народов, проживавших в СССР: у латышей – 74,5 %, эстов – 72,4 %, литовцев – 70,5 %, финнов – 76,0 %, финнов ленинградских – 70,5 %, немцев – 60,2 %, чехов и словаков – 74,3 %, сербов – 61,3 %, болгар – 51,5 %, румын – 56,4 %, греков – 50,3 %, албанцев – 46,5 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86). В переписи указана еще одна собирательная группа «англичане, шведы, голландцы, итальянцы, французы и мадьяры» (83,4 % грамотных), но в силу ее малочисленности (14 920 человек) она является лишь исключением и не может сопоставляться с народами, составлявшими большинство жителей СССР и РСФСР (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86).

Высоким процент грамотности был у евреев (ашкеназов) – 72,3 %, евреев крымских – 58,2 %, ижоров – 60,9 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86). Рекорд образованности принадлежал малочисленному тюркоязычному народу (8324 чел.), проживавшему в основном в Крыму, – караимам. У них уровень грамотности составлял 84,9 % и был одинаково высоким у мужчин и женщин (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86).

У восточнославянских народов (русские, украинцы и белорусы) показатели грамотности были намного выше, чем у большинства народов СССР и РСФСР: у русских – 45,1 %, украинцев – 41,3 %, белорусов – 37,3 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86).

Уровень грамотности зависел не только от степени развития того или иного этноса, места его проживания, но и от религиозности, традиций, достатка, семейного образования и других факторов. Так, домашнее образование, изучение родного языка было широко распространено у этнических немцев в ряде регионов России вплоть до 1970-х гг.

Ниже, чем у восточноевропейских народов, показатели грамотности были у этносов Поволжья: татар (включая черневых татар и кряшенов) – 33,4 %, башкир – 24,3 %, марийцев – 26,6 %, мордовцев – 22,9 %, чувашей – 30,7 %, вотяков (удмуртов) – 25,6 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86). В сельской местности показатели грамотности были значительно ниже, чем в городах; они резко снижаются и у мужчин, и у женщин с повышением возраста. Грамотных мужчин у народов Поволжья в 1920-е гг. было в 2–4 раза больше, чем грамотных женщин (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86; Жиромская, 2001: 181).

В плачевном состоянии по уровню грамотности находились нацменьшинства, населявшие окраинные районы России: народы Азиатского Севера, Северного Кавказа и Дагестана, Казахской и Киргизской АССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. объединила в группу «Народы Азиатского Севера» шесть этносов – гольды, чукчи, коряки, камчадалы, гиляки, эскимосы. Уровень их грамотности составлял 9,4 %. Примерно такая же картина была у тунгусов (эвены и эвенки) – 13,6 %, якутов – 6,3 %, остяко-самоедов и самоедов (ненцы) – 3,0 % и т.д. Исключение составляли буряты. Их индекс грамотности равнялся 23,2 %, у мужчин – 36,9 %, у женщин – 9,3 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 87).

Не лучше была картина у этносов Северного Кавказа. Пятидесятилетняя война, депортация народов не способствовали проникновению грамотности в кавказские аулы, прежде всего расположенные в горных и труднодоступных районах. Так, среди собирательной группы «горцы Дагестана» грамотных было всего 5,9 %, у других народов, проживавших в республике, примерно столько же: у татов – 5,9 %, кумыков – 11,1 % (Всесоюзная перепись, Вып. VII: 87).

Другие этносы, населявшие автономии Северного Кавказа, также имели весьма низкий индекс грамотности: черкесы (черкесы и адыгейцы) – 16,9 %, кабардинцы – 6,8 %, чеченцы и бацбии – 2,9 %, ингуши – 9,1 %, карачаи (карачаевцы) – 9,2 %, балкары – 5,3 % и т.д. Исключением, «кавказскими бурятами», являлись осетины, среди которых было 21,2 % грамотных. Среди киргизов грамотных было всего 4,6 %, казахов – 7,1 % ([Всесоюзная перепись, Вып. VII: 87](#)). Женщины народов, проживавших в окраинных районах России, были поголовно неграмотными. Уровень грамотных женщин у разных народов составлял от 0,3 % – киргизы и чеченцы – до 11 % – осетины ([Всесоюзная перепись, Вып. VII: 87](#)). Это говорит о бесправии женщин этих народов, их низком социальном статусе и полной зависимости от мужчин.

Образование в стране в 1920-е гг. не получило широкого развития. Система среднего и высшего образования только формировалась. Изменения начали происходить в 1930-е гг., но они были весьма скромными. В конце 1930-х гг. среднее образование имели 4,6 % населения, а высшее – 0,6 % ([Жиромская, 2001: 182-185](#)).

Революционные идеи об институтах брака и семьи конца XIX – начала XX в. отчасти были воплощены в России после революции 1917 г. Секуляризация брака, провозглашенная в декретах «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» (декабрь 1917 г.) подорвала правовую основу патриархальной семьи. Все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов. В Семейном кодексе РСФСР 1918 г. провозглашалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» ([Демографическая модернизация, 2006: 87](#)).

Все социальные, сословные, религиозные, национальные ограничения, связанные со вступлением в брак и его расторжением, отменялись. Закреплялось равноправное положение супругов в обществе, браке и семье. Женщина становилась юридически свободной. Эти прогрессивные нормы на практике воплощались очень медленно. Ранние браки, бесправие женщин, недобровольность вступления в брак, многоженство (в Средней Азии и на Северном Кавказе) оставались в 1920-е гг. массовым явлением. Вера, традиции, институты социального контроля, прежде всего у неславянских народов, долгие годы консервировали укоренившиеся модели брачного поведения.

Зарегистрированные гражданские браки не покрывали всех случаев возникновения фактических брачных отношений. Происходило это в том числе из-за дефицита мужчин на брачном рынке. Так, в 1923 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. незарегистрированных (фактических) браков ([Демографическая модернизация, 2006: 87](#)). Особенно такие браки были популярны у молодежи крупных городов.

Это обстоятельство заставило государство признать юридическую силу за фактическими браками. Данная правовая норма была зафиксирована в Кодексе законов о браке, семье и опеке, принятом в 1926 г. на сессии ВЦИК РСФСР. Новый Кодекс был введен в действие с 1 января 1927 г.

Институт фактического брака просуществовал в Советском Союзе с 1927 по 1944 гг. и имел широкое распространение. Так, по переписи населения 1937 г. в СССР в браке состояло 64 561 843 мужчин и женщин. При этом, мужей было на 1 459 159 человек меньше, чем жен, состоявших в браке (или считавших себя таковыми). Это стало следствием легитимизации незарегистрированного брака, а также института многоженства, существовавшего в Казахстане, Киргизии, Дагестане и на Северном Кавказе, подлинные размеры которого установить весьма сложно ([Всесоюзная перепись, 1937/1: 82](#)).

В целом, в 1920-е гг. институт семьи и брака в России не претерпел значительных трансформаций, несмотря на изменившиеся социальные условия и принятые законы. Большинство народов находилось на стадии традиционного типа воспроизводства населения (раннее вступление в брак, многодетные семьи, фактическое неприменение аборт, табу на разводы и т.д.). Традиционной была и роль женщины в семье и обществе. Старая система брачно-семейных отношений стала разрушаться позднее, в 1930-е гг., под влиянием политики индустриализации и коллективизации ([Демографическая модернизация, 2006: 86-91; Араловец, 2009: 32-35](#)).

При этом нужно отметить, что не все вековые традиции и обычаи в сфере семьи и брака исчезли. Многие живы до сих пор, особенно у народов Дагестана и Северного Кавказа.

Так, у адыгейцев, проживающих в Республике Адыгея и Краснодарском крае, обязательной нормой поведения как для сельских, так и городских жителей является полное отсутствие контактов между зятем и тещей, сохранились обычаи «кражи» (умыкания) невесты (как правило, по предварительной договоренности) и т.д.

До революции 1917 г. религия в Российской империи играла огромную роль, прежде всего, православие, широко распространенное среди восточнославянских народов. Девиз, с которым шли в бой и умирали, содержал три святых для православных людей слова: «За веру, царя и отечество!» Мы видим, что на первом месте стояла вера. После революции ситуация изменилась. Атеистический курс государства, коммунистическая идеология, изменения границ привели к сокращению количества верующих. Однако в 1920-е гг. религиозные верования и убеждения в России играли большую роль. В стране исповедовали все ветви христианства (православие, католицизм, лютеранство, протестантство, армяно-григорианство и др.), мусульманство (магометанство), иудейство, буддизм и ламаизм, шаманство. Страна продолжала оставаться полиэтничной и многоконфессиональной. После всплеска агрессии периода революции, Гражданской войны и голода 1921–1922 гг. в годы новой экономической политики наступило относительное затишье, государство лояльно относилось к религии и верующим. Это мы видели на примерах польской диаспоры Кубани. В 1920-е гг. в России наблюдалось несколько устойчивых тенденций. По понятным причинам увеличилось количество атеистов. Наблюдалась прямая зависимость уровня грамотности и верований. Доля верующих женщин (прежде всего у христиан) была выше, чем верующих мужчин. Очень популярны у православных были церковный брак, крестины, отпевание, празднование Пасхи и других религиозных праздников. Так, доля церковных браков в 1922–1924 гг. у рабочих Нижнего Тагила составляла 40 % от общего числа заключенных брачных союзов (Араловец, 2009: 36).

Перелом наступил в 1929 г. Начавшаяся коллективизация и состоявшийся в июне 1929 г. II съезд Союза воинствующих безбожников привели к массовому закрытию культовых зданий, аресту священнослужителей и верующих. Были закрыты тысячи православных церквей, монастырей, молитвенных домов. Арестованы иерархи Русской православной церкви. Гонениям подверглись все имевшиеся в Российской Федерации конфессии – мусульманство, иудейство и др. Католическая церковь в конце 1930-х гг. прекратила свое существование.

4. Заключение

Подводя итоги исследованию демографического развития этносов России в 1920-е гг., отметим, что они существовали в относительно благоприятной политической, социально-экономической и культурной среде. Закончился период разрухи, войн, эпидемий и пандемий, кризисов и катастроф. Экзогенные факторы минимально влияли на демографическое поведение многочисленных этносов, проживавших в стране. Десятилетие демографического благополучия привело к стабильному приросту населения, снижению смертности, в том числе детской, победе над многими опасными болезнями. Двести российских этносов имели возможность изучать свой родной язык, историю, культуру, исповедовать традиционную религию. Это десятилетие можно назвать переходным от господства укоренившихся обычаев, традиций, ценностей, верований, институтов к новациям во всех сферах существования этносов, кардинально изменивших их уклад и качество жизни. К сожалению, этот «золотой период» был весьма непродолжительным, ему на смену пришел этап демографических кризисов, продолжившихся до середины XX в.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в соответствии с Планом научной работы Института российской истории РАН.

Литература

Араловец, 2009 – Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.

Всесоюзная перепись, Вып. III – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. III: Население СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1927. 63 с.

[Всесоюзная перепись, Вып. IV](#) – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 138 с.

[Всесоюзная перепись, Вып. VII](#) – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 111 с.

[Всесоюзная перепись, 1937/1](#) – Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991. 239 с.

[Всесоюзная перепись, 1937/2](#) – Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.

[Всесоюзная перепись, 1939](#) – Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.

[Демографическая модернизация, 2006](#) – Демографическая модернизация России. 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

[Жирумская, 2001](#) – *Жирумская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.

[Исупов, 2000](#) – *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

[Кропачев, 2018](#) – *Кропачев С.А.* Демографические потери населения СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы российской истории и историографии. Майкоп: Полиграф-Юг, 2018. 280 с.

[Кропачев, Селицкий, 2016](#) – *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Мартиролог поляков Кубани. Репрессированные в ходе «польской операции» НКВД 1937–1938 гг. Майкоп: Полиграф-Юг, 2016. 220 с.

[Население и территория, 2017](#) – Население и территория России: история и современность. М.; Самара: ИРИ РАН, 2017. 623 с.

[Население России, 2000](#) – Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.

[Поляков, 1986](#) – *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 272 с.

[Россия и СССР, 2001](#) – Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.

References

[Aralovec, 2009](#) – *Aralovec N.A.* (2009). *Gorodskaja sem'ja v Rossii, 1927–1959 gg.* [Urban family in Russia, 1927–1959]. Tula: Grif i K, 304 p. [in Russian]

[Demograficheskaja modernizacija, 2006](#) – *Demograficheskaja modernizacija Rossii. 1900–2000* [Demographic modernization of Russia. 1900–2000]. М.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p. [in Russian]

[Isupov, 2000](#) – *Isupov V.A.* (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoj polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie očerki* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century: Historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 244 p. [in Russian]

[Kropachev, 2018](#) – *Kropachev S.A.* (2018). *Demograficheskie poteri naselenija SSSR. Nachalo 1930-h – seredina 1940-h godov. Problemy rossijskoj istorii i istoriografii* [Demographic losses of the USSR population. Early 1930s – Mid 1940s. Problems of Russian history and historiography]. Майкоп: Poligraf-Yug, 280 p. [in Russian]

[Kropachev, Selickij, 2016](#) – *Kropachev S.A., Selickij A.I.* (2016). *Martirolog poljakov Kubani. Repressirovannye v hode «pol'skoj operacii» NKVD 1937–1938 gg.* [Martyrology of Kuban poles. Repressed during the “Polish operation” of the NKVD 1937–1938]. Майкоп: Poligraf-Yug, 220 p. [in Russian]

[Naselenie i territorija, 2017](#) – *Naselenie i territorija Rossii: istorija i sovremennost'* [Population and territory of Russia: history and modernity]. М.; Самара: IRI RAN, 2017. 623 p. [in Russian]

[Naselenie Rossii, 2000](#) – Naselenie Rossii v XX veke [Population of Russia in the XX century]. In 3 vols. Vol. 1. M.: ROSSPEN, 2000. 463 p. [in Russian]

[Poljakov, 1986](#) – *Poljakov Ju.A.* (1986). Sovetskaja strana posle okonchanija grazhdanskoj vojny: territorija i naselenie [Soviet country after the end of the civil war: territory and population]. M.: Nauka, 272 p. [in Russian]

[Rossija i SSSR, 2001](#) – Rossija i SSSR v vojnah XX veka: Statisticheskoe issledovanie [Russia and the USSR in the wars of the XX century: a statistical study]. M.: Olma-Press, 2001. 608 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 1937/1](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 g.: Kratkie itogi [All-Union Census of 1937: Brief Results.]. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1991. 239 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 1937/2](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 goda: Obshhie itogi. Sbornik dokumentov i materialov [All-Union Census of 1937: General Outcomes. Collection of documents and materials]. M.: ROSSPEN, 2007. 320 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 1939](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda: Osnovnye itogi [All-Union Census of 1939: Main Results]. M.: Nauka, 1992. 256 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', Vyp. III](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 17 dekabrja 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. III: Naselenie SSSR [All-Union Census of December 17, 1926: Brief Reports. Vol. III: The population of the USSR]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 1927. 63 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', Vyp. IV](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 17 dekabrja 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. IV: Narodnost' i rodnoj jazyk naselenija SSSR [All-Union Census of December 17, 1926: Brief Reports. Vol. IV: Nationality and mother tongue of the population of the USSR]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 1928. 138 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', Vyp. VII](#) – Vsesojuznaja perepis' naselenija 17 dekabrja 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. VII: Vozrast i gramotnost' naselenija SSSR [All-Union Census of December 17, 1926: Brief Reports. Vol. VII: Age and literacy of the population of the USSR]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 1928. 111 p. [in Russian]

[Zhiromskaja, 2001](#) – *Zhiromskaja V.B.* (2001). Demograficheskaja istorija Rossii v 1930-e gg. Vzgljad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s. Gaze into the unknown]. M.: ROSSPEN, 280 p. [in Russian]

Проблемы демографического развития российских этносов в 1920-е годы

Сергей Александрович Кропачев ^{a, *}

^a Институт российской истории РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу демографического развития наций, народностей и племенных групп в РСФСР в 1920-е гг. Рассматриваются вопросы перехода страны к мирной жизни после окончания Гражданской войны и то, как это повлияло на динамику народонаселения. Автор исследует особенности административно-территориального деления России и динамику развития почти 200 этносов, существовавших тогда в стране. Анализируются вопросы продолжительности жизни, смертности, семейно-брачных отношений, грамотности и верований различных этносов. Подчеркивается консервация традиционных укладов жизни народов и сохранение укоренившихся типов воспроизводства населения в условиях смягчения экзогенных факторов.

Ключевые слова: демография, этносы, Россия, РСФСР, 1920-е годы, административно-территориальное деление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rektor@eipk.info (С.А. Кропачев)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(1): 71-79

DOI: 10.13187/rs.2020.1.71
www.ejournal15.com



Identification of Motorboats Projects of the Izhevsk Operational Office

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, d, *}, Svetlana L. Bautina ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Moscow Psychoanalyze Institute, Russian Federation

^d Izhevsk State Technical University, Russian Federation

^e Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Russian Federation

Abstract

In the post-war period, motorboats played a huge role in the technical re-equipment of domestic water transport. They replaced steamboats, mostly of pre-revolutionary building, but they, in turn, after a decade, almost everywhere gave way to motor ships. Similar processes took place in the Izhevsk operational office of the Office of Small Rivers under the Council of Ministers of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic. In the late 1940s – early 1950s the office received three motor boats “Yaroslavets”, “Pioner” and “Komsomolets”. Basing on the analysis of the available documentation and photographs, it was concluded that the “Yaroslavets” belonged to the boats of project 358, the “Pioner” belonged to the project NKL-47, and the “Komsomolets” project was not yet possible to determine within the existing sources. Apparently, this ship is depicted in a photograph from the collection of A. Korobeinikov (from the family archive of T. Grozova). The same ship is shown in the photograph from the Ozhigov family archive, which is why it must be re-attributed and its date changed to 1961.

Keywords: Izhevsk operational office, water transport, motorboat, navigation, development of small rivers.

1. Введение

Мотокатера сыграли важную роль в техническом перевооружении водного транспорта в послевоенные годы. В первые годы советской власти увеличение объема речных перевозок достигалось в основном за счет ремонта дореволюционного флота, приведенного в негодность в годы Гражданской войны. Поскольку во время первой пятилетки приоритет отдавался железнодорожному транспорту, объем производства новых речных судов был минимальным. Лишь к концу второй – началу третьей пятилетки началось более или менее массовое поступление новых судов в народное хозяйство.

По окончании Великой Отечественной войны народное хозяйство имело налаженное производство относительно недорогих катеров военного назначения (торпедных, десантных, охотников и т.д.), конверсия которых представляла сравнительно легко реализуемую задачу, что было немаловажным в условиях послевоенной разрухи. Учитывая, что многие

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

транспортные магистрали, особенно в европейской части страны, требовали капитального ремонта или восстановления, партия и правительство взяли курс на всемерное развитие водного транспорта на малых реках.

В 1947 г. было создано Управление по транспортному освоению и технической эксплуатации малых рек при Совете министров Удмуртской АССР, в рамках которого создали Сарапульскую и Ижевскую эксплуатационные конторы (ЭК). В 1952 г. как филиал Ижевской ЭК была образована Воткинская ЭК. Поскольку к этому времени как в Воткинске, так и в Ижевске основной объем водных перевозок осуществлялся пароходами еще дореволюционной постройки, получение новых мотокатеров стало важной мерой технического перевооружения. Только в начале 1950-х гг., когда судостроительная промышленность смогла наладить массовое производство речных теплоходов, прошла еще одна модернизация водного транспорта. Последние мотокатера Ижевской ЭК были списаны лишь в начале 1960-х гг., уступив свое теплоходам, эксплуатирующимся по настоящее время.

К сожалению, обладая невиданной по советским меркам самостоятельностью, что по замыслам создателей могло наилучшим образом решить очень непохожие друг на друга транспортные задачи регионов, управления малых рек практически не оставили после себя делопроизводственной документации. Она не дублировалась по заведенной практике в центральных министерствах и ведомствах, а потому оказалась крайне уязвима. Поэтому восстановление истории многочисленных управлений малых рек, созданных по стране, можно провести лишь по «осколкам» информации, оставшимся в местных архивах.

2. Материалы и методы

Советская практика эксплуатации водного транспорта предполагала написание ежегодных эксплуатационных отчетов. Хотя в фондах Совмина УАССР (ЦГА УР) в повестке заседаний упоминается их обсуждение, но сами отчеты там отсутствуют, как отсутствуют в архиве и фонды самого Управления малых рек. Лишь с ликвидацией Управления и передачей его материальной части в Камское речное пароходство в 1961 г. сохранились эксплуатационные отчеты Сарапульского порта (СГА), куда организационно вошла Ижевская пристань.

Поэтому в качестве основного материала в работе использовались ежегодные статистические отчеты Центрального статистического управления (далее – ЦСУ), касающиеся водного транспорта Удмуртии (ЦГА УР. Ф. Р-845), методика обработки которых была ранее разработана нами (Митюков, Баутина, 2020). Они дополняются документацией по личному составу Ижевской и Сарапульской ЭК (СГА. Ф. Р-82. Оп. 26). Полезными также оказались статьи в периодической печати, в первую очередь в газете «Удмуртская правда».

В качестве основных методов исследования выступили сравнительно-логические методы. Также использовались методы анализа изображений.

3. Обсуждение и результаты

В настоящее время существует обширная историография использования в военно-морском флоте (далее – ВМФ) моторных катеров, включающая в себя как небольшие статьи, так и целые монографии. Она охватывает не только опыт их боевого применения, но и особенности проектирования и конструкции. Однако эта литература вряд ли может быть полезна в данном исследовании, поскольку целью работы является анализ истории катеров гражданского назначения. В этом отношении следует особо отметить фундаментальную работу «История отечественного судостроения» в 5 томах, где правда лишь тезисной форме, упомянуты планы конверсии военных проектов (История отечественного судостроения).

Большой массив информации о серийных отечественных водометных катерах имеется в работе А.А. Власова (Власов, 1962), которая содержит множество технических подробностей. По-видимому, она создавалась на основе имевшихся в то время технических паспортов судов, и потому ее автор рассматривает конструкции катеров, имевшихся в речном флоте лишь на момент написания (без устаревших, но находящихся в строю). Интересен справочник Ю.В. Емельянова и Н.А. Крысова (Емельянов, Крысов, 1950), который содержит обширные сведения по послевоенным мотокатерам гражданской постройки. В качестве существенного недостатка работы следует отметить, что в ней не указаны номера проектов, по непонятным причинам замененные на фразы типа «катер для

быстрых рек». Кроме того, там собраны лишь серийные катера, в то время как в послевоенном СССР значительную долю составляли штучные и мелкосерийные катера собственной постройки, а также зарубежные (в основном трофейные, репарационные и ленд-лизские), которые в данной книге остались вне поля зрения авторов. Казалось бы, брешь по катерам зарубежной постройки должны были бы заполнить работы С.С. Бережного (Бережной, 1994а; Бережной, 1994б), но они акцентированы на биографиях крупных судов, а о мелких катерах зачастую дана лишь общая информация, касающаяся службы в ВМФ. Кроме того, множество небольших репарационных и ленд-лизских судов С.С. Бережной вообще не рассматривал.

Таким образом, следует признать, послевоенная история мотокатеров в отечественном водном транспорте не исследована в полной мере. В настоящее время эта тема разрабатывается лишь отдельными энтузиастами, в разной степени осветившими ее отдельные аспекты на материале ряда регионов (Зачесов, 2009 и др.).

Ранее нами была произведена дешифровка формы «26-вод» ежегодных статистических отчетов, подаваемых в ЦСУ по водному транспорту Удмуртии. В период с 1947 по 1954 гг. это пока единственный подробный источник по судовому составу Ижевской ЭК (Митюков, Баутина, 2020). В результате получилось, что в 1948 г. Ижевская ЭК получила два мотокатера: «Ярославец» (70 л.с.) и «Пионер» (50 л.с.). В 1951 г. к ним добавился катер «Комсомолец» (60 л.с.). В 1952 г. катер «Пионер» был показан в статотчете как путевский, а в 1955 г. его списали. Остальные два мотокатера числились в составе конторы до 1959–1960 гг.

В деле идентификации типов катеров может помочь периодическая печать.

13 июня 1948 г. «Удмуртская правда» опубликовала фотографию П. Катаева нового только что поступившего на Ижевский пруд катера (Рис. 1). В пояснительной надписи под ней говорится: «Управление по делам транспортного освоения малых рек при Совете Министров УАССР в этом году получает с Каширского завода 5 катеров типа НКЛ-47. Они предназначены для буксировки грузов на несамоходных судах по малым рекам. На днях был получен первый катер. На снимке: катер типа НКЛ-47 на Ижевском пруду» (УП, 13.06.48). Хотя качество газетных снимков того времени оставляет желать лучшего, но постройки на заднем плане позволяют довольно точно идентифицировать место снимка. Это действительно Ижевский пруд. Фотограф находился в районе нынешней Ижевской пристани, а на заднем плане вполне определяются здание бывшего заводоуправления (ныне снесенного) и торец дома № 73 по ул. Максима Горького – в то время здания Совета министров УАССР.



Рис. 1. Фотография катера типа НКЛ-47 (УП, 13.06.48)

Вторая газетная заметка этого года также была опубликована в «Удмуртской правде». Она представляет собой рекламное сообщение об открытии регулярного пассажирского движения на катерах по Ижевскому пруду: «Катера отправляются с паровой пристани с остановками в парке культуры и отдыха, на Воложке, в доме отдыха на Игермане... Принимаются к перевозке грузы, производится буксировка дров и плотов на договорных началах». Дается ижевский телефон для справок, приводится расписание движения и стоимость проезда (УП, 10.10.48). Заметка также сопровождается фотографией катера (Рисунок 2).

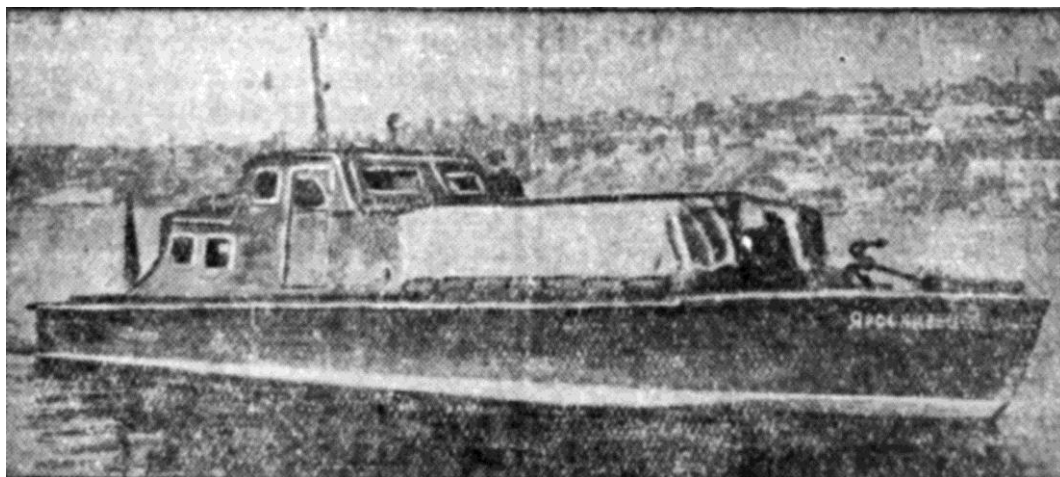


Рис. 2. Фотография катера в рекламном объявлении (УП, 10.10.48)

Задний план с городским пейзажем здесь уже не так легко угадывается, но видно, что имеется городская улица, идущая рядом с обрывом к пруду, очень напоминающая улицу Милиционерную в Ижевске. С правой стороны снимка на ней определяется угол дома, очень напоминающий дом № 14 по ул. Милиционерной, рядом с которым – торец дома № 79 по ул. Максима Горького (само здание не видно, оно уходит за срез снимка). Справа у среза снимка на набережной пруда – строение, похожее на дом № 5 по ул. Милиционерной, бывшее здание Индустриального техникума. Таким образом, с высокой долей вероятности можно заключить, что это тоже снимок Ижевска, сделанный с места нынешней пристани. Но наиболее ценно в нем то, что на борту катера вполне можно прочесть название «Ярославец».

Поскольку в 1948 г. Ижевская ЭК получила катера «Ярославец» и «Пионер», получается, что катер типа НКЛ-47 – это «Пионер».

До получения теплоходов массовых серий, первыми из которых стали «Герой» и «Искра» типа К-80, на Ижевском пруду имелись также пароводы «Свобода» и «Звезда» (Митюков, Баутина, 2020). Их фотографии, в отличие от «Комсомольца», хорошо известны и достоверно атрибутированы (например: Селивановский, 2017).

В частной фотоколлекции Александра Коробейникова имеется фотография неизвестного катера на Ижевском пруду из личного архива Т.В. Грозовой, датированная 1940-ми гг. (Рисунок 3). Судно, судя по всему, совершает регулярные рейсы. А поскольку изображения «Ярославца» и «Пионера» уже известны, с большой долей вероятности этот катер можно идентифицировать как «Комсомолец».



Рис. 3. Неизвестный катер у Соловьевской дачи, Ижевский пруд (личный архив Т.В. Грозовой, публикуется впервые)

В семейном фонде Ожиговых есть еще одна интересная фотография, названная «Старая баржа на берегу Ижевского пруда», датированная 1950-ми гг. (ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 3. Д. 78) (Рисунок 4). На ней изображен списанный пароход, рядом с которым стоит небольшой катер. Если предположить, что катер развернут кормой к фотографу, то по обоим бокам от рубки имеются характерные сходные трапы в пассажирский салон, как на катере у Соловьевской дачи. Конструкция рубки на «Пионере» и «Ярославце» другая: у них наклонные стенки, переходящие в борт. У катера же на Соловьевской даче (Рисунок 3) рубка представляет собой простую коробчатую конструкцию, примерно раза в два уже ширины корпуса. В рубке должен разместиться капитан, управляющий катером, по обеим сторонам от рубки располагаются сходные трапы в пассажирский салон, пол которого находится явно ниже ватерлинии. Поскольку в рубке, скорее всего, капитан находится сидя, дверь в нее должна быть сбоку (сзади для ее размещения будет мешать сиденье, спереди – пассажирский салон). На фотографии фонда Ожиговых именно такая дверь видна слева – на снимке она открыта настежь, частично закрывая собой сходный трап. Таким образом, с высокой степенью вероятности можно заключить, что на Рисунках 3 и 4 – одно и то же судно. Однако имеется и сложность. Ранее этот снимок был атрибутирован как фотография парохода «Свобода» (Селивановский, 2017: 258), списанного в 1955 г. После демонтажа надстроек его в этом году переоборудовали в баржу. Одновременно с ним списали катер «Пионер».



Рис. 4. Фото из семейного архива Ожиговых (ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 3. Д. 78)

5 октября 1959 г. в связи с окончанием навигации и выводом на зимний отстой в последний раз в приказах по личному составу упоминается катер «Комсомолец» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 46). 14 октября 1960 г. в приказах в последний раз упомянуты катер «Ярославец» и пароход «Звезда». Из дальнейших приказов становится понятно, что в декабре на «Звезде» уже идет демонтаж надстроек (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 46).

Анализ фотографий пароходов «Звезда» и «Свобода» (Селивановский, 2017) позволяет выделить идентификационный признак, присутствующий на изображенном судне (Рисунок 4). В носовой части оба парохода имеют фальшборт, но у «Звезды» он более протяженный. В результате этого привальный брус, идущий вдоль среза борта, у «Свободы» заканчивается в начале фальшборта. У «Звезды» же он продолжается примерно до половины длины фальшборта. На Рисунке 4 четко видно, что привальный брус идет на всем протяжении фальшборта вплоть до среза снимка, т.е. как у «Звезды». Остальные идентификационные признаки в данном случае «не работают». Так, носовой салон, характерный для «Свободы», могли снести – на фотографии видны обломки каких-то конструкций. Разная планировка кают над кожухами колес также не может быть использована для идентификации, поскольку они явно находятся в стадии разборки, что видно по отсутствующей задней стенке – в боковом окне виден просвет, что указывает на отсутствие задней стенки. Таким образом, фотографию на Рисунке 4 следует датировать 1961 г., и на нем изображена разборка парохода «Звезда» (а не «Свободы»), рядом стоит катер «Комсомолец» (а не «Пионер»).

В работе Емельянова и Крысова приводится чертеж катера типа НКЛ-47 (Рисунок 5). Обнаруживается полная идентичность его внешнего вида и катера, изображенного на Рисунке 1. На фотографии тентовый верх откинут. В имеющихся в справочнике характеристиках указано, что длина корпуса катера составляет 7,71 м. Для определения примерных размеров катера, изображенного на фотографии, можно использовать фигуру человека. Он явно стоит на палубе в кормовой части, которая находится ниже ватерлинии. Тем не менее, рост человека примерно в четыре раза меньше длины катера. Если предположить средний рост в 1,7 м, то длина получается 7,2 м, что примерно совпадает с указанной в справочнике. На катере имеется штатный двигатель ЗиС-5 в 50 л.с., что также совпадает с мощностью «Пионера» по отчетам ЦСУ. Наконец, судно могло брать 6 пассажиров, но в перегруз – до 20, что подтверждает теоретическую возможность работы на пассажирской линии в Ижевске. С приобретением конторой пароходов «Свобода» и «Звезда» необходимость в относительно небольшом катере отпала, поэтому его и перевели в путейскую службу. Команда катера по справочнику составляла 2 человека, что опять-таки подтверждается эксплуатационной информацией.

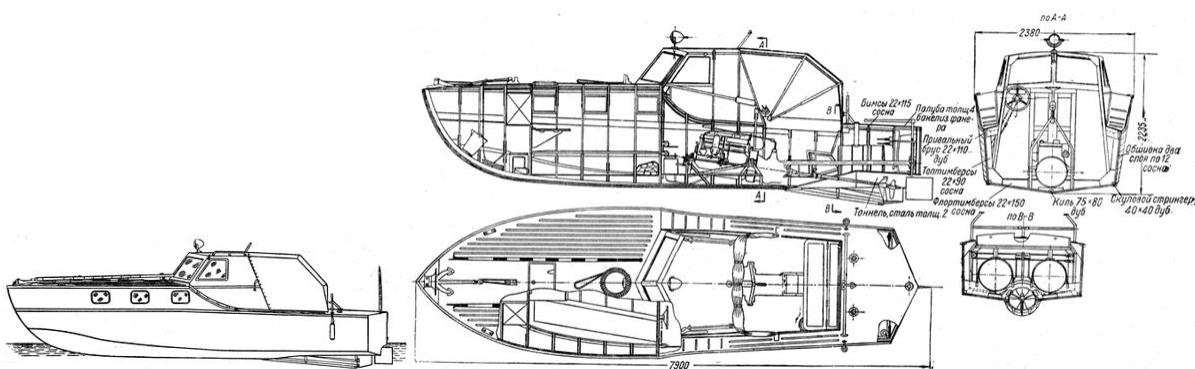


Рис. 5. НКЛ-47 по «Справочнику по мелким судам» (Емельянов, Крысов, 1950)

Что касается «Ярославца», то это явно катер проекта 358 (Рисунок 6). Для народного хозяйства он шел в деревянном или металлическом исполнении. К сожалению, качество газетной фотографии такое, что однозначно определить модификацию «Ярославца» не представляется возможным. Тем не менее, этот катер заметно больше «Пионера» (по характеристикам его длина составляет 13 м) и пассажировместимость в 20 человек на нем достигается уже без явного перегруза. В штатной комплектации на судне стоял

двигатель ЗиС-5 мощностью 50 л.с. Указанная у «Ярославца» мощность 70 л.с. это вполне допускает (двигатель либо форсированный, либо более мощный). Состав команды в 2 человека также подтверждается эксплуатационной документацией.

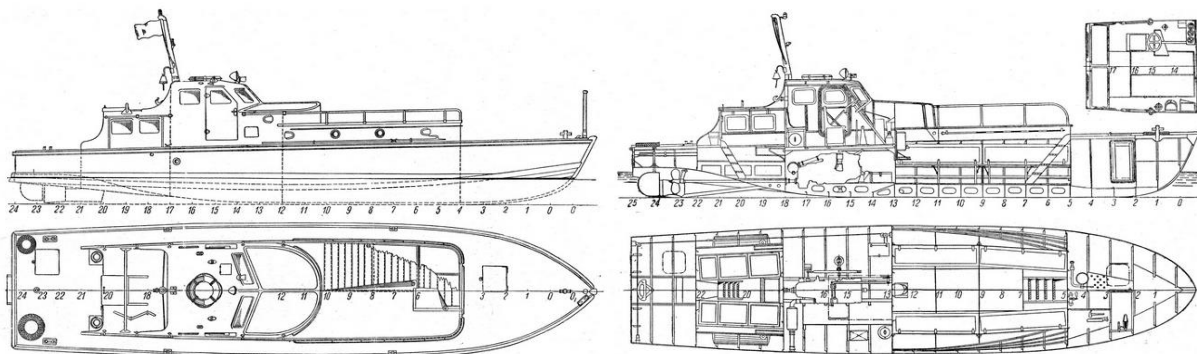


Рис. 6. Внешний вид хозяйственного катера проекта 358: внешний вид деревянной модификации (слева) и разрез металлической модификации (справа) (Емельянов, Крысов, 1950)

И лишь тип «Комсомольца» определить пока не представляется возможным. В работе Емельянова и Крысова похожие суда отсутствуют.

4. Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Все три мотокатера, работавшие в Ижевской эксплуатационной конторе, по всей вероятности, принадлежали к серийным катерам послевоенной постройки. Катер «Ярославец» – проекта 358, «Пионер» – НКЛ-47, относительно «Комсомольца» какие-нибудь выводы о его проекте сделать в рамках имеющихся источников сложно. Тем не менее, судно на фотографии из семейного фотоархива Т.В. Грозовой, скорее всего, – «Комсомолец». Датировку фотографии из семейного архива Ожиговых, запечатлевшей списанные суда, следует изменить на 1961 г. На ней изображены пароход «Звезда» и катер «Комсомолец».

5. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Литература

Бережной, 1994а – Бережной С.С. Трофеи и репарации ВМФ СССР. Якутск: [б.и.], 1994. 190 с.

Бережной, 1994б – Бережной С.С. Флот СССР. Корабли и суда ленд-лиза. СПб.: Велень, 1994. 400 с.

Власов, 1962 – Власов А.А. Речные водометные суда. М.: Речной транспорт, 1962. 158 с.

Емельянов, Крысов, 1950 – Емельянов Ю.В., Крысов Н.А. Справочник по мелким судам. Л.: Судпромгиз, 1950. 396 с.

Зачесов, 2009 – Зачесов А.В. Организация перевозок и работы флота на малых реках Сибири в условиях формирования рыночных отношений. Дисс. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2009. 146 с.

История отечественного судостроения – История отечественного судостроения. В 5 т. СПб.: Судостроение, 1994–1996.

Митюков, Баутина, 2020 – Митюков Н.В., Баутина С.Л. Реконструкция судового состава по статистическим отчетам // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 51–65. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202002Statyio4.

СГА – Управление по делам архивов Администрации города Сарапула.

Селивановский, 2017 – Селивановский С.Н. Старый Ижевск. События и люди в объективе фотографов. Часть вторая. Ижевск: Книгоград, 2017. 484 с.

УП, 10.10.48 – Удмуртская правда. 1948. 10 октября. С. 4.

УП, 13.06.48 – Удмуртская правда. 1948. 13 июня. С. 3.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.

References

Berezhnoj, 1994a – Berezhnoj S.S. (1994). Trofei i reparacii VMF SSSR [Trophies and reparations of the Navy of the USSR]. Yakutsk: [b.i.], 190 p. [in Russian]

Berezhnoj, 1994b – Berezhnoj S.S. (1994). Flot SSSR. Korabli i suda lend-liza [Fleet of the USSR. Lend-Lease ships and watercraft]. SPb.: Velen', 400 p. [in Russian]

CGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Emel'janov, Krysov, 1950 – Emel'janov Ju.V., Krysov N.A. (1950). Spravochnik po melkim sudam [Handbook of small vessels]. L.: Sudpromgiz, 396 p. [in Russian]

Istorija otechestvennogo sudostroeniya – Istorija otechestvennogo sudostroeniya [History of domestic shipbuilding]. V 5 t. SPb.: Sudostroenie, 1994–1996. [in Russian]

Mitjukov, Bautina, 2020 – Mitjukov N.V., Bautina S.L. (2020). Rekonstrukcija sudovogo sostava po statisticheskim otchetam [Reconstruction of the shipboard according to statistical reports]. *Voprosy istorii*. № 2, pp. 51-65. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202002Statyio4 [in Russian]

Selivanovskij, 2017 – Selivanovskij S.N. (2017). Staryj Izhevsk. Sobytiya i ljudi v ob'ektive fotografov. Chast' vtoraja [Old Izhevsk. Events and people in the lens of photographers. Part two]. Izhevsk: Knigograd, 484 p. [in Russian]

SGA – Upravlenie po delam arkhivov Administratsii goroda Sarapula [Office of Archival Affairs of the Administration of the city of Sarapul].

УП, 10.10.48 – Удмуртская правда. 1948. 1948. October 10. p. 4. [in Russian]

УП, 13.06.48 – Удмуртская правда. 1948. June 13. p. 3. [in Russian]

Vlasov, 1962 – Vlasov A.A. (1962). Rechnye vodometnye suda [River water jets]. M.: Rechnoi transport, 158 p. [in Russian]

Zachesov, 2009 – Zachesov A.V. (2009). Organizacija perevozok i raboty flota na malyh rekah Sibiri v uslovijah formirovaniya rynochnyh otnoshenij [Organization of transportation and fleet operations on small rivers of Siberia in the conditions of the formation of market relations]. Diss. ... kand. tekhn. nauk. Novosibirsk. 146 p. [in Russian]

Идентификация проектов мотокатеров Ижевской эксплуатационной конторы

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, d, *}, Светлана Леонидовна Баутина ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^c Московский институт психоанализа, Российская Федерация

^d Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Российская Федерация

^e Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Российская Федерация

Аннотация. В послевоенное время мотокатера сыграли огромную роль в техническом перевооружении отечественного водного транспорта. Они пришли на смену пароходам, в основном дореволюционной постройки, но сами в свою очередь уже через десятилетие практически повсеместно уступили свое место теплоходам. Аналогичные процессы протекали и в Ижевской эксплуатационной конторе Управления малых рек при Совете

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

министров Удмуртской АССР. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. контора получила три мотокатера «Ярославец», «Пионер» и «Комсомолец». На основе анализа имеющейся документации и фотографий сделан вывод, что «Ярославец» принадлежал к катерам проекта 358, «Пионер» – НКЛ-47, а проект «Комсомольца» определить в рамках имеющихся источников оказалось пока невозможно. По-видимому, это судно запечатлено на снимке из коллекции А. Коробейникова (из семейного архива Т. Грозовой). Это же судно изображено на фотографии из семейного архива Ожиговых, из-за чего ее необходимо переатрибутировать и изменить ее датировку на 1961 г.

Ключевые слова: Ижевская эксплуатационная контора, водный транспорт, мотокатер, навигация, освоение малых рек.